

**ЯНВАРЬ
1999**

Литературно-художественный
и краеведческий журнал

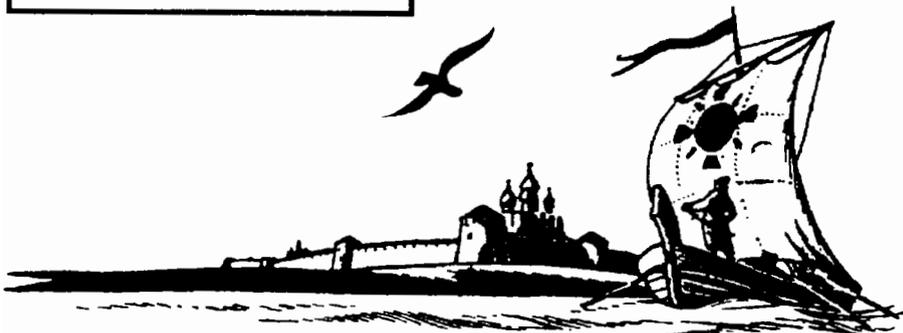
ЧЕРЕМШАН

В номере:

Борис АРЖАНЦЕВ.
«Гений Места» -
философское
исследование
градостроительства.

**Бывал ли Пушкин
в Мелекесе? -
ответ положительный!**

Лидия ЛЕШЕНКО:
«...и подстрелена песня,
как птица».
Из новых стихов.

Только в редакции журнала «Черемшан»!

Всем желающим оценить, подготовить и издать рукописи своих произведений предоставляем возможность:

- рецензирования Вашей рукописи членами Союза писателей России;
- редактуры произведения на профессиональном уровне;
- компьютерного набора, верстки и корректуры рукописи;
- художественного и технического оформления будущей книги;
- издания в фирменном стиле книг, брошюр, буклетов;
- литературной обработки, написания рекламных текстов, приветствий для юбиляров, листовок, докладов, эпитафий.

Предоставляем услуги:

- книжной лавки писателей;
- по составлению социолого-аналитических справок, прогнозов, моделированию выборных кампаний;
- по литературной обработке и подготовке дипломных и кандидатских научных статей;
- по оценке антикварных и букинистических предметов, рукописей, архивных материалов, фотографий, живописных работ, открыток и плакатов XIX и первой половины XX веков, организации аукционов.

Обращаться:
г.Димитровград,
ул.Юнг Северного флота, 107,
2-й этаж.
Телефон 3-11-50.

ЧЕРЕМОШАНИ

январь

1999

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

ПОСЛАД

"МЕЛЕКЕСЕ"

В НОМЕРЕ:

Борис Аржанцев. «Гений Места». Социальная философия или человеческое подсознание?	3
Лидия Лещенко. «Мир от крика охрип». Цикл стихотворений.	20
Александр Никонов. «Побег». Повесть (журнальный вариант).	26
Павел Слюняев. «...Побывать травой на берегу». Стихи.	50
Абдулла Гарипов. «Возвращение». Повесть.	54
Сергей Слюняев. «Мелекесская литература». Опыт научно-вспомогательного указателя.	68
Детский уголок. Лидия Степанова. «Зимняя сказка».	86
А.П. «Бывал ли Пушкин в Мелекесе?» Заметки.	91
Эмма Терентьева. «На Черной речке».	93
Юбилей. Надежда Дрыганова. «Заклинаю тебя». Стихи.	95

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

**Рекламодателям,
претендующим на
площадь в журнале
не менее, чем в
шести номерах,
предоставляется
скидка в размере
30%.**

Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.

В выпуске принимали участие:

Компьютерный дизайн: Т.Царева.

Техническое оформление: А.Ефремов.

© «Черемшан» 1999

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.

Сдано в набор 6.02.99. Подписано в печать 16.03.99. Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 6. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 1156

Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии, 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

ГЕНИЙ МЕСТА

Борис Васильевич АРЖАНЦЕВ родился в 1929 году. Ученых степеней и званий не имеет. Инженер-строитель, закончил аспирантуру по архитектуре. Работал директором Средневолжского филиала института «Спецпроектреставрация», начальником Управления охраны памятников истории и культуры. В настоящее время - научный сотрудник ульяновского Дома народного творчества и досуга. Автор многих научных публикаций по проблемам архитектуры, истории, культуры, философии.

Социальная философия или человеческое подсознание?

Мы обратились к уникальному симбирскому краеведу, специалисту в области архитектурных памятников и истории градостроения Борису Васильевичу Аржанцеву с просьбой о данной публикации. Дело в том, что за свою долгую и увлекательную жизнь он детально изучает не только историческое своеобразие Симбирска-Ульяновска, но и всей нашей области, хорошо знает наш Димитровград, часто посещает его.

Тема гения Духа, поднятая Аржанцевым - лишь небольшая часть исследований в области урбанистики и социальной философии, эстетики и этногенеза. А главное, что здесь обозначен подход к пониманию и осознанию первопричин человеческого расселения, создания людьми своеобразных символов, связующих земную сущность с закономерностями планетарными, аурой Космоса на уровне подсознания.

Вещи эти сколь сложны, столь и знаковы для новой цивилизации XXI века. Требуют серьезного изучения, осмысления. Заслуженный геолог РФ И.П.Мирошников в своем интервью «Народной газете», оценивая необычные явления и места в Ульяновской области с точки зрения геологии, например, утверждает, что есть «зоны геологического возмущения. По линии Сызрани, Новоспасского, Николаевки идет мощный вертикальный разлом в земной коре. Его ширина где-то 20-30 метров. По этому разлому подни-

мается вода, насыщенная ураном. То есть, в определенных точках могут формироваться геопатогенные зоны... Димитровград стоит на таком сочетании и пересечении разломов, что тоже заставляет задуматься. По конфигурации самой Волги можно предсказать возможные геопатогенные зоны...»

Зададим вопрос: исходя из какой целесообразности, кроме использования природных особенностей и экономических реалий, выбрано место строительства исследовательского атомного центра и полигона по захоронению твердых и жидких радиоактивных отходов в Димитровграде? О каком планетарном подсознании или генной знаковости здесь может идти речь, если по существующим разломам в земной коре уже поднимаются насыщенные ураном воды! Речь не идет даже об элементарных комплексных научных изысканиях в данном регионе... Прямой и безумный волюнтаризм.

Ссылаясь на историков прошлого, краеведы понимают, что места, выбранные под мелекесские поселения нашими предками, отличались разбойничьей славой. Городок развивался как бы на основе награбленного и хорошо припрятанного добра в многочисленных карстовых разломах: оврагах, пещерах, залесенных впадинах, болотцах. И далее - Мелекес развивался, как купеческое гнездо, база производства, переработки, скопления сырья и товаров. Как удобная фактория на пересечении путей меж Волгой и Камой. Меж лесными чащобами, возвышенностями, плодородными степями и промысловыми, судоходными реками.

Многое из той философичности «архитектурного романа», присущего Симбирску и осознанное, найденное Аржанцевым, находит отклик и в Димитровграде. Тот же «кудесник каменной тайнописи» Ливчак построил у нас здания гимназий в 1909-1911 годах. Работал над обликом посада и Шодэ. Венцом посадской архитектуры, выражающей философскую и мировоззренческую суть данного социума, является и до сей поры Народный дом (наш драмтеатр), созданный самарским архитектором А.А.Волошиновым. Особая аура этого здания, место его расположения, встроенность в комплекс зданий, спроектированных Ливчуком, позволили Народному дому сохраниться в относительной неизменности через все бурные времена низвергателей. А вот великолепному храму (Красной церкви) Св. Александра Невского, открытому в 1894 году на месте нынешнего офиса фирмы «Жанвит», повезло меньше. Кстати, и второе уникальное творение академика В.О.Шервуда - памятник Царю-Освободителю Александру II в г.Самаре, - как и наша Красная церковь, было снесено большевиками. И сколько бы ни пытались позднее приспособить участок, на котором стоял храм, - то под пивнушку, то под детский парк, то под кинотеатр, - ничего не прижилось в этом богоугодном месте. Ничто иное, чем определенное свыше и людьми посада, облубованное архитектуром...

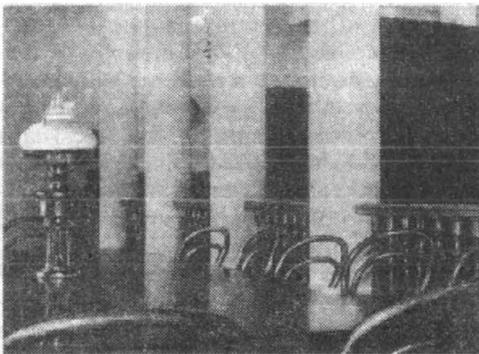
Гений Места, гений Духа, аура высшего разума, зашифрованные в зданиях, улицах, парках, колоннах, портиках, во фронтонах, вензелях, лепнине, решетках... Сколько было этакого в старом Мелекесе! Со временем убывает умная старина, унося с собой опыт прошлых веков, поколений. Житель Симбирска И.Г.Глазков вспоминал о городском быте 1914 года: «В городе 5 кинематографов и театр. Образ жизни, как каждого провинциального города, довольно патриархальный. По воскресеньям и праздникам дело не обходится без пирогов... Прекрасный пол усиленно сплетничает. Все так привыкли друг к другу, что приезжий делается сразу заметным». Гений Духа... Он и в этой мешанско-неторопкой, «обломовской» жизни. В умиротворенности и сосуществовании людей, домов, украшений, садов и скверов, в их благополучии, осознаваемом нами подспудно через символы и гены, через миропорядок и Мироздание.

Дух Места или Гений Места того или иного города в описании отдельных изданий является редким событием в нашей стране. Нам известны, во-первых, книга «Душа Петербурга» Николая Павловича Анциферова ученого-краеведа 1920-х гг., переизданная в 1990г., в которой он пишет: «Гражданин, познай свой город - и ты познаешь и свою социальную среду, и себя самого», во-вторых, статья Вячеслава Леонидовича Глазычева, ученого-архитектора под названием «Дух Места» из книги «Освобождение Духа» под редакцией А.А.Гусейнова и В.И.Толстых. М.: Политиздат, 1991г. Автор пишет: «...Гений Места, Дух Места. Фундаментальная категория культуры... Процесс освоения окружающего мира заново идентичен процессу утверждения Места, вслед за чем наступает черед закрепления и имени...» Для Симбирска с 1648г, переименованного в Симбирск с конца XVIII в., а с 1924г. Ульяновска Гений Места проявляется в трех качествах, которые можно обозначить как Природный, Градостроительный и Духовный Венцы города. Природный Венец - это, прежде всего, неповторимое сочетание трех акваторий: речки Симбирки, реки Волги и реки Свияги. Симбирка питается родниками и течет против Свияги, которая течет против Волги и впадает в последнюю. Свияга выше Волги почти на 40 м при расстоянии около 2 км в черте города друг от друга, что создает Симбирский «Петергоф», который способствует образованию многочисленных родников на склонах Волжского косого-ра. Все водные источники образуют в пределах города мощный «узел» водных энергий и всесторонне влияют на него. Симбирский «Петергоф» с Волгой и Свиягой формирует правые берега обеих рек, активно подмывающих с двух сторон междуречье, место зарождения исторической части города. Так образовался обширный Свияжский Амфитеатр с западной стороны, а с восточной по косогору правого берега Волги живописным узором расположились чередой гребни и цирки, завершенные ожерельем Венцов: Старого, Нового, Среднего, Северного и Южного, на которых возвышается парадный фасад города, обращенный лицом к Волге. Все части города: Ленинский и Железнодорожный районы междуречья, левые берега Свияги с Засвияжским и Волги с Заволжским районами - получили равномерный доступ к речным акваториям. Благодаря природной уникальности город имеет благоприятную и раз-

На снимках: интерьер Ульяновского Дворца книги (Карамзинская библиотека) тоже имеет свои духовные особенности, выраженные архитекторами.

нообразную ландшафтную основу для своего формирования, исключаяющую возможность слиться в монолитное и единое урбанизированное целое.

Согласно Гиппократу, самое выгодное в природном отношении расположение города по странам света, климату и солнечному освещению считается его ориентация на восток: «А относительно тех городов, ... которые расположены на восток солнца, естественно более здоровы, чем те, которые обращены к северу и ветрам теплым... И город, расположенный таким образом, по умеренности тепла и холода похож не весну...» Историческая часть города, где раньше располагался Кремль и посад, а ныне размещены современные административные, культурно-зрелищные и учебные центры города и области, а также весь склон правого берега Волги и верхняя часть косогора, протянувшаяся на десятки кило-

метров, полностью соответствуют этим идеальным условиям местности. Перед нами поистине земля обетованная, поисками которой наполнены многие сюжеты Библии, а также былин, сказок и легенд. Подтверждением этому служат многочисленные факты поселения в городе беглых крестьян.

Так, в 1667г. вязмитин из Шацкого уезда Степан Лукьянов сын Белюсов обнаружил в Синбирске несколько семейств беглых своих старинных вотчинных крепостных крестьян по фамилии Гладышевы и дал им отпускную «по душе родителей своих отпустил на волю, жить им, где они похотят...» Отпускная дана была при условии: «... а впредь тем крестьянам Микифорку с детьми иных моих крестьян не подговаривать и к себе не принимать». Очевидно, не последнее значение имел факт наличия благоприятных ландшафтных и градостроительных условий под защитой молодой Синбирской крепости для новых поселенцев, в числе коих явились несколько представителей обширного семейства Гладышевых.

Знаменитая «Гончаровская» беседка на высоком волжском берегу

Энергию водных стихий города и ближайшего природного окружения дополняет активная роза ветров, постоянно меняющаяся из-за наличия перепадов высот местности и общих изменений климата в Поволжье, за что Симбирск получил название «Город Семи Ветров». Энергия водной и ветровой стихий при основании города была дополнена знаменитой засечной чертой, которая началась на западе со стороны Карсуна и заканчивалась на востоке Синбирской крепостью, основанной окольным и воеводой Богданом Матвеевичем Хитрово (1615–1680) с товарищами и градодельцами последующего времени. Начальный этап формирования города в

условиях обширных просторов Дикого Поля при наличии мощных потенциальных и мало используемых энергий земельных, водных, ветровых и людских ресурсов характеризовался прежде всего военно-оборонительными, торгово-хозяйственными и религиозно-нравственными функциями. Симбирская крепость образовывала единый и своеобразный узел всех природных и людских энергий, сюда стали интенсивно стекаться на плодородные земли различные культурные потоки населения более чем из 37 городов и иных населенных пунктов страны во второй половине XVII века. Уникальные природные достопримечательности города столь существенны и постоянны, что позволяют обнаружить и соответствующие им астрологические символы и их связь с рядом историко-культурных памятников города.

Обнаруженные в местном архиве чертежи поперечного разреза Волги и ее правого берега, датируемые концом XIX века, дают изображение реки в виде огромного ковша, которому в северном полушарии соответствует созвездие Большой Медведицы. По своей значимости Волга является одновременно и символом Большой Родины. Река Свяга, берущая начало в Ульяновской области и в основной своей части протекающая на ее территории, является символом Малой Родины и соответствует созвездию Малой Медведицы. Оба эти созвездия разделяет созвездие Дракона с характерным изгибом. В свою очередь, созвездие Дракона по своему промежуточному расположению между Большой и Малой Медведицами совпадает с положением Междуречья, на

территории которого находится историческая часть города, также имеющая изгиб правого берега Свяги, так называемый Свяжский Амфитеатр. Но на этом сравнение не заканчивается. Очевидно, далеко не случайно декоративное изображение дракона дважды появилось в Симбирске.

Первое изображение дракона горожане увидели в качестве флюгера на шпигеле углового купольного покрытия здания Земской уездной управы в 1888 году. На этом же здании в верхней части треугольного фронтона был установлен герб города. Ни то, ни другое изображение не сохранилось, в настоящее время здесь размещается гарнизонный

Дом офицеров. Второе изображение дракона появилось в 1905 г. в середине звеньев металлической ограды по ул. Саратовской (с 1912 г. - ул. Гончарова) у здания Земской губернской управы (ныне Почтамт) вместе с гербом города на самом здании в его верхней части и до сих пор сохранилось. Достопримечательности и особенности города отражены в целом ряде символов, среди которых по-особому выделяется герб Симбирска. Символизм - это концентрированное выражение искусства мыслить образами. Немного истории. Все издревле сложившиеся легенды об образовании первоначального названия города «Симбирск» находят свое подтверждение. Так, на мордовском языке он означал «зеленые горы», что естественно в связи с тем, что при одном из основных занятий - пчеловодстве летом ульи размещались в дуплах деревьев; на чувашском языке «симбирск» означал «белая гора» и «обиталище людей», что также правомочно. Скандинавское происхождение такого названия связывается с «горной дорогой» и «придорожной березой». Нагайская дорога по правому верхнему берегу Волги также упоминается в древних письменных источниках. На общетюркском языке такое название означает «одинокая могила». Известно на территории города 1878 года десять старинных кладбищ, раскопанных по пору-

*«Народный дом»
архитектора
А.Волошинова в
Мелекессе. Ныне
здание
городского
драмтеатра.*

чению «Казанского общества испытателей» студентом Чугуновым. Несомненный интерес представляет и одинокий курган на бровке косогора Владимирского сада, ныне парка им.Свердлова. Такое толкование подкрепляется весьма распространенной современной традицией сооружения обелисков на Новом Венце в 1927г. и на площади 30-летия Победы.

В совокупности всех этих древних названий города, очевидно, надо искать и происхождение герба города Симбирска 1780г. Симбирского наместничества и герб Симбирской губернии 1878г., основу которого составляет изображение не щите колонны, увенчанной императорской короной, символизирующей собирательный образ всех преыдущих легенд названий города. Одиночная белая колонна является обобщенным идеальным образом-символом вертикали, как мировой оси, одинаково присущей и горе, и дереву, и одинокой могиле. Венчающая герб корона ассоциируется с природным Венцом города и соответствует идее духовного превосходства над материальными и стихийными силами физического мира. Одиночная колонна символизирует также связь микрокосмоса (человека) с макрокосмосом (Вселенной), а также в качестве универсального единства трех миров: подземного, наземного и небесного, она ассоциировалась с крестом Святого Андрея Первозванного, ставшего в 1699 году первым Российским орденом. Все старые сохранившиеся здания бывшего Губернского правления (ныне Сельскохозяйственная Академия), Дворянского Собрания (ныне областная библиотека «Дворец книги») и Государственного банка на ул.Гончарова украшены на фасадах колоннами ионического ордера, что связано с предпочтениями местных архитекторов ввиду утверждения герба Симбирска в 1780 г. императрицей Екатериной II. Ионический ордер колонн символизировал красоту, грациозность и пропорции древнегреческих женщин как более тяжеловесные колонны тосканского и дорического ордера - твердость и пропорциональность мужского тела. Фигура каждого человека тоже имеет вертикальную ось, как и колонна, изображенная на гербе.

В целях придания наибольшей значимости этому фактору совместно с астрологическим символом города вспомним, что самая крайняя звезда в созвездии Малой Медведицы называется Полярной по своей близости к центру вертикальной оси Северного полушария звездного неба. Удивительное совпадение символа вертикальной оси звездного неба, герба города и человеческой фигуры составляет основную особенность Духа Места или Гения Места как старого Симбирска, так и современного Ульяновска. Колонна в гербе одновременно является символом архитектурно-строительного искусства и как нельзя лучше соответствует всему природному окружению, включая обширное искусственное Куйбышевское море, способное при рациональном расположении на его побережье и островах вместить целый ряд оптимальных по размерам городов курортного и иных назначений.

От Дикого Поля на месте основания Симбирска первого этапа формирования города до современного Дикого Поля нового моря, на берега которого уже сейчас готово придти целое ожерелье Городов Будущего, таков путь прошлого, настоящего и будущего одного из замечательных городов Среднего Поволжья, каким является г. Ульяновск. Градостроительный Венец города на протяжении 350 лет со дня основания наиболее полное воплощение нашел в такой отличительной характеристике массовой малоэтажной жилой застройки, как город-сад, а также в целом ряде таких произведений архитектуры, как мемориальные сооружения. Вплоть до середины XX в. преобладающим типом массовой жилой застройки города являлся дом-особняк с садом, огородом, парадным и хозяйственными дворами и строениями. В целом застроенные участки составляли около 25-27%, более 40% - сады и огороды, значительное место оставалось «пустопорожним». В настоящее время территория историко-мемориального заповедника в исторической части города около 170 гектаров, а также малоэтажная застройка еще сохраняют эту особенность города-сада. Весь склон Волжского косогора, занимающий около трети территории междуречья, покрыт фруктовыми садами, парковыми насаждениями, включая знаменитую Винновскую рощу на юге и парки Победы и Юности на севере, образуя огромную территорию естественной рекреации, постоянно пополняющую город свежим воздухом и создающей условия для массового отдыха горожан.

Градостроительный Венец города наиболее ярко воплотился в целом ряде мемориальных сооружений, к которым относятся Свято-Троицкий собор (не сохранился), Дом-памятник И.А.Гончарова, Карамзинский мемориал, в котором как в главной библиотеке города и области ныне Дворце книги им. В.И.Ленина воплотилась давняя мечта симбирян, Народный мемориал, представленный Крестьянским поземельным банком, а в настоящее время Государственным университетом. Завершает этот перечень здание Ленинского мемориала. Такие здания, как правило, возводились по индивидуальным проектам, имели оригинальные и неповторимые архитектурно-художественные образы, в них всегда наиболее полно представлен творческий синтез нескольких видов искусств, они несли в себе идеи, сопоставимые со своими эпохами, а иногда и далеко опережали их. Через посредство мемориальных зданий, истории их создания, раскрытия их места в отечественной и мировой культуре можно проникнуть в такие понятия, как «Мемориальная архитектура Симбирска-Ульяновска во всемирной связи искусств», «Парад Российских идей в архитектуре Симбирска», «Градостроительный иконостас», «Архитектурный роман» и т.д., что в целом составляет Гений Места, всю красоту и обаяние города. Городу Ульяновску - бывшему Симбирску, как одному из крупнейших городов страны, безусловно, нужны сравнения мирового масштаба. В этом нетрудно убедиться, если принять в качестве аналогов непревзойденные образцы - храмы Афинского акрополя в Греции. Здесь есть и с чем сравнить, и чему поучиться, и над

чем задуматься. Итак, города Афины и Ульяновск, в первом - «Фиалковый Венец» на высоте 68 метров, названный так в V в. до н.э. за липовый цвет мрамора, из которого выполнены колонны, стены, фронтоны и скульптуры большинства знаменитых храмов; во втором - градостроительный Венец из величественных мемориальных сооружений, возведенных в XIX-XX веках на верхней части Волжского косогора, где раньше размещался деревянный рубленый кремль с окружающей территорией на высоте около 130 метров, за что тоже издревле получил название Старого и Нового Венцов. Сопоставляя мемориальные сооружения обоих городов, мы попытаемся преодолеть время в 2500 лет и выяснить как общие черты, так и особенности каждого из них. Сравним три храма в Афинах на акрополе: Парфенон, Эрехтейон и Ники Аптерос, а также храм Гефестейон на Большой Афинской агоре (площади) за пределами Акрополя с Ленинским и Гончаровским мемориалами, включая Троицкий собор, а также Народным мемориалом в г. Ульяновске.

Первый храм в Акрополе - Парфенон, сооруженный в 447-438 гг. до н.э., был посвящен богине-покровительнице города Афине. Это храм имел по периметру 46 колонн, а внутри его была установлена статуя Афины. Именем этой богини назван и сам город. В Ульяновске в 1967-1970 гг. был возведен Ленинский мемориал, посвященный 100-летию со дня рождения В.И. Ульянова (Ленина) в нашем городе. В его основе около 50 колонн, а в торжественном зале мраморный памятник В.И.-Ленину. Город носит имя, связанное с фамилией Владимира Ильича Ленина (Ульянова). В обоих случаях перед нами монументально-исторический стиль мемориальных сооружений, посвященных выдающимся личностям: в одном - мифологическому образу богини, в другом - мифологизированному, но реально жившему и великому человеку.

Вся суть представленного сопоставления заключается в ответе на вопрос: если оба мемориала возводились в честь выдающихся и почитаемых личностей, то как они используются - также в целях только принесения каких-либо почестей и хранения музейных экспонатов, что недопустимо, или в целях просвещения наиболее широких народных масс? Как в случае Афин, так и в Ульяновске современное назначение обоих мемориалов характеризуется широким привлечением разнообразной публики и универсальным использованием особенно Ленинского мемориала в научных, учебных, музейных и культурных целях всех помещений. Парфенон признано сохранить в руинном состоянии, так как он имеет непреходящую историко-культурную, археологическую, архитектурную и вообще искусствоведческую ценность как выдающийся памятник мировой культуры (его авторы: Фидий, Иктин и Калликрат). Второй храм в Акрополе - Эрехтейон, сооруженный в 421-406 гг. до н.э., в отличие от симметричных храмов Парфенона и Ники, является асимметричным. Он посвящен сразу трем божествам. Афине - богине мудрости и справедливой войны, покровительнице героев (ее любимцем был Одиссей), оберегательнице общественного порядка, защит-

нице ряда греческих городов (Афин, Аргоса, Мегары, Спарты и др.) и носящей имя градозащитницы. Афина также была помощницей многим художественным ремеслам: гончарам, ткачам, рукодельницам, строителям кораблей и вообще рабочему люду. Афина, как богиня мудрости, отличалась разумностью как в государственных делах, так и космических, являясь символом всеобъемлющей мировой мудрости.

Следующее божество, которому наравне с Афиной посвящен этот храм, - Эрехтний. Он был одним из первых аттических царей мифологического происхождения, который установил в честь Афины ежегодные панафинейские праздники (как апофеоз Афине) с устройством состязаний в пении, игре на кифаре и флейте.

Третьим божеством, которому также был посвящен Эрехтейон, являлся Посейдон - в греческой мифологии один из главных олимпийских богов, владыка моря и водной стихии, в римской мифологии он отождествляется с Нептуном. В Ульяновске Эрехтейону больше соответствует Дом-памятник писателю И.А.Гончарову, в современных представлениях как Гончаровский мемориал, сооруженный по всероссийской подписке в 1913-1916 гг. по проекту талантливого местного архитектора Августа Августовича Шодэ. Во-первых, он асимметричен; во-вторых, с самого начала у него было тройное назначение: художественный музей, школа промышленного рисования и черчения, а также библиотека (в настоящее время здесь размещены художественный и краеведческий музеи); в-третьих, украшение главного фасада скульптурами по проекту (в натуре не было осуществлено) предусматривало синтез искусств и ремесел под стать многоплановому облику богини Афины, но в виде богини древних римлян Минервы, которая отождествлялась с Афиной. Последним фактом подчеркивалась композиционная и смысловая связь этих двух шедевров, разделенных тысячелетиями.

Отличие Гончаровского мемориала от Эрехтейона заключается в том, что он не только памятник истории и культуры Отечества, но и действующее культурно-просветительное учреждение с изумительным архитектурно-художественным образом. Эрехтейон в его современном виде представляет огромный интерес не как действующий объект с современной или исторической функцией, а как непревзойденный образец одного из храмов древнегреческого искусства мирового значения в руинированном состоянии.

Третий храм в Акрополе - Ники Аптерос (бескрылой) - был построен около 425 г. до н.э. по проекту Калликрата. Небольшой симметричный храм сооружен в честь победы греков над персами, а бескрылая статуя победы Ники не была дефектом скульптора или позднейшим актом вандализма, как думали некоторые исследователи. Так и было задумано, чтобы победа не могла «улететь» от греков с помощью крыльев. В Симбирске тоже был храм-памятник победы над французской армией Наполеона, сооруженный в 1827-1841 гг. Этим памятником являлся Троицкий собор, опрометчиво разрушенный в 1936 г. Он был симметричен отно-

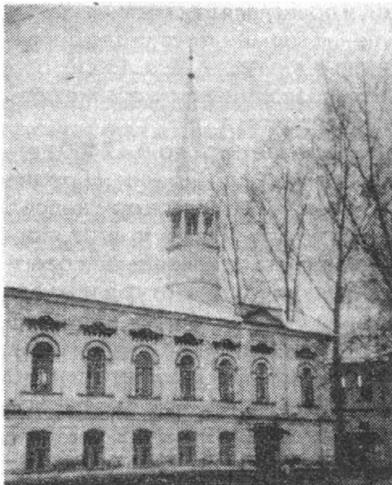
сительно продольной оси, как и храм Ники, и почитался как главная святыня города. Его автор М.П.Коринфский - ученик знаменитого петербургского зодчего А.Н.Воронихина. На его родине в г.Арзамасе до сих пор стоит величественный Воскресенский собор, возведенный по его же проекту, а в Казани - ряд зданий Казанского университета.

Конечно, храмы Ники и Троицкого собора разделяют почти 2400 лет, первый возводился в условиях классического периода Древней Греции при господстве языческой мифологии, а Троицкий собор сооружался в период процветания в России христианской религии и ряда других, когда наряду с общечеловеческими и нравственными идеями были совершенно иные способы их выражения в архитектуре, скульптуре и живописи. Однако сам подход к воплощению важнейших событий истории в произведениях архитектуры в жизни разных народов оставался единственным, а именно - монументально-историческим и мемориальным.

В довершение сравнения памятников истории и культуры в Афинах и современном Ульяновске приведем еще один пример. Северо-западнее Акрополя и за его пределами рядом с большой Афинской агорой был построен дорический храм Тезея (Гефестейон). В греческой мифологии Гефест - бог ремесел, огня и кузнечного дела, он кует оружие и щиты, он мастер и художник. В римской мифологии ему соответствует Вулкан и роднит его с четвертым, так называемым Народным мемориалом, сооруженным в Симбирске в 1909-1911 гг. по проекту городского архитектора Федора Осиповича Ливчака, так как его основное назначение - это Поземельный Крестьянский банк. Выполненный в национально-романтическом направлении стиля модерн, он в завершающей части главного фасада имеет «Богатырский фриз», оформленный в виде широкой полосы майоликового орнамента с семью ромбовидными обрамлениями, в которых представлены семь повторяющихся поясных изображений богатырей в шлемах, кольчугах, со щитами и белыми крестами. В интерьере главного зала сохраняется люстра с элементами чеканки по металлу, напоминающими богато декорированный пояс богатыря. Само здание, представленное в образе колоссальной русской избы с мансардным третьим этажом, ассоциируется с прекрасным народным творчеством, во всех своих деталях наполненное изделиями резьбы по дереву, скульптурами своих эмблем мудрости и крупным арочным окном второго этажа, напоминающим радугу.

Аналогичные по духу здания Поземельных банков по проектам Ф.О. Ливчака были построены в Нижнем Новгороде, Тамбове, Омске и других городах страны, но «Богатырский фриз» среди них стал единственным.

Значение градостроительного Венца города, как своеобразного Духа Места, будет неполным, если мы не рассмотрим еще одну отличительную особенность его, а именно, «Парад Российских идей в архитектуре Симбирска-Ульяновска». Начало идеи в городе было положено возведением на таком месте, как внутренняя территория кремля, соборной церкви Святой Живоначальной Троицы. Сооруженная в се-

Вновь возвращенное из советского небытия в первоначальное предназначение здание старинной мусульманской мечети в Мелекессе.

редине XVII в., она была деревянной и сгорела в 1694г., затем в 1702-1712гг. был построен каменный Свято-Троицкий собор. В 1827-1841гг. в честь победы над армией Наполеона и последующего заключения мира в Европе с участием России в Симбирске был сооружен храм-памятник Троицкий собор в качестве своеобразного мемориала культового значения. Старый Троицкий собор был переименован в 1844г. в Николаевский.

Немного об истории российских идей, связанных с христианством. Как отмечает отечественный известный мыслитель и священник П.А.Флоренский, одной из первых идей и почитаемых икон, как и храмов, в средневековой Киевской Руси являлась идея премудрости Божией, как и икона Божией Матери Софии Премудрой, в

честь которой подобно Софийскому собору в Константинополе были сооружены первые Софийские соборы и в Киеве и Новгороде. Слово «софия» означает по гречески мудрость. Премудрость - это ее высшая степень. И в этом реализовывается первая Российская Идея. Приходится только восхищаться и удивляться такому прекрасному первому шагу Древней России навстречу выбору и принятию такой изумительной идеи в составе христианской религии, которая соответствовала взглядам наших отдаленных предков и пришлось им по душе вместе в красотой храмов, пением, росписями стен и иконами. Недаром у новгородцев бытовало выражение: «Где София, там и Новгород». Период возникновения Московской в XIVв., а затем Петербургской России начала XVIII в. П.А.Флоренский связывает с идеей Троицы: «Это - второй символ русского духа; под знаком его разворачивается древнейшая русская история, и достойно внимания, хотя иного и ждать было нельзя... в котором, своим чередом, выразилась русская идея и своеобразие русского духа...»

Вторая Российская идея, считает П.А.Флоренский, особенно быстро развилась и прочно укрепилась повсеместно под отрицательным влиянием разрозненности княжеств и нашествия монголов. Обобщенно ее можно назвать Идеей Единства культуры, просвещения, хозяйственности и государственности, как Российскую «Идею в ее целом», символом которой стала икона Святой Троицы, широко известной в трактовке живописца, ныне святого Андрея Рублева. Вдохновителем Идеи Троицы и основателем знаменитой Троице-Сергиевской лавры под Москвой в XIVв. стал провозвестник «Идеи русского духа» (П.Флоренский)

Сергий Радонежский. Мы подступили к одной из загадок основания Свято-Троицкого храма в Симбирске.

Во-первых, это было связано с широкой популярностью в России самой Идеи Троицы того времени, особенно в условиях защиты юго-восточных земель Московского государства и укрепления его единства; во-вторых, в период основания Симбирска в нем был многонациональный состав населения, для объединения которого Идея Единства была наиболее приемлемой и целесообразной; в-третьих, сама природа с ее удивительным сочетанием трех водных артерий, включая Симбирку, Свиягу и Волгу, последовательно впадающих друг в друга, да еще текущих навстречу друг другу, создавали идеальные условия для выбора именно такого главного соборного храма города. Примечательно также то, что Святая Троица является воплощением соборности, как одного из основных понятий в государстве, религии, в родословной и семье любого человека. Вряд ли найдется храм, где бы не было такой иконы. Широкое распространение Троицких храмов в России способствовало ее единению. Известны Троицкие соборы и церкви в Москве, Петербурге, Новгороде, Пскове, в Ипатьевском монастыре Костромы и т.д. В Симбирской губернии в 1900г. насчитывалось 78 таких храмов, а в самом городе Симбирске - Троицкий собор и Троицкая церковь (не сохранились). Однако следует учесть главное, а именно: как бы ни именовался тот или иной православный храм, алтарь в любом из них всегда содержит престол Божий как воплощение Троицы. «...алтарь означает человеческую душу, а сам Храм - тело», - пишет П.А.Флоренский, - «При богословском толковании Храма, как указывает Солунский Святитель, в алтаре нужно видеть таинство непостижимой по существу Троицы, а в Храме - Ее познаваемый в мире промысел и силы».

Всесторонне оценивая уникальные природные и градостроительные особенности города первого периода его формирования, нельзя не отметить как удачный выбор места размещения крепости на мысовом участке Волжского косогоора, так и именованя главного храма Троицким. Начало XX в. в Симбирске было ознаменовано появлением наряду с сооружениями культового назначения ряда зданий светского характера, архитектурно-художественные образы которых столь значительны и многообразны, что мы вправе говорить об особом явлении в культуре, а теперь уже и в истории города, как «Архитектурный роман».

Гений или Дух Места Симбирска в этот период подъема духовной и материальной жизни города перед первой мировой войной воплотился в таких известных сооружениях, как железнодорожный мост через реку Волгу с притоками и островом (автор проекта Н.А.Белолобский), возведенный в 1913-1916гг.; первая электрическая станция (автор - гражданский инженер Феофан Евтихиевич Вольсов), построенная в 1913г. в духе архитектурных храмов Солнца Древнего Египта с двумя обелисками на главном фасаде и фронтально-глубинной объемно-планировочной композицией всего сооружения; первые кинотеатры, из которых выделялись

Многие постройки прошлого века, «одухотворенные» именитыми архитекторами, будут служить димитровградцам и в XXI веке.

нике И.А.Гончарову, или по-современному, Гончаровском мемориале. Архитектурно-художественный образ его сложный и многоплановый, сочетающий в себе триумфальную арку главного входа, появление которых в мировой культуре восходит к первым годам начала нашей эры; пятипролетную аркаду второго этажа, ассоциирующуюся с подобной аркой Малатестианского мавзолея в г.Римини (Италия) эпохи Возрождения; атриумный дворик парадной лестницы в центре интерьерного пространства с верхним естественным освещением через стеклянную крышу; наконец, образ беседки на краю обрыва из одноименного романа И.А.Гончарова, иллюзорно воплощенный в верхнем третьем этаже цилиндрической угловой башни здания. Остановимся только на мотиве триумфальной арки главного входа, которая представляет собой вместе с неосуществленным бюстом И.А.Гончарова на выступе балкона второго этажа идею триумфа творчества писателя, а если учесть также неосуществленные рельефные изображения на пилонах этой арки атрибутов всех видов искусств, то эта идея получает более широкое звучание как триумф Творчества вообще. Творчество – это основная Российская Идея как раньше, так и теперь. А ее воплощение в Гончаровском мемориале, музейном здании областного значения, в то время как триумфальные арки, как правило, возводились только в честь военных побед, поднимает приоритет Духа Места города вслед за Троицким собором на достойную высоту!

XVII и XVIII века на оставили Симбирску ни одного скульптурного памятника. Зато XIX век отмечен знаменитым памятником историку и литератору Н.М.Карамзину. Основная идея этого памятника и ее образное воплощение наиболее полно выражены в словах автора С.Гальберга «Народ России достоин знать свою историю». Именно исторические события, связанные с Симбирском, стали главными и для судеб всей России. Достаточно вспомнить восстание под руководством Сте-

такие, как «Экспресс» (ныне «Пионер») и «Амбир» (ныне «Художественный»), возведенные в 1911 и 1913гг. по проектам Ф.О.Ливчака и Ф.Е.Вольсова; дом-памятник И.А.Гончарову (ныне художественный и краеведческий музей), построенный в 1913-1916гг. по проекту Августа Августовича Шодэ, и др.

Из перечисленных объектов остановимся на последнем – Доме-памят-

пана Разина и поражение его войска под Симбирском в 1670г., затем пленение Е.И.Пугачева и содержание его под стражей в городе, наконец, рождение В.И. Ульянова (Ленина) и его роль в судьбе России в первой четверти XX в., при его жизни. Подобно тому, как памятник Петру I в Петербурге несет в себе Гений города и страны в словах, выраженных А.Белым и означающим «Прыжок России» из состояния отсталой страны с преимущественно феодальным укладом в один ряд с передовыми странами западной Европы, затем памятник Минину и Пожарскому в Москве с Идеей «Единства сословий» перед грозящей опасностью иноземных поработителей, так и Симбирск в памятнике Н.М.Карамзину воплотил свой Гений Места, дополняющий собор гениев городов местными особенностями и традициями.

Н.П.Анциферов в книге «Душа Петербурга» пишет: «Для постижения души города нужно охватить одним взглядом весь его облик в природной раме окрестностей. Профессор И.М.Гревс рекомендует начинать «завоевание» города с посещения какой-либо вышки. Так, хорошо в Риме прежде всего подняться на Яникульский холм или в сады Монте Рипцио, Венецию и Флоренцию обозреть с высоты из стройных компанилл; Париж - с холма Монмартра, из купола храма Святого сердца». Москва хорошо воспринималась с высоты Воробьевых гор и Поклонной горы. Город Симбирск имеет две известные точки восприятия как города из внешнего пространства, так и этого пространства со стороны города. Н.М.Карамзин, отмечая изумительные виды природного окружения со стороны высокого правого берега Волги, писал: «Симбирские виды уступают в красоте не многим в Европе». Народный архитектор страны В.Н.Симбирцев, наоборот, высказывал свои впечатления о городе своей юности со стороны Волги, когда весной повсюду зацветали сады: «В это время мы, юноши, спускались к Волге, садились в лодки и отплывали от берега. И перед нами открывалась изумительная картина: огромное полотно цветущих фруктовых садов на волжском склоне, над всем этим парящий купол Троицкого собора и звуки музыки на Венце - все это создавало неизгладимый образ родного города».

Завершающим в Симбирске, как и в современном Ульяновске, является Духовный Венец города в виде своеобразного Гения Места. Духовный Венец города - это его жители с их творческими возможностями, среди которых полярно противопоставлены, с одной стороны, личности созерцательного типа, подобные знаменитому Обломову из одноименного романа писателя И.А.Гончарова, а с другой - деятельные и выдающиеся личности, как, например, Н.М.Карамзин, И.А.Гончаров, М.П.Коринфский, А.А.Шодэ, Ф.Е.Вольсов, Ф.О.Ливчак, Н.М.Языков, В.И.Ленин, А.А.Пластов, А.А.Любищев, А.Н.Блохинцев и многие другие. Во всем многообразии этих двух типов личностей наглядно проявляется влияние Гения или Духа местности, в которой сочетаются мощные потоки природных энергий, отмеченных ранее. Еще Н.Г.Чернышев-

ский отмечал привлекательность завораживающих человеческий взор таких явлений, как водопад, пламя огня и вообще проявлений движения в водной, воздушной, огненной и земной стихиях. Движение - это жизнь, утверждал писатель и философ. Отсюда следует, что вполне естественно для созерцательных личностей типа Обломова чувствовать себя вполне комфортно даже в бездеятельном состоянии при наличии в городском ландшафте и природном окружении таких мощных потоков энергии. В то же время такие энергии, порождая огромный здравый смысл в натурах более активных, побуждают к необходимости напитаться знаниями и опытом наивысших достижений истории и культуры от разных эпох и цивилизаций. Вот почему для нас становятся понятными изучение Н.М.Карамзиным истории древней России, затем поездка по странам Западной Европы с последующим написанием знаменитой «Истории Государства Российского»; подобным образом И.А.Гончаров, направляясь в кругосветное путешествие на фрегате «Паллада», вырабатывает свою идею мировой жизни, согласно которой изучает зарубежные страны и сравнивает их с Россией в поисках «нормы жизни» для своего отечества. В.И. Ленин также основывает свое убеждение на том, что современным человеком можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Здоровые условия местности г.Симбирска способствовали формированию и здорового типа местных жителей. А.П.Чехов так описывал облик жителя Петербурга: «Наружность у Орлова была петербургская: узкие плечи, длинная талия, впалые виски, глаза неопределенного цвета и скудная, тускло окрашенная растительность на голове, бороде и усах. Лицо у него было холодное, потертое, неприятное». («Рассказ неизвестного человека»). Совершенно иное описание внешности симбирянина дано в 1667 году: «Афанасий Григорьев сын Роспопов... ростом высок, лицом смугл, кругликоват, волосом черноус, ус и борода невелика, руса, глаза искаря серы, нос велик, под левым глазом рубчик невелик, в годах сказал лет в тридцать...». По целебным свойствам воздух на верхней бровке Волжского косогора, насыщенный в летнее время влагой со стороны Волги и ароматом цветущих и приносящих осенью плоды садов, приближается к определенным высокогорьям Кисловодска, что не мешает жителям как этих мест, так и города в целом брать путевки на знаменитые курорты, чаще всего недооценивая свои собственные, не менее полезные места.

Для полноты постижения таких проявлений личного характера симбирян раньше и ульяновцев в наше время, как высказывания о том, что следует идти своим путем, приведем некоторые факты из местной истории путем сравнений с другими городами страны.

Во-первых, мы отметили, что река Свияга течет в противоположную северную сторону относительно Волги. Во-вторых, женский монастырь в городе назывался Спасским, а мужской - Покровским, что полностью противоречит названиям аналогичных монастырей в Суздали, где женский монастырь назывался Покровским, а мужской - Спасо-Евфимиевским.

Таким образом, город Симбирск в своей природной и градостроительной основе как в своеобразном Духе Места с самого основания сохранил «дух противоречия», в частности, культуре такого древнейшего города страны, каким является Суздаль, основанный в 1027г., на 619 лет раньше Симбирска.

Николай Федорович Федоров (1829-1903) - известный отечественный мыслитель - отмечал неизбежное отставание городов-крепостей, разных острогов и т.д. от общего развития крупных населенных пунктов, удаленных от засечных линий, границ государства, из-за необходимости максимально уделять внимание оборонительным функциям, как главной задаче своего существования. Свой путь приемлем, если он не ведет к отставанию. После утраты оборонительного значения и уничтожения остатков деревянной крепости к концу XVIII века Симбирск постепенно стал раскрывать свои богатейшие природные, градостроительные и духовные возможности, гармоничное единство которых можно представить следующей концепцией, охватывающей прошлое, настоящее и будущее города: Симбирск-Ульяновск несет в себе, как главную, Идею градостроительства в уникальной природной среде Среднего Поволжья, постоянно обогащая своими достижениями региональную, отечественную и мировую культуру.

На снимке: здесь нашел последний приют и покой великий симбирский поэт-сатирик Дмитрий Дмитриевич Минаев. Этот памятник - великолепный образец пантеонной архитектуры - единственная награда благодарных симбирян «ядовитому» литератору, который не раз зло и по заслугам высмеивал их мещанский быт.

Зато и прошлые, и нынешние поколения симбирян также зло мстят Минаеву, предав забвению его родовую усадьбу. Ныне на улице, вроде бы носящей имя поэта, его своеобразной архитектуры домик задвинут на задворки и превращен в гнилушку. Можно смело говорить, что месть земляков-прототипов минаевских произведений состоялась. Память о великом поэте почти стерта в новых поколениях симбирян. Мемориальный дом-музей (видимо, чтобы не смущать пытливых краеведов и литературоведов) соседствует с выгребной ямой, поставлен на теплотрассу, что способствует его быстрому разрушению.

Да, здесь - Гений злого Духа торжествует победу над Разумным Астралом. К сожалению, это все преследовало Дм.Минаева всю его неприкаянную жизнь...

Лидия ЛЕЩЕНКО:

«Место рождения - г.Калининград Московской области. Во время войны семья была эвакуирована в Свердловск. Здесь прошли детство и юность. Литературу полюбила с первых детских книжек, которые читала мне мама. Отца того времени не помню - он дневал и ночевал на заводе, где был рабочим. Свое стихотворчество впервые продемонстрировала в 4-м классе. Учительница была в восторге, а родители смотрели на эти упражнения с некоторым опасением: «из слов шубы не сошьешь...»

Работала швейей, секретарем в школе, училась в педучилище, а поскольку продолжала заниматься литературой, стала работницей «Металлургиздата». После замужества перешла дозиметристом в Уральский политех, поступила на химфак, но с переездом в Мелекесс учебу бросила.

Работала в газете «Знамя коммунизма», потом - в НИИАРе. Публиковалась в «Вечернем Свердловске», а после переезда в Мелекесс - во всех местных газетах.

Член Димитровградского писательского отделения».

МИР ОТ КРИКА ОХРИП

Цикл стихотворений

ЛЕГКИЙ БРИЗ

Надоела проза суши
В суете да колготе.
Прополощем наши души
В хризопразовой* воде.

Как при виде самоцвета -
Всплеск для сердца и ума,
Сколько блеска, море света,
Знойных пляжей кутерьма!

В драгоценной этой чаше
Так отчаянно просты
Камышей безмолвных чащи,
Тины бархатной пласты.

А уловки белых лилий
Неожиданны, как приз.
И скользит по-над заливом
Черемшанский легкий бриз.

Мы сторим под солнцем летним
Оба-вместе - я и ты,
Если раньше не ослепнем
От волшебной красоты.

И, привычный ход нарушив,
Где ни рыбки на уде, -
Прополощем наши души
В хризопразовой воде.

*Хризопраз - поделочный полудрагоценный камень теплого зеленого оттенка.

Аритмия.
Диагноз?
Настиг?
Из какого-то чудо-колодца
До небес поднимается стих.
Ухватить бы.
Но он не дается.
Задержать бы.
Да пальцы немеют.
Не хочу.
Не могу?
Не умею?
Что ж, лети.
И меня отпусти.
Аритмия.
Бесстишьё.
Прости...

ОТСВЕТ РОЗОВОЙ ЗАРИ

Сделает до яви все знакомым
Память, уходящая в года.
Я - у вас. И хорошо, как дома.
И не уходила б никогда.
Клен багрян и так же ветрен ветер,
Хоть не раз сменялся алгоритм...

Между слов - затерянный в конверте
Легкий отсвет розовой зари.

КЛИП... ЛИП... ПЛИ

Полетел голосок
на волну, на песок.
От восторга луч света дробится.
Но ударила пошлость,
как пуля в висок -
и подстрелена песня, как птица.
Где беснуется клип
под «фанеру» из «лип»,
Боже, сколько открыли америк!
Мир от грома оглох.
Мир от крика охрип,
очумевший от «гала»-истерик.

ТОЛЬКО СЕРДЦЕ

*Что горит, сгорит дотла.
На закате, на восходе,
Холодна и все ж светла,
По земле нас вьюга водит.*

*Минет все, как эта пыль,
Белоснежная, сквозная.
И пойдет на убыль быть,
По-житейски расписная.*

*Только суть, друг, никогда,
Никуда не исчезает.
Как над полем провода,
В сердце нашем провисает.*

*Ничего так не дано.
У камина не согреться.
Не поможет и вино -
Только сердце. Только сердце...*

*Стихи порой ворвутся ночью,
Как бы в старинное кино.
И осторожно нервный почерк
Краит немое полотно.*

В ПОСЛЕДНИЙ МАЙСКИЙ ДЕНЬ

*В последний майский день цвел одуванчик.
Был воздух словно легкое вино.
А три березки, что поодаль дачи, -
одна другой белей, чем полотно.*

*Средь них, как у последней переправы,
Незримый рок остановил коней.
Березы холодели - у корней
отец упал в некошённы травы.*

*А день звенел,
перелетая в лето.
Был, говорят, угодный Богу день.
И не припас обратного билета
ни к нам,
ни к кроликам,
ни к пчелам,
ни к воде...*

*Коса наточена до сабельного блеска.
Корзина не заполнена травой.
На острове березового леса
стрекоз да бабочек кордебалет живой.*

*Уж сколько лет гляжу на их кадрили.
А в сердце боль потери и вины.
Как мало мы, как мало говорили!
Покойно ли тебе в мирах иных?*

*Мне до сих пор от мысли одиноко.
Она как стон, попробуй-ка уйми.
Ну почему была я так далеко
в тот запредельный, невозвратный миг...*

ЗИМНЕЕ

*Снежинки нам нанизками
Плетут, как сети, шаль.
Глаза, такие близкие,
Я вижу сквозь вуаль.*

*Чем сердцу успокоиться?
Читаю в них прогноз,
Что завтра установится
Умеренный мороз.*

*Друг другу невозможно нам
Навстречу сделать шаг.
Спешит обида ложная,
Поземкою шурша.*

*Не чудом ли оттаяла
Застывшая душа?
Лечу, как в белой стае я,
От счастья не дыша,*

*И падаю стремительно.
Простишься ли, простишь...
О, как ошеломительна
Заснеженная тишь!*

*Еще не раз печаль настигнет нас.
Склоняем жизнь - кто в офисе, кто в поле.
И оттого, что в свой урочный час
Какой-то олух лишь «прошел» их в школе,*

Так виноват винительный падеж,
И остальные тоже виноваты.
Сценарий жизни дикой как ни режь,
В нем нет восходов - сплошь одни закаты.

Устала. Устала, устала..
У стали нет сил (у металла!)
Уста Богу в уши - не внял он.
Вставай - видишь, солнце уж встало.
По кругу вперед, все - сначала...

Устать. Раньше встать. День продолжить.
Иначе и быть-то не может.
И даже слова эти - рядом.
Живем. Ну, а что еще надо...

Серебристым муаром
Луна устилает тропинку -
решимся ли на нее ступить?

Как пахнет земля и как будто плывет,
скользит между пальцами -
такая живая и такая холодная.

СВИРИСТЕЛИ

Розовая радость - свиристели
На рябину разом налетели
И со свистом деревце раздели.

И стоит рябина одиноко,
А под нею белый снег, высокий,
То ли окровавлен, то ли в соке -
В шелухе распотрошенных ягод.

Новые сугробы завтра лягут.
Станет снова все светло и чисто.
И - ни птиц, ни ягод, и ни свиста.

Было, не было бабьего лета -
О пропаже что толку тужить.
Золотистого креп-жоржета
Платье легкое поздно шить.

*Среди кленов, берез, даже сосен
На рассвете замечена осень.*

*Отчего всполошилась вдруг я...
Ходит осень. Но разве - моя?*

*Будет долго бродить беспризорно.
Слез-дождей у нее выше крыши.
И сердца растревожит сенсорно,
Чтоб навстречу хоть кто-нибудь вышел,
На призывный откликнувшись шелест,
И повис у нее на шее...*

*Но пока возвращается лето
К нам на день или час, даже миг -
Значит, песня еще не спета,
Осень, осень, ты это пойми.*

*Пусть из легкого креп-жоржета
Платье чудное поздно шить,
Ты верни мое бабье лето.
Ты вперед него - не спеши...*

Александр НИКОНОВ

ПОБЕГ

Повесть
(журнальный вариант)

Продолжение.
Начало в предыдущих номерах.

9

Азарт, опыт и чутье преследователя привели Молочкова сюда. Он понимал, что беглецы идут в этом направлении и, значит, они не могли миновать города, откуда все дороги ведут к их свободе и к его, Молочкова, позору. Военный комендант дал ему в помощь своего заместителя Сергиенко, толкового, но прямодушного парня, привлек к поиску милицию. Людей расставили в самых горячих и подвижных точках: на вокзалах, на центральных дорогах и улицах, в парках. Милиция и группы общественной помощи по поимке шпионов и диверсантов блокировали места скопления воровских шаек и притоны. Оставалось лишь ждать.

А ждать Молочкову было невмочь. Мало того, что его через каждый час донимал майор Петрунько, к неудаче приплюсовывались плохие вести с фронта, которые передавали по радио каждый час. Они были похожи как две капли воды с той лишь разницей, что менялись число потерь и названия городов: «В результате тяжелых и изнурительных боев наши войска отступили на заранее подготовленные позиции и сдали города...» Молочкову отвели пустую диспетчерскую с телефоном, куда теперь поступали самые свежие новости обо всем происходящем в городе. Но все они не относились к преступникам, которых он разыскивал: кража в магазине - его подопечные не стали бы раскрывать себя; двоих задержали в лесу - это оказались мелкие ворюжки, отдыхающие после очередного набега на рынок; муж избил жену; из вагона, стоящем в тупике, пропала лошадь. Вот и все.

Раздался еще один звонок. Молочков поднял телефонную трубку.

- Капитан Молочков... Здравия желаю, товарищ майор. Пока ничего... Да здесь они, я чувствую, что здесь, затаились..Прочесать и обыскать весь город невозможно. Невозможно, говорю... Я ответственности с себя не снимаю, товарищ майор... И фронтом меня пугать не надо, я уже подавал рапорты... Что ж, я пойду и рядовым, если надо... Подвижные группы? Есть, есть. Слушаюсь, товарищ майор.

Молочков положил трубку и со злостью сплюнул.

Вернулся Сергиенко, ладный, подтянутый, улыбочивый пришел минут через пятнадцать.

- Доброе утро!

- Здравствуй. Слушай, Сергиенко, помогай, надо организовать еще подвижные группы из наших ребят, они опытнее в таких делах: у них глаз зорче, и нюх тоньше. Возьмешь машину - с комендантом я договорюсь - и сними четверых с внешних постов, только не оголяй совсем. Пусть и там ребята на всякий случай останутся. К нашим прикрепишь по два дружинника и поставь их в места поглуше. Понял?

- Чего не понять. А что случилось, Молочков?

Молочков только вздохнул, показал пальцем на телефон и на потолок.

- Ясно. Ну, им виднее сверху-то.

Сергиенко подмигнул и вышел.

Сидеть в душной комнате надоело, Молочков неприязненно взглянул на телефон и пошел на перрон.

На вокзале он нашел Кашкина:

- Что, ничего?

Кашкин пожал плечами.

- Ничего, товарищ капитан.

Они сходили на рынок, поспонялись среди рядов, выпили по кружке молока. Здесь по-прежнему было шумно илюдно, но не чувствовалось оживления и радости, которые царили в мирное время. Тогда на рынках веяло праздником и душевной простотой, пахло луком, укропом, молоком, нафталином, фруктами и женскими духами. Сейчас ничего этого не было. На прилавках лежало старое тряпье, битая посуда - тазики, чайники, миски, ложки, рукомойники, - все в расчете на беженцев, которые побросали все в родных домах.

Молочков с Кашкиным прошли на автостанцию, побывали в дымной пивной, поглазели на бритоголовую толпу у военкомата и вернулись назад. Здесь их ждали. Патрульные осаживали троих разгоряченных мужиков, которые ругались и кричали, требовали начальника.

- Ну, что тут за страсти? - спросил Молочков, строго глядя на задержанных.

Один из них, самый маленький и горластый, подскочил к Молочкову.

- Товарищ военный, объясните вы этим...

- Только без грубостей. Эти, к вашему сведению, товарищи находятся при исполнении своих обязанностей.

Горластого отстранил чернявый мужчина лет сорока пяти. Он начал говорить, при этом брови его прыгали то вниз, то вверх, будто он удивлялся каждому своему слову:

- Тут дело такое, товарищ военный. Мы приехали издалека, из деревни. Послали нас сюда встретить скотину эвакуированную. Приехали, а где чего не знаем. Вот и ходили по городу, искали главную контору. Почитай, целый день искали, и нашли было, да вот ваши ребята нас подбелы рученьки и привели сюда. Мы им и бумагу показывали, а они говорят, такую бумажку и мы можем написать. А нам бы скорееча надо, товарищ военный, а то конторку-то закроют, а нам и голов приклонить некуда. Ей-богу не воры мы, а пастухи колхозные, за скотиной...

- Мандат ваш при себе? - Перебил его Молочков.

- Какой мандат?

- Ну, документ ваш.

- Это мы с большой охотой.

Мужчина долго копался в бесчисленных карманах, в подкладке пиджака. Наконец, в ытащил свернутый носовой платок, развернул его и подал бумажку.

- Вот она. Тут все прописано. А то - рецидивисты! Мы с тринадцати лет зарабатываем, и в коровниках, и в пастухах, и в конюхах, и в возчиках...

Документ был короткий, но емкий по содержанию. Написан он был неровной, очевидно, детской рукой, но подпись под ним была уверенная, размашистая. В пол-листа чернела жирная круглая печать сельсовета. «Сим удостоверяется, что скотники колхоза «Красная Сибирь» Емельянов, Шишканов и Стученко направляются для сопровождения скота, эвакуированного из временно занятых фашистами районов СССР. Всем ответственным лицам, находящимся на пути прогона скота, просим оказывать всяческое содействие и помощь».

- Ну и как, помогал документ? - спросил Молочков.

- Нет еще, товарищ военный, не пришлось.

- Хорошо, считайте, что я первый оказал вам содействие. Можете быть свободны, счастливого вам пути.

Чернявый проворно спрятал документ за подкладку, на насмешливый взгляд патрульных ответил:

- Дальше положишь - поближе возьмешь. А вам спасибо, товарищ капитан, дай вам бог всего.

Молочков отметил про себя «товарищ капитан» и подивился мужицкой сметке. Ведь тот сначала называл его «товарищ военный», будто не разбирался в воинских знаках различия, разыгрывая простачка и деревенщину. Внутренне он посмеялся мужицкой дипломатии, но в то же время отметил, что это принесло свои плоды. Ведь он, Молочков, как-то расслабился и сразу поверил этому мужичку.

За вечер и ночь ничего существенного не произошло. А утром одна из передвижных групп привела к Молочкову перепуганную женщину.

10

Их так измотала дорога и прошлая ночь, что после ванны и сытного завтрака тройка отсыпалась весь день. К вечеру Егоров разбудили чьи-то негромкие шаги и непонятный шелест. Он приоткрыл глаза и увидел невысокого большеголового лысеющего мужчину в длинном китайском халате. Он ходил по комнате и шелк шуршал в такт его шагам. Мужчина явно ждал их пробуждения, потому что при каждом повороте смотрел на спящих, и о чем-то думал. Метания по комнате говорили о том, что он не умел и, видимо, не любил ждать.

Но едва Егоров шевельнулся, на лице мужчины появилась простоватая маска, движения его наполнились рабелепной суетливостью, руки, до сего мгновения спокойные и важные, вдруг забегали по одежде, будто искали, все ли в порядке в костюме. Открытая, глуповатая улыбка залила его широкое лицо, голос, неожиданно певучий и мягкий, тот самый что встретил их у дверей квартиры, приветствовал:

- Приятного вечера. Как спалось? Впрочем, что я спрашиваю. Смотрел на вас и такая зависть брала. Недаром говорят: сон-матка, выписьхась - все гладко. - Слово «Вас» он произнес так, будто само собой подразумевалось, что оно может восприниматься только с большой буквы.

Егоров сел на край дивана и тоже поздоровался:

- Здравствуй, добрый хозяин. Спасибо за уют.

- Ну, стоит ли благодарности. - Хозяин поднял руки, широкие рукава халата упали к локтю, обнажив его тонкие волосатые руки. Проснувшийся Коноров толкнул лежащего рядом Балабина:

- Хватит носом кабанов подманивать, вставай.

Пока умывались, Платоша собрал поесть, любезно пригласил:

- Прошу. Живу я, как видите, по-холостяцки, просто, но тем мы рады, чем богаты.

Коноров невольно отметил, что Балабин утром сказал те же слова переделанной поговорки. Когда выпили, Платоша осторожно заговорил:

- Конечно, это не мое дело, кто вы, куда и зачем, но скажу вам прямо - опасную игру затеяли. Как мне сказал Федя, а он мой давний знакомый, если вас поймают, то всем не сдобровать. Я понимаю, вас ищут, в этом случае грех не помочь, но и мне, извините, за компанию ангельские крылышки не нужны. Поэтому вам отсюда надо уходить и как можно быстрее. Нет, я вас не гоню, даже наоборот - готов помочь вам.

При этих словах Балабин как-то заволновался, глаза его забегали, рот скрипел в неестественном смехе. Но он все-таки смог сказать:

- Я знаю, Платоша крови, кроме запеченной, не любит, он работает деликатно, как граф Монте-Кристо. Но за Платошей есть должок, и он его уплатит.

Платоша пристально посмотрел на Рыжа так, что тот съезжился, и повернулся к Егорову.

- Я и говорю, готов помочь. Утром в пять двадцать на запад идет спецпоезд, на нем будут мои друзья. Я отвезу вас на разъезд «Тридцать второй километр». С охраной все договорено. Ну, как, Рыж, должок уплачен полностью?

- Не торопись, Платоша, час расплаты еще не наступ.

- Ну-ну, - улыбнулся Платоша. - Подождем. Только не забудь счет приготовить, а то завтра на формальности времени не будет.

11

- Ну, рассказывайте, что случилось? - спросил Молочков как можно мягче. Женщина мяла в руках ворот распахнутой на груди жилетки и через каждое предложение икала и извинялась:

- Иду я сегодня на работу. Извините. И вдруг вижу, в проезде тринадцатого дома стоят, извините, ваши товарищи. Я испугалась и побежала, а они за мной.

- Кашкин, принеси гражданочке воды. Так чего же вы испугались?

- Я думала, что они - это другие. - Женщина взяла стакан с водой и жадно выпила.

- Какие другие? Объясните толком.

- Вчера там стояли тоже мужчины. Я напугалась, думала это они же.

- Так почему вы их напугались? - уже не сдерживаясь, повысил голос Молочков.

- Н-не знаю. Странные они какие-то. В проезде прятались, и от меня прятались. Когда я посмотрела в их сторону, они к стене прижались. Вот.

- Так. Сколько их было?

- Вроде бы двое.

- Почему вроде бы?

- Ну, они в темноте стояли, ведь рано еще было.

- Может быть их было трое?

- Не знаю. Может быть, и трое. Они все еще на окна глядели.

- На какие окна?

- Противоположного дома.

- Как вы думаете, почему они смотрели?

- Откуда я могу знать! - взвилась женщина. - Может быть, ждали кого-то или...

Я не знаю.

Молочков встревожился.

- Вы успокойтесь, пожалуйста. Спасибо, вы нам очень помогли. Еще одна просьба: не могли бы вы показать это место.

- Конечно, конечно, могу.

- Сергиенко, машину! - крикнул Молочков в полуоткрытую дверь.

Через десять минут грузовик затормозил у дома, где жил Платоша. После революции здесь расселили рабочие семьи. Некогда просторные холлы и залы разделили кирпичными перегородками и устроили коммуналки. Сейчас здесь жило около ста семей.

Молочков ломал голову, как побыстрее обойти весь этот Шанхай. Он сейчас был уверен, что эти двое из тех, кого он искал. Да, конечно, они стояли здесь и ждали третьего, который, возможно, выяснял обстановку. Да, они прятались, потому что не хотели, чтобы их видели в лицо. Честным людям прятаться не от кого. Почему они стояли именно здесь? Вернее всего, они ждали сигнал или того, третьего. Значит, квартиры, окна которых выходят на противоположную сторону, можно исключить. Затем свидетельница показала, что они стояли у левой стороны. Отсюда они могли видеть лишь треть дома, его правое крыло. Сколько же здесь живет? Семей двадцать, не больше. Их пятеро, они могут их обойти в считанные минуты, но по одному ходить рискованно. Но ведь тот, третий, мог не найти того, кого искал, и они могли вообще уйти отсюда. Все может быть. Решили разбиться на три группы: две по двое человек; Сергиенко пошел один. Сергиенко вернулся минут через десять, в квартирах никого не было.

12

Когда подошла машина, они не слышали. Платоша был уже одетым, он выглянул в окно и приказал беглецам спускаться вниз. Машина ждала их в том самом дворе, из которого выходила женщина.

Они залезли в кузов и сели. Но Платоша с подножки шепнул:

- Чего прячетесь? Сидите спокойно, поняли?

Грузовик промчался по пустынным улицам, оставляя за собой синий шлейф дыма, и свернул на окраину.

Балабин был по-прежнему бледным и непривычно тихим. Изредка он поворачивал голову, косясь на сидящего в кабине Платошу, вздыхали снова уходил в себя. Его явно что-то мучило, и Егоров решил его отвлечь:

- Ты что-то второй день бледнеешь, Балабин? Не поганку ли съел?

Но шутка не сработала, Балабин лишь скрипнул зубами, поморщился и ничего не ответил.

- Или боишься чего? - допытывался Егоров.

- Я-а-а? Боюсь? Ну нет, на Балабина еще не нашлось такого пугала.

- Слушай, ты, - озлился Егоров. - Брось хорохориться. Скажи, что за человек

Платоша?

- Не знаю.

- Врешь, Балабин. Что он тебе вчера сказал? Ты от одного имени его бледнеешь.

Балабин безразлично ухмыльнулся.

- Дело твое. Но я правда не знаю, кто он такой. Когда с ним встретился - было это еще в тридцать пятом - на толковище одном, мне представили его как Платошу, и все. Правда, среди своих говорили, что он участвовал в левозсеровском мятеже в восемнадцатом, что он сынок какого-то царского генерала. Но мне

было наплевать, чей он сынок. А потом он связал меня с мокрухой. Кто-то сказал ему, что у одного попишки золотишко в погребах припрятано. Ну, мы и решили его взять. Ночью выломали окно в церковный подвал. Не успели мы золотишко отыскать, как сторож шухер поднял. Мне Платоша и говорит, мол, отвлеки этого кривоногого, а я этим временем золотишко возьму. Если не поймают, говорит, поделим по совести, а загребут - бери все на себя. Золотишко не протухнет за три года. Я так и сделал. Вылез наружу, а у ворот сторож с попишкой стоит. Куда деваться, забор там высоченный, метра три, я попишку легонько перышком пощупал и деру. А на следующий день меня взяли. Спрашивают, где золото, я говорю, найдете - ваше будет, а я не брал. Спасибо, лопик богу душу не отдал, ну и вlepили мне двугривенный. Вчера я попросил должок, а Платоша говорит, что в погребке ничего не было. Врет, сучье вымя, было там золотишко. Я, говорит, помогу твоим содельничкам, на том и квиты.

Но сухой буду, если Платоша что-то не задумал. Бойтся он меня, - вздохнул Балабин.

- А чего ему бояться? - спросил Коновров.

- Бойтся, что по нашему следу на него выйдут, или заложим, если нас возьмут. Видать, крепкий у него грешок. - Балабин нервно засмеялся, вполголоса, больше одними губами, а глаза оставались застывшими и холодными.

- Ты думаешь, он нас сдаст? - спросил Егоров.

- Ну нет, Платоша понимает, что если мы влопаемся, то и ему каюк.

- А что же он задумал?

Балабин сжался, схватил руку Коноврова и сильно сжал ее.

- Не знаю, но надо быть наготове. Платоша на все способен. Их только двое, нас трое...

Тут машина дернулась и стала тормозить. Егоров лишь успел шепнуть спутникам:

- Сидеть тихо. Следите в оба за шофером.

Грузовик мягко съехал на обочину и остановился. Кругом был лес, лишь в разрезе дороги возвышались горы да над какой-то деревенькой вился дым. Платоша открыл дверцу и спрыгнул на землю.

- Вот и приехали, - объявил он.

Взглядом Егоров ощупал его короткую, развалистую фигуру и, не заметив ничего настораживающего, тоже спрыгнул с кузова. Осмотрелся вокруг:

- Что-то ничего не вижу.

- До разъезда тут недалеко, километра два. - Платоша махнул рукой направо от дороги. - Дойдем пешочком по свежему воздуху, а машина здесь постоит.

Балабин с Коновровым тоже спрыгнули, но шофер даже не шевельнулся. «Это уже хорошо», - подумал Егоров и взглянул Платоше в глаза.

- Показывай дорогу, Платоша, а то залпутаемся.

Платоша нехотя повернулся и пошел в лес, за ним гуськом потянулись остальные. Краем глаза Егоров отметил, что шофер чему-то ухмыльнулся, но с места не тронулся.

Поднялись на возвышенность. Дальше путь вел в долину, на дне которой дрожала блестя ручья. Платоша остановился, потрогал свой вспотевший лоб и полез в карман за платком. Этот платок, конец которого торчал из кармана, Егоров заметил давно. Он дразнящим языком высовывался из разреза, будто говорил: «Вот, лежу в кармане, хозяин небрежно сунул меня в карман, потому и торчу». «Небрежно?» - засомневался Егоров и потянулся рукой за пояс брюк, где к пот-

ному телу припаялся наган. Платоша не оборачивался. Егоров видел, как воло- сатая рука Платоши полезла вглубь кармана.

- Руку не вытаскивать! - приказал Егоров, глядя в затылок Платоши. - Я тебе говорю, Платоша, ручку оставь в кармане.

Егоров увидел, как сквозь редкие волосы «вспыхнул» затылок Платоши, и приказал Балабину, который недоуменно смотрел то на Егорова, то на Плато- шу:

- А ну-ка, проверь, Рыж, что в кармане у нашего друга.

Балабин, еще более бледный, чем несколько минут назад, со страхом пере- водил взгляд с одного на другого, косился на наган в руке Егорова и боком про- двигался к Платоше. Вот он уже рядом с ним, и тут Платоша сделал резкий шаг влево и оказался за Балабиным. Балабин закричал и, вцепившись в руку Плато- ши, стал падать. Но в руке у того сверкнуло что-то блестящее. Егоров прицель- но выстрелил: раз, второй. Балабин, икая, отполз от пошатнувшегося Платоши и заверещал. Платоша выронил из руки маленький пистолетик, повернулся к Его- рову и успел вытолкнуть с кровавой пеной из рта:

- Не знал, сука, что со стволом ходишь.

Потом он опал, как бельевая веревка, выпущенная из рук, и упал навзничь. Они подошли к нему. Балабин встал, потряхнулся, посмотрел на отверстие в гор- ле Платоши и, нервно смеясь, сказал:

- Как в тире, товарищ советский...

Коноров осадил его:

- Закройся, мокрица, не видишь, он еще живой.

Глаза Платоши еще несколько минут блуждали, будто искали что-то в разго- лубевшем небе, но потом потухли совсем.. Они напомали хвойных веток и при- крыли ими труп.

- А с шофером как же? Заложит, сука! - закричал Балабин.

- И правда, Егорка, шофер-то его ждет, - сказал Коноров.

Егоров стоял, безвольно опустив руки, посмотрел на них обоих и безразлич- но ответил:

- Делайте, что хотите, с меня хватит.

Балабин с Коноровым переглянулись и пошли к дороге. Машина уже была развернута в сторону города, шофер стоял около нее, поигрывая ключом. Уви- дев на опушке двоих, он присвистнул, влетел в кабину и рванул грузовик с мес- та.

- Ушел, гад! - заорал Балабин. - Все, крышка нам, начальничек. Продаст, сука! Что ж мы наделали-то, нельзя было его упускать!

Следом за ними с пригорка спустился Егоров, не говоря ни слова, сел на обо- чину и закрыл лицо руками. Балабин и Коноров тоже сели рядом. Долго молча- ли. Балабин постепенно отходил от всего пережитого: лицо его наполнилось здо- ровой краснотой, постоянно бегающие глаза успокоились. Он с уважением по- смотрел на Егорова и спросил:

- Слушай, Егоров, а где ты пистолетик-то взял?

Егоров ответил молчанием, не отнимая рук от лица.

- Полина сунула? - удивился Балабин. - Вот те на. Это же бывшая Платошина сучка. Я и адресок-то платошин у нее взял. Видать, знала, что эта штука нам пригодится. Уж лучше ее Платошу никто не знал. Это же мразь, а не человек! Вы знаете, что он с ней выделывал? Рассказать нельзя. Мы все с блядами, как с сигаретой: покурил да выбросил. Но Платоша был, - Балабин долго подбирал подходящее слово, но так его и не нашел. - Вы знаете, что он делал с бабами?

Он вешал их голых за руки и ноги...

- Замолчи! - крикнул Егоров. - Скотство какое-то. Даже скотина такого не позволяет. Зарыть бы надо эту...

Он хотел сказать «падаль», но только кивнул головой в ту сторону, где остался труп.

- Ты что, начальник! - заорал, вставая, Балабин. - Да этот шоферишка, вот вам крест по пупок, уже к легавым поддался. Он же, сука, им такого напишет, что нам и в аду места не дадут. Линять надо!

13

Солнце поднялось над домами, и ночная прохлада, притаившаяся среди улиц, стала быстро таять, задухотило. Сергиенко, первым закончивший опрос жильцов, ждал остальных у машины, но начинающийся зной заставил его залезть в кабину грузовика, где еще таилась прохлада. Он лениво наблюдал через лобовое окно: по улице бежали торопливые прохожие, открывались магазины, и у их дверей тут же скапливались толпы, пробежали с удочками мальчишки, с песней промаршировал отряд курсантов, туда-сюда сновали автомобили и лошадиные упряжки. Вдруг внимание Сергиенко привлек запыленный грузовик, пристраивающийся среди двух машин. Он и сам не мог бы ответить, чем привлек его этот грузовик: то ли тем, что с самого утра был сильно запыленный, то ли потому, что он как бы прятался за остальными машинами. Из него долго никто не выходил. Но вот дверка распахнулась, и из кабины не спеша вылез сухопарый водитель. Он встал, опираясь одной ногой на ступеньку, и крутил на указательном пальце связку ключей. Казалось, он был безразличен ко всему происходящему. Ну, приехал человек и ждет своего начальника или друга, которого пообещал отвезти. Взгляд был безразличным и вялым, он скучающе переводил его с одного предмета на другой, будто не находил, на чем остановиться.

Вдруг мужчина резко оторвался от ступеньки и быстрым шагом направился навстречу Сергиенко. Сергиенко заметил, как до этого тусклый взгляд словно вспыхнул, и глаза его стали похожи на рысьи: зрачки то набухали, то сжимались вновь, глаза то прищуривались, оставляя тонкую щелку, то распахивались - было ясно, что они видели все. Быстрым, пружинистым шагом мужчина прошел по противоположному тротуару и вошел в тот самый подъезд, где только что побывал Сергиенко. Сергиенко застыл, он боялся сейчас одного: чтобы его товарищи, еще не спустившиеся вниз, не спугнули шофера. Но все было тихо. Он проворно вылез из кабины, быстро перебежал улицу и осторожно открыл дверь. На литой чугунной лестнице раздавались четкие, торопливые шаги. Вот они стихли, раздались щелчок замка, заскрипела дверь. По слуху Сергиенко определил - третий этаж. Он кошкой взвился наверх и притаился. Вот внизу стукнула дверь, и он услышал, как разговаривали его товарищи, вышедшие из квартиры, как в квартире напротив кричал ребенок. Откуда-то потянуло жареной картошкой, и Сергиенко невольно проглотил слюну - он не ел с вечера. Так стоял он минут пятнадцать. Но вот в коридоре раздались знакомые торопливые шаги. Дверь распахнулась.

- Здравствуйте, - с улыбкой поклонился Сергиенко. - Я ваш дядя.

Мужчина нервно подбросил в руке баул и покосился на приоткрытую дверь. Сергиенко сильно толкнул ее ногой, и она захлопнулась. Мужчина понял, что путь к отступлению отрезан, но, еще на что-то надеясь, наигранно сказал:

- Дядя? У меня нет никакого дяди.

- Ну как же нет, - удивился Сергиенко. - Родного дядю и не помнишь. Нехорошо.

Сергиенко окинул взглядом сухую фигуру и, не заметив в ней ничего подозрительного, вздохнул. Потом откинул полы пиджака назад, чтобы тот мог увидеть засунутый за пояс наган, и спросил:

- Вы здесь живете?

Мужчина заволновался:

- Да... Н-нет, здесь живет мой знакомый, вернее, товарищ по работе. Вот, попросил привезти ему кое-какие вещи.

Сергиенко вытащил из наружного кармана удостоверение, развернул его перед носом мужчины и скорее выдохнул, чем сказал:

- Я вынужден вас задержать.

14

За день они ушли километров на тридцать с гаком, далеко обходя дороги и деревни, поля и луга, где царило страдное оживление. Егоров шел впереди, загибая все круче влево.

- Слушай, начальник, ты куда нас ведешь, а? - спрашивал Балабин. Но Егоров не поворачивал головы.

- Яко воры, - ворчал Коноров. - Это надо же дожить до такого срама, от честных людей прячемся. Отец мой, бывало, говорил: если видишь, сынок, что на другом конце улицы идет хороший человек, подойди и поклонись ему. За то потом он тебе два раза поклонится. А мы не то что поклониться, глаз показать не можем. Значит, кто мы? Тати; воры, разбойники. Одни нас ловят, вторые - гонят, третьи - в глаза плюют...

Наступал вечер, притих, сник ветер, край неба заплывал темными тучами. Под стать августовскому вечеру был и Балабин. Он молчал, лишь иногда бросал уважительно-боязливые взгляды на Егорова, будто хотел что-то сказать. Для него, уважающего лишь один закон превосходства сильного над слабым, вдруг стало ясно, что перевес из его рук перешел к шагающему перед ним согорбившемуся человеку. У него было оружие, какого не было у Рыжа. И потому он неприязненно смотрел на эту крепкую спину и ненавидел ее. Он ненавидел Егорова за те минуты унижения у трупа Платоши, за то, что он сейчас не первый, за то, что связался с ними. Но если сильный робеет перед смертью, то трус, каким был Балабин, робел перед своей ненавистью, хуже того, он боялся, что эту ненависть заметят. И он всячески сдерживал себя.

Думы Егорова были тяжелы и горьки. Он убил человека, пусть отъявленного бандита и убийцу, но человека. Убил без суда и следствия, как бандит. Потому сейчас Егоров задавал самому себе вопросы и отвечал на них. А не так ли судили его? Он враг перед народом, а не хуже ли он того же Балабина или Платоши? А если спросить, враг ли ты своему народу? Поперек горла что-то встало, и Егоров еле проглотил сухой ком. Нет, ответил Егоров себе, - я не враг своему народу. Делал ли я что против людей, против своей совести? Нет. Пусть я был в чем-то не прав, но был всегда честен, в том числе и в своих заблуждениях и ошибках.

Но отчего ж так тяжело на душе твоей, Егоров, почему тебя грызут сомнения, отчего хочется вытащить этот треклятый наган и застрелиться? Егоров нащупал ру-

коячь нагана и вздохнул. Дурак! - обругал он себя. Что ты этим докажешь? Бесчелюную пададь и ворон не клюет. Егоров чувствовал, что ему нужны очищение, исповедь. Но где тот священник, где тот бог, который выслушал бы твою совесть и твою душу и определил бы: да, они чисты? Как жаль, что нельзя их выплеснуть, чтобы все увидели, каковы они на самом деле. Смотрите, люди, и судите!

Но вокруг Егорова лежала пустыня из холмов и равнин, песов и речушек, накрытая необыкновенно холодным белесым куполом.

К вечеру они вышли к шустрой речушке и решили остановиться на ночлег. Очевидно, это была та самая речушка, которую они переплывали перед тем, как войти в город. Только здесь она была шире, но мельче.

Лопушистый, песчаный противоположный берег манил своим уютом и прохладой раскутившихся ветел. Закатав штанины повыше, они перешли ее вброд. Нарвали лопухов и устроили постель на песке. Но Коноров лишь усмехнулся и заметил:

- На песочке устраиваетесь? А простуды не боитесь?

- Да он же горячий, как уголь в печке.

- Песок как нагревается, так и остывает быстро. Это он сейчас такой горячий, а к утру так захладевает, что жопа отмерзнет, - Коноров раскинулся на своей подстилке. - Совсем как у нас, в Заволжье. И речка такая же, и пескари... Ели пескари? Эх, и ушица из них! Домой бы сейчас, хоть на часок.

- Небось, к бабе под бочок потянуло, - съехидничал Балабин.

- Эх, дура, - снисходительно обругал Коноров. - Не к бабе, а к жене. Хотя, где тебе, репейнику, понять, что такое жена...

В другое время Балабин такого не простил бы. Но сейчас в нем вскипело, взорвалось и опустилось куда-то в пустоту. Лишь плеснувшая ненависть в глазах и до омертвения сжатые кулаки говорили, как он взбешен. Егоров заметил это и усмехнулся: Балабин походил сейчас на побитую хозяином собаку, которая рычит и дрожит от унижения, но на хозяина броситься не решается. Потом сказал:

- Ну, хватит вам, нашли время цапаться. Пойдем-ка, Миша, отойдем, поговорить надо.

Балабин сделал улыбку.

- Что, оторваться решили, граждане советские начальники? Могли бы и меня попросить куда-нибудь сходить, к Молочкову, скажем. Приветик ему передать и сказать, так, мол, и так, товарищ капитан, мы сделали вам ручкой, потому что не хотим дрыгать ножкой, так что извинитесь и подвиньтесь.

- Приготовь пожрать, - буркнул в ответ Егоров и потянул за собой Конорова. Когда отошли подальше, спросил:

- Что дальше делать будем?

Михаил внимательно посмотрел другу в глаза.

- Что ты мучаешься, Егор? Неужто из-за Платоши? Так плюнь и разотри, собака - собачья смерть.

Егоров поднял и снова опустил голову.

- Может быть, и Балабина заодно убить, ведь он к фашистам собрался!

- Ну что ты кричишь, Егорка. Понимаю, тяжело жить двойной жизнью, не поймешь, не то преступники мы, не то герои. Но ты прикинь - возврата назад нету.

- Возврат всегда есть, Миша. Можно стремиться к благородному и стать подонком, и наоборот.

- Что ты имеешь ввиду?

- Надо возвращаться в лагерь, пока не поздно, если даже и поздно. Надо идти к Молочкову и все ему объяснить, рассказать, что ли.

- Да ты в своем уме?

- В своем, в своем, Миша. Не могу я больше так. - Егоров с минуту молчал, потом выдохнул. - Не могу. Надо идти назад, если останемся живы, отсидим свое по-человечески, если расстреляют - умрем с чистой совестью.

- С чистой совестью?! Совесть, видите ли, его заела. Ему сдохнуть хочется. Так стреляйся, наган у тебя с собой! Это тоже смерть. А я за просто так червей кормить не хочу! Понял ты - не хо-чу! Ведь фашист к Москве лезет, а у тебя семья там, сам же говорил. Пусть их убивают, да?! Пусть их насилуют, да?!

- Перестань! - заорал Егров.

Он сел на берег, рядом с ним пристроился и Коновров. Ничто не нарушало вечерней тишины, лишь лягушки в небольших заводях завели свой концерт. Егоров встал, подошел к берегу и достал наган. Потом посмотрел на друга и бросил оружие в воду. Вода булькнула и со дна к поверхности побежали мелкие пузырьки. Коновров тоже вытащил из кармана наганчик Платоши и кинул в омут. Егоров взял Коноврова за плечи и тихо сказал:

- Так будет лучше, Миша. Балабину ничего не говори, пусть думает, что оружие еще у нас. Ты видал, какой он стал мирный, а? Как ягненок.

Они оба рассмеялись, раскованно и счастливо, как могут смеяться люди, облегчившие душу.

Ночью Коноврова что-то разбудило. Он поднял голову, снял со щеки прилипший листок лопуха и прислушался. Тихо. Вокруг расстилалась лишь тьма, перемигивались звезды да сонно журчала речушка. Издалека, со стороны леса донеслось лошадиное ржание и хохот филина. Михаил успокоился и положил голову на лопухи. И вдруг снова услышал: тук, тук-тук, тук, тук-тук. Сомнений не было - недалеко шел поезд. Он затормозил Егорова.

- Егорка, Егорка, проснись.

Егоров испуганно вскочил, разглядев рядом с собой Коноврова, недовольно спросил:

- Чего тебе по ночам-то не спится?

- Слышишь?

Егоров прислушался, помотал головой.

- Ничего не слышу. Да в чем дело-то?

- Ты ухо приложи к земле. Слышишь?

- Все равно ничего не слышу. Да спи ты, неугомонный, мерещится тебе черт знает что.

- Да не мерещится мне, я как тебя слышал, вагоны по рельсам стучат. Понял? Значит, где-то недалеко железка проходит.

- Ну? - спросил Егоров.

- Что ну! Поезд, понимаешь? Сесть на него и тью-тью.

- Как же ты сядешь в поезд на ходу?

- Надо попробовать, другого пути нету.

- А он возьмет да к Молочкову нас прямо и привезет, - усмехнулся Егоров.

- Черт с ним, куда ни повезет, лишь бы подальше от этого треклятого места.

Хотели отложить операцию до следующей ночи, но решили, что днем сесть в поезд будет безопаснее. Железнодорожную ветку они нашли километрах в четырех от того места, где ночевали, залегли за бугром и стали ждать. Первый прошел пассажирский. В открытых окнах мелькали сосредоточенные лица остриженных наголо новобранцев, военных, из вагонов доносились смех и песни, на площадке последнего вагона торчал пулемет.

- Видно, на формировку, - шепнул Коновров.

- Ага, - ответил Егоров.

- Пушечное мясо повезли, - отозвался Балабин.

Промчался крытый товарняк, навстречу прошел эшелон, груженный огромными ящиками. На одном из них Коноров успел прочесть: «Куйбышев, з-д №...»

- Ребята, - чуть не закричал он, - да это мои земляки, оттуда, от нас. Я же от Куйбышева-то в ста двадцати верстах живу!

- Видать, эвакуируют что-то, - отозвался Егоров. - Может, немец и до Волги доскакал, пока мы тут бегаем.

- Болтай, - урезонил его Коноров. - Типун тебе на язык.

Прошло еще три состава, но все они мчались так стремительно, что садиться на них было бы равносильно самоубийству. Ближе к обеду им повезло. Шедший за новобранцами товарняк сбавил ход и остановился в километре от них. Они переплянулись.

- Ну что, рискнем? - предложил Балабин. И они побежали, мысленно умоляя это бесчувственное хвостатое чудовище постоять еще немного. Они успели отодвинуть дверь и залезть в крытый товарный вагон.

- Ну, повезло нам, товарищи советские начальнички, - оглядевшись заметил Балабин. - С комфортом поедем.

Грузный Коноров долго не мог отдышаться. Наконец, и он ставил слово:

- Видно, станция недалеко, вот и остановился. Иначе, ждали бы здесь до третьего пришествия.

Вагон был пустым, но в нем пахло мукой, навозом, машинным

маслом, пряностями и еще бог знает чем. В углу лежала солома.

- Будем устраиваться, - сказал Егоров. - Если что, отстали, мол, от эшелона. Он как раз впереди нас идет.

- Попить бы, - вздохнул Балабин и пошел в угол оправиться. В этом момент из угла донеслось чихание, потом еще и еще. Солома зашевелилась...

15

Перед Молочковым на столе стоял раскрытый баул, в котором вперемешку лежали пачки денег, драгоценности, статуэтки из слоновой кости, миниатюрные шахматы из агата и белого мрамора, а наверху блестели офицерские погоны царской армии.

- Так будете рассказывать? - спросил Молочков у шофера.

Тот кивнул головой и облегченно вздохнул.

- Платоша попросил меня, ёк-магаёк, отвезти его товарищей на разъезд.

- На какой?

- «Тридцатьвторой километр».

- Как вы думаете, а почему они здесь не сели, в городе?

- Не знаю. Попросил, ёк-магаёк, я и поехал.

- Кто такой Платоша?

- Знакомый моего начальника, снабженец, кажется.

- Как полностью его имя?

Шофер пожал плечами.

- Не знаю, все его Платоша да Платоша. Ну и повез я их, ёк-магаёк.

- Рассказывайте точнее и подробнее, - повысил голос Молочков и кивнул Сергиенко. Тот склонился над столом и начал записывать.

- Трое их было. Один рыжий такой, второй выше всех, здоровый, ёк-магаёк, третий поменьше, широкоплечий, чернявый. Ну, сели они в кузов, а Платоша в кабину. Попросил остановиться у Майской горки и пошли они куда-то. Потом слышу - выстрелы. Ну, думаю, что-то не поделили. Я как раз у машины стоял, гляжу, выходят двое и ко мне, а Платоши нет. Я ходу, видать, они его гробанули.

- Когда прозвучали выстрелы, вы напугались?

- Не-ет. То есть, да, ёк-магаёк.

- Значит, знали, что там что-то случилось? Так или нет?

- Нет. То есть, да, чувствовал, Платоша какой-то нервный был.

- Он вас просил о чем-нибудь?

- Нет, то есть, да, говорил - никому ни слова.

- О чем ни слова?

- Так, обо всем, ёк-магаёк.

- Точнее.

- Он сказал, что бы ни случилось - молчи. Потом пенка будет.

- Что за "пенка"?

- Ну, калым, значит.

- А квартиру почему ограбили?

- Так все равно пропадет добро, ёк-магаёк. Платошу ухлопали, родственников у него нет. У него, извините, даже бляди больше недели не держали, уж больно он до них злой был. Вот я и решил...

- А погони откуда взялись?

- Из шкатулки, из шкатулки, гражданин капитан. Открыл я шкатулочку, а они там лежат. Уж больно блестели, вот я и взял.

- Кашкин! - В дверях появился конвой. - Отведи.

- Пошли, - громыхнул Кашкин.

Когда они вышли, Молочков обратился к Сергиенко:

- Леша, надо съездить на место происшествия, осмотрите труп и привезите в морг. Потом хорошенько проверьте квартиру, меня интересуют прежде всего документы и фотографии. Надо установить, что это за человек, Платоша, по видимому, страшный человек, если его настоящего имени никто не знает. А наша тройца, вернее всего, от нас ушла, - вздохнул он.

Странное состояние овладело Молочковым. Он окончательно понял, что беглецы провели его, а душа светилась, будто в ожидании награды. Да, он не выполнил свой долг, свои обязанности. Но разве он не сделал всего, что было в его силах? Молочков понимал, что это крах его военной карьеры, всем честолюбивым замыслам и мечтам, которые он лелеял в душе.

Стукнула дверь, вошел Сергиенко, а следом за ним сотрудник внес большой мешок и поставил его у стены.

- Ну, что там? - спросил Молочков.

- Убит выстрелом из нагана.

- Так. Откуда у них наган?

Сергиенко пожал плечами.

- Может быть, у Платоши разжились? Иначе, откуда им взять.

- Судя по всему, Платоша не тот фрукт, который сам падает в рот. Хотя, все может быть. Ну, что нашли?

- Вот. - Сергиенко показал на мешок.

- Чего там?

- Эти. Фотографии. - Сергиенко, сдерживая смех, отвернулся.

- Чему смеешься?

- А ты сам посмотри.

Молочков вытащил из мешка пачку фотографий и обмлеп. На них в различных позах были запечатлены голые женщины: раскинувшиеся на кровати, в ванной, пляшущие на столе, улыбающиеся, томные, безразличные, плачущие. Он с омерзением сплюнул и бросил фотографии на стол.

- Кто это снимал?

- Сам Платоша. Здесь и фотоаппарат "Фотокор", и фотопластинки.

Молочков хотел уже отложить фотографии в сторону, как с одной из них на него глянули знакомые глаза. Он присмотрелся внимательнее и узнал Полину Вислову. Только здесь она была значительно моложе и красивее. Вот так ниточка. Уж не она ли спровадила их к Платоше? Он отложил фотографию в сторону и спросил:

- Еще есть что?

Сергиенко молча вытащил из кармана пачку документов. Молочков оживился:

- Вот это уже кое-что.

Он рассматривал. Вот Платоша на семейной фотографии с матерью, отцом и, по-видимому, с сестрой. Вот он в офицерском мундире. Так вот чьи погоны были в шкатулке. Удостоверение:

«Дано Платонову Георгию Васильевичу в том, что он стоит порученцем штаба тринадцатого пехотного полка в Ярославле.

Выдано: января 26, года 1918.

Км.полка полковник...» далее неразборчивая подпись.

А вот билет, выданный партией социалистов-революционеров (эсеров). У Молочкова захолонуло сердце. Неужели это тот самый Платонов, один из организаторов мятежа в Ярославле, который так и не был пойман? Он хорошо помнил, что тогда был арестован и расстрелян весь штаб мятежников, и лишь некоторым удалось избежать общей участи и суметь скрыться. А ведь Платонов тоже был заочно приговорен к расстрелу. Вот как иной раз всплывают тени прошлого!

Звонко оторвал Молочкова от мыслей. Он успел шепнуть Сергиенко:

- Полюбуйся, что за птицу кокнули.

Потом взял трубку.

- Капитан Молочков слушает... Здравствуйте, товарищ майор. К сожалению, беглецов упустили... Да, я знаю, готов понести любое наказание...

Часть третья

1

- Ты чей? - спросил Коновров мальчишку, который степенно отряхивался от соломённых остьев и недоверчиво косил на них голубыми глазами.

- Не скажу!

- Вот те на. А почему же? Нехорошо получается, вместе едем, а как звать друг друга не знаем.

- Откуда я знаю, кто вы такие, - буркнул мальчишка. - Может, вы шпионы или диверсанты.

- А они что, бывают здесь? - Егоров улыбнулся.

- Ну, бывают - не бывают, я не видал, а слышал, что кто-то завод хотел взорвать, его и сцапали.

- Вот видишь, сцапали, а ты нас боишься.

- А зачем вы тогда прячетесь?

Мальчишка хитро, по-мужицки, прищурил один глаз и ждал, уверенный, что ответить на его вопрос не так-то просто.

Взрослые переглянулись, а Егоров засмеялся:

- Ну, прямо провидец! От эшелона мы отстали. Понял? На фронт едем, а тут видишь, какая штука получилась, побежали мы в буфет...

- На фронт? - недоверчиво спросил мальчишка. - А не врете?

- Не врем, не врем, - успокоил его Коноров. - Жаль, документы в военкомате забрали, а то бы мы тебе показали. А без документов, брат, сейчас билет туда не возьмешь. Вот и едем зайцами.

- А-а-а, - протянул мальчишка, - тогда ладно.

Он пытливо посмотрел на каждого и почему-то протянул ладонку Егорову:

- Сережка.

- Егор, - ответил Егоров и представил остальных.

- И куда ж ты, огурец, наострился? - спросил Балабин.

- Я-то? Надо, вот и еду.

- За надом сейчас в другую сторону едут, пацанчик, - прохрипел Балабин.

- Отстань, Балабин, какое наше дело, куда он собрался. Так ведь я говорю? - спросил Сережку Егоров. Но тот лишь неопределенно дернул плечом, мол, как знаешь, так и думай. Глядя на его опущенную беловолосую голову, Коноров мягко спросил:

- Родители-то есть?

- Как же, мать дома, батьку на фронт взяли, а братку... а братку, - голос мальчишки задрожал, натянулся, - фашисты убили. Неделию назад похоронку прислали...

- Что, говоришь, прислали? - переспросил Егоров, ни разу не слышавший такого слова.

- Похоронку...

- Видать, извещение о гибели, - предположил Коноров, а Егоров подумал: "Какое страшное слово: "похоронка".

- Я бы их, гадов, убивал и убивал, - сквозь всхлипы цедил мальчишка, в ярости сжимая худые кулачки.

Коноров положил свою тяжелую руку на Сережину голову и ласково погладил по волосам.

- Ты где сел в вагон-то? - спросил Коноров примирительно.

- В городе.

- Как же это тебе удалось?

- Сначала не удалось. Я только хотел в вагон, а меня часовой цап и к начальнику своему повел. А он говорит: отведи его домой. Хороший такой дядька, он мне все приемчики показывал. Здорово! Когда часовой повел меня домой, я ему говорю: "Дядя, смотри, тебя кто-то зовет". Он обернулся, а я нырк под вагон и убежал. Вот тогда и попал сюда.

- А как ты узнал, что он сюда пойдет, поезд-то?

- А чего тут узнавать, они все на запад идут.

- Это правильно, сейчас одна дорога, один путь - к фронту.

За разговорами прошел день. Поели и легли спать, расстелив на полу солому. Пожалуй, впервые за эти тревожные дни нашим героям спалось так спокойно. Не могли их разбудить и толчки, когда поезд переформировывался.

Когда они проснулись, первый вопрос задал Балабин:

- Куда нас везут?

- А черт его знает.

Коноров подошел к двери и через щель стал всматриваться наружу. При этом комментировал:

- Лес пошел... Вон ветряк видать, скотину пасут... Вот речушку переезжаем... Километрах в двух деревня какая-то, видать, нерусская. Точно, вон и церквушка без креста. Нет, что-то над ней висит, полумесяц, мечеть по-ихнему.

Серезжка вдруг сорвался с места и тоже приник к щели. Затем спросил у Конорова:

- Где это мы едем?

- Трудно сказать. Судя по этим приметам, или в Башкирии, или в Татарии.

- А отсюда далеко до фронта?

- Сдается мне, что от фронта все дальше и дальше, Серезжка. А зачем это тебе?

- Так просто, интересно же, где мы едем.

К двери подходил то один, то другой, то третий. Лишь Серезжка как сидел в своем углу, так и уснул. Незаметно прошел день. Снова легли спать. За ночь их так натолкали на переформировке, что к утру голова гудела. А когда проснулись, Серезжки в вагоне не было. В распахнутую дверь сильно задувало. Егоров бросился к ней:

- Вот шельмец, выпрыгнул. Ладно, если хорошо приземлился, а вдруг кости себе переломал. Ну, шельмец! Как ты сказал, Миша, что дальше от фронта едем, он и скакнул. Никак, воевать собрался, за брата мстить. Вот какие дела.

Балабин со сна опух, долго тер под глазами, потом с хрустом потянулся и пошел в угол оправляться. Коноров всечаще и чаще выпядывал в щель, ходил кругами, вдоль и поперек по вагону. Потом подсел к полутчикам и признался:

- Знаете что, братцы, кажется, занесло нас в мои родные места. Сейчас доедем до Бугульмы и если попадем через нурлатскую ветку на Мелекесс, там рукой подать до нашей деревни - верст сорок. Ох и соскучился я по своим, братцы мои, так увидеть хочется, что поджилки трясутся. Ты как, Егорка, на это смотришь?

- Еще доехать надо. А там как, в твоей деревне, народ надежный?

- Всякий был, а сейчас и вовсе не знаю. Знаю одно, что нам где-то пересидеть надо. Ведь у нас даже документов никаких нет. А в деревне проще, дали тебе справку в сельсовете - вот ты и гражданин.

После этого разговора Егоров замолчал. Он думал. Все, что было пережито за эти дни, казалось сейчас мелким и никчемным. Вот приедут они сейчас куда-то, а дальше что? Тупик. Ради чего же тогда побег? - спрашивал он себя. Ради того, чтобы встретиться с еще одним негодяем вроде Платоши и стать отвергнутыми Молочковым и другими людьми и даже мальчишкой, который стремится отомстить за своего погибшего брата? Это ли не позор, не грех?

В эти минуты даже несправедливое заключение казалось Егорову самым справедливым и очищающим душу актом. Ведь он, Егоров, не хотел сделать ничего плохого, даже наоборот, а на душе так гадко и так хочется умереть. Он,

нормальный русский человек, вдруг оказался за бортом всего, что происходит сейчас на его Родине. Может ли такое быть? Оказывается, может...

2

Поезд постепенно сбавил ход. По вагону забегали огни пристанционных огней, послушались гудки паровозов, лязг буферов и шипение пневматических тормозов.

- Приехали куда-то, - шепнул Коноворов. - Похоже, крупная станция. Пойду-ка за водой сбегаю, заодно узнаю, куда прибыли.

Не дожидаясь ответа от спутников, отодвинул дверь и выпрыгнул наружу. Посмотрел вдоль состава и понял, что при возвращении может не найти свой вагон. Он поднял щебеночный камешек и начертил на двери большой круг. С левой стороны пути были свободны. Коноворов быстро добежал до каких-то строений и нашел колодезь. Достал воды, но ведро отвязать не смог, потому что ручка была сильно опутана цепью. Коноворов выругался, через край попил и решил поискать какую-нибудь посудину. Но вокруг валялись лишь старые шпалы, рельсы и груды другого железного хлама.

- Эй! Кто там шляется, чего надо? - раздался голос сзади.

Коноворов вздрогнул от неожиданности, повернулся и увидел молодую женщину, судя по всему, стрелочницу. Бежать было бессмысленно, и Коноворов подошел к ней. Женщина была лет тридцати, пухлое ее лицо, обрамленное красной косынкой, не выражало никакого волнения, и Коноворов тоже успокоился.

- Здравствуй, сестричка. Воды хотел набрать, да не во что. Посуда какая-никакая найдется?

- Проезжий что ль? На фронт? - и на его немой ответ махнула рукой. - Таинственные все какие стали. Ну, пошли, дам я тебе ведро. Господи, сколько вас тут проехало-то! Вот и мой чуть не с первого дня там же. Одна я с троими осталась. Одно письмо я от него получила и все - как в воду канул.

Она вынесла из будки ведро, протянула Михаилу:

- Сгодится?

- Спасибо, сестрица, век тебя не забуду.

- Чего там, все мы сейчас одной меркой живем - как немца прогнать. Глядишь, и мой глоток водицы силы вам прибавит.

Коноворов набрал воды и пошел к составу. Стрелочница, как ему показалось, сквозь слезы крикнула:

- Если мово встретишь, поклон ему от Настасьи передай! Шипакин его фамилия, Шипакин Андрей!

- Обязательно передам! Станция-то какая? - вдруг вспомнил Коноворов.

- Бугульма, Бугульма!

- Прощай, сестричка!

Когда Коноворов подошел к вагону, из него доносились стук и кричтение. Он влез внутрь и в полутьме увидел барахтающихся на полу своих спутников. Сначала подумал, что Егоров с Балабиным решили размяться. Егоров лежал внизу и хрипел, а Балабин, навалившись всем телом, держал его за горло. Коноворов оторвал Балабина от Егорова и мощным ударом в челюсть откинул того в противоположный угол. Балабин снова вскочил, готовый броситься на обидчика, но густой окрик остановил его:

- Ну-ну, порыпайся мне еще, я из тебя жижу сделаю. - Михаил посмотрел на Егорова. - В чем тут дело?

Егоров сидел на полу, сжимая руками горло и шипел:

- Задушить хотел, гад.

- За что? - обернулся Коновров к Балабину. - Ах ты, рысенок!

И двинулся к Балабину, но тот закричал:

- А зачем вам две пушки?

- А тебе зачем? - спросил Коновров.

Балабин молчал.

- Смотри, паря, - пригрозил Михаил, - если еще дергаться будешь, из вагона выкинем.

- Не выкинешь, - процедил Балабин. - Следок от меня останется, а вам это невыгодно.

Коновров даже не заметил, как Егоров пружиной пролетел мимо него. Раздался резкий хруст, Егоров, потирая кулак, сказал:

- Вот теперь мы квиты.

На этот раз легли отдельно: Балабин у дверей, двое - в дальнем углу. Поезд тронулся, когда они уже спали.

3

Разбудил их громкий высокий голос:

- Это что за круги на дверях? - строго спросила кого-то женщина и, не дожидаясь ответа, приказала: - Сотри сейчас же да запор накинь, не то, неровен час, двери оторвет.

Мужской голос пробурчал в ответ:

- Оторвет, оторвет. Вишь, не оторвало, а тут оторвет.

Раздался лягз запора, отдавшийся внутри громом, по двери чем-то поскребли и шаги стали удаляться. Балабин на цыпочках подкрался к двери, прикинул щели и сказал:

- Видно, охрану к нам приставили, мужичок-то с винтарем.

- Попали, как волки в капкан, - зло прошипел Егоров. - Как же теперь выбираться отсюда?

Балабин оглянулся, насмешливо бросил:

- А вот это предоставь мне, товарищ советский начальник. В этом деле, как ты понимаешь, у меня сноровочка имеется.

Коновров, казалось, был глух даже к известию о том, что их заперли. Егоров посмотрел на друга и не стал его тревожить.

- Городишко какой-то старый, - продолжал рассказывать Балабин. - Вся станция составами забита, солдатни, как блох у заразной бабы. - Но на ругань его никто не обратил внимания - привыкли. - И танки вон на платформах.

Последнее заинтересовало Егорова и Коноврова, они тоже припали к щели. Танки, новенькие, блестящие от свежей краски, стояли на платформах почему-то без стволов.

Над скопищем людей иногда поднимались отрывистые команды военных, сухой визг тормозов, гудки паровозов и автомобилей.

Состав дрогнул.

- Отправляют, должно быть, - сказал Коновров, глядя в щель. - Эшелон подошел.

По перрону разносились строгие, отрывистые команды, женский плач, вскрикнула гармошка, надрывисто и часто загудел паровоз, и вагоны поплыли. Вместе с ними поплыли и тополя, и крыши, и облака. И лишь через некоторое время он понял, что это едут они.

- Егоров! - закричал Михаил так, будто чего-то испугался. - Иди скорей сюда! 43

Егоров, видно, напугался, быстро поднялся и подошел к Коновору.

- Ну, что случилось?

- Смотри! Ты знаешь, где мы сейчас? В Нурлате, понял? Здесь я работал когда-то. А вот и речка, Кондурча называется.

Даже Балабин восторженно, тоже подошел к ним и недоверчиво спросил:

- А не врешь? Тоже мне речка! А Волгу ты видел?

- Как же. В Жигулях бывал, в Усолье ездил, да и здесь пришлось...

Поезд выбрался на равнину. Теперь у Коноворова сомнений не было - они приближались к его дому. Он отозвал Егорова в угол, зашептал:

- Скоро Мелекесс будет, а там рукой подать до моей деревни.

- Ты что, ополоумел? Знаешь ведь, ищут нас. Наверняка в твою деревню сообщили, только и ждут, что мы туда заявимся. И не думай!

- А куда же дальше-то? Дальше некуда, Егорка, эшелон или в Мелекессе загружать будут, или на Москву пойдет. Вот и думай, что лучше. Да и домой хочется. Только взглянуть на своих, а там... - Михаил махнул рукой.

Егоров вздохнул:

- Ну ладно, быть по-твоему. Только нам еще выбраться надо отсюда. Балабин, помнится, бахвалился...

Тут Балабин зашевелился, громко зевнул и спросил:

- О чем толковище, товарищи советские начальнички?

Егоров решил подыграть:

- Ну и слух у тебя, Балабин, как у кошки. Да вот, о тебе вспомнили, трепался ты, что эту дверь откроешь...

- Ты что, еще не понял, что Балабин трепаться не любит? А вы, видать, что-то задумали, начальнички. Только учтите, отклеиться не выйдет.

- Так и знал - трепался. - Егоров кивнул на Балабина. Тот быстро встал, подошел к двери к чему-то долго прислушивался, потом скомандовал:

- А ну, давай сюда, карасики. Навалились все вместе. Раз, два, взяли! - Дверь затрещала, - Еще, взяли!

Балабин еще раз приложил ухо к двери, тихонько пошатал дверь и удовлетворенно улыбнулся:

- Теперь пойдет.

Приподнял один край двери вверх до упора и резко бросил вниз. Снаружи что-то звякнуло.

- Порядок. Прошу.

Балабин ползл на руки и отодвинул дверь. В лицо ему пахнул степной ветер, замешанный на хмельном запахе луговых трав, тепла и паровозного дыма. Держась за дверную ручку, он посмотрел вдоль эшелона и, повернувшись, засмеялся:

- Даже здесь нас охрана сопровождает, в последнем тамбуре маячит.

Егоров с Коноворовым выглянули и увидели прислоненную в углу тамбура винтовку охранника.

4

Они благополучно нырнули под вагон, когда охранник, вскинув винтовку на правое плечо, ушел на вокзальчик. По путям допрыгали до переезда, направо от которого виделся небольшой поселок, и свернули в город. Этот маленький районный городок был хорошо знаком Коновору. Он нарочно повел их по тем улицам, где когда-то приходилось бывать. Вот в этом белом здании он был на первом уездном слете колхозников и артельщиков, в это трехэтажное здание их

привезли в ту ночь, когда здесь с балкона выступал Михаил Калинин, прибывший с агитпоездом, у пруда за городом чеки расстреляли городских большевиков.

Скоро миновали городские окраины и вышли к широкой речке.

- Черемшан, - уважительно сказал Коноров. - Здесь пока и устроимся. Жрать-то осталось что-нибудь?

- Не бойся, Платоша постарался, ведь он нас во-он куда собирал, аж на тот свет, - отозвался Балабин.

Перешли деревянный мост и, отойдя немного по реке, устроились на отдых. Густой черемушник и ветляк стерегли беглецов до самых вечерних сумерек. Они искупались, побрились и вышли на развилку дорог. Долго стояли, надеясь на попутку, потеряв всякую надежду, пошли пешком. Когда отошли километра четыре, у Сабакаева их нагнал грузовик. Пролетев вперед, он остановился. Шофер вылез на подножку и ребячьим голосом крикнул:

- Эй, путнички, куда подбросить?

Подходя ближе, Коноров отозвался:

- Ташелку знаешь?

Шофер присвистнул, и Коноров с удивлением обнаружил, что шофер - девка.

- Как не знать. "Трудовик"? Бывала там. Только я ближе еду, если хотите, подброшу.

Балабин, разглядев в водителе молоденькую женщину, сохмил:

- Я могу и до твоего терема, красotka.

Но женщина оказалась не менее бойкой на язык:

- Могу и в терем, у меня там два поросенка живут, какраз третьего не хватает.

- Я и на то согласный.

Балабин полез в кабину, но девица будто ведро холодной воды на него вылила:

- Но-но, со свиным рылом-то да в калашный ряд. А ну, полезай в кузов, пока монтировкой не огрела.

Они залезли в кузов, но женщина окликнула Егорова:

- Эй, чернявый, а ты чего напугался, садись в кабину, вдвоем дорога короче.

Когда машина тронулась, женщина покосилась на Егорова, показала головой назад:

- А дружок-то ваш веселый. Вы совсем другой.

Егоров хмыкнул:

- Ты тоже ничего, бойкая.

- Мне нельзя иначе, замнут мужики. Кого только возить ни приходится, а среди них разные попадаются. Иной сядет и сразу под подол лезет. Это разве мужики: в такое время о похабстве думать...

5

Они прошли куликовский хутор, поселок Воля, прошли через Александровку. Через час Коноров остановился и дрожащим голосом произнес:

- Вот я и дома, братцы.

- Какой черт дома, здесь же ничего не видать, - выругался Егоров.

Темнота будто свернулась в один черный ком, в безлунной выси желтыми точками дрожали звезды, где-то шумела листва. И все же чувствовалось дыхание жилья: пахло прелым навозом, в каком-то хлеву завозилась скотина, лязгну-

ла собачья цепь, скрипнули незакрытые ворота. Коноров подвел их к колодезю, набрали воды, попили. Балабин спросил:

- А чего он на отшибе? Ходить-то вон как далеко.

Коноров показал на канаву, обложенную кирпичами:

- Это поильный колодец для скотины. Речушка у нас маленькая, ну, чтоб ее не загаживать, скотину поим здесь.

- Вот черт, вляпался, - выругался Балабин, стряхивая с ботинок коровью пешку.

Коноров подвел их к какому-то рубленному строению и сказал:

- Вы побудьте тут, а я схожу, узнаю, что и как. Если до света не вернусь, идите к речке и ждите там в ветлах.

Коноров прошел около пожарки, между сараями и остановился. Прижал ладонь к левой стороне груди и самому себе сказал: "Ну-ну, заволновалось. Тихо ты, тихо". Потом перепрыгнул через изгородь в палисадник и подошел к окну. Рука сама потянулась к стеклу, но что-то его в последнее мгновение остановило. Михаил долго всматривался в темноту дома, но так ничего и не разглядел. Уже светало, ночная чернота стала синеть. Коноров подошел к калитке, которая выводила к крыльцу, и рассмотрел висящее на веревке белье, тут же проветривался старый овчинный полушубок. Все было чужим и незнакомым, даже калоши, валяющиеся у скребка на нижней ступеньке.

"Схожу-ка к Солонцовым, спрошу", - подумал Михаил. Солонцовы жили через два двора. На улицу выходить не стал, перелез через изгородь и осторожно постучал в окно, потом еще раз, уже настойчивей и громче. Сначала в избе было тихо, потом кто-то зашевелился, подошел к окну и долго вглядывался наружу. Сквозь стекло Коноров увидел седую бороду. Стариковский голос приглушенно спросил:

- Кто тут?

Михаил узнал Савелия и зашептал:

- Дядя Савелий, открой.

- Да кто тут, отвечай?

- Я, я, Михаил, открой.

- Ну, ну. К двери иди, открою щас.

Скоро сквозь щели в сенях мелькнул свет и стукнула задвижка.

Савелий заслонил глаза от лампы, которую держал в правой руке, и вглядывался в ночного гостя.

- Не узнаю что-то. Чей ты?

- Стареешь, дядя Савелий, если не узнал. Михаил я, Ивана Конорова помнишь?

- А-а-а, - тяжело вздохнул старик. - Мишарка, ты ли это? Господи. - Старик осенил себя мелким крестом. - Вот уж не думал с тобой встретиться на этом свете. Откуда ты? Да что я спрашиваю. Проходи в дом-то, проходи.

Савелий пропустил гостя, запер дверь и, держа лампу трясущимися руками, все твердил:

- Да как же это? А тебя ведь за упокой поминают. Слышно было, расстрел тебе дали.

- Расстрел, - подтвердил Михаил и усмехнулся. - Потом помиловали, сроком заменили.

В избе Савелий заволновался:

- Ты в свой дом, чать, не заходил?

- Не заходил, поостерегся.

- И слава богу. Твои уж давно здесь не живут. Там теперь Гришанька поселился.

- Гришанька? Не Дядьков ли?

- Он, - подтвердил Савелий. - да ты присядь, присядь.

Михаил сел на табуретку, снял фуражку.

- У вас кто из домашних-то?

- Катерина спит, ребятишки в ночном, на выпасах.

- А Николай?

- Николай воюет, год как под мобилизацию попал. Письмо недавно прислал, пишет, что на формировке где-то. Пошта-то полевая, рази узнаешь, где. Может, где и рядом. Да ты раздевайся, располагайся.

- Не один я, дядя Савелий, у старой кузницы меня товарищи ждут. Приюты, христа ради на денек. Измотались мы, сил никаких нет.

- Какой разговор. Наш дом - твой дом. Чать, помнишь, как с Николашкой все бедокурили? - Савелий пытливо взглянул в глаза Конорова. - Ты скажи-ка, ясен ясен, ты осужденный как враг, стало быть, народа. Неужто отпустили?

Михаил прямо взглянул в тревожные стариковские глаза.

- Не отпустили, дядя Савелий.

Старик сел рядом, положил сухие руки на стол.

- Та-а-ак, в бегах, стало быть. И куда же бежите?

- Сначала своих повидать, а там как бог даст.

- Чать, не к богу собрался. Жить-то как думаешь?

- Как все живут, дядя Савелий. Прямо скажу, на фронт хотим.

- Вот это правильно, вот это я понимаю. Потому что оставаться вам тут нельзя, а там, глядишь, забудется все, к семье вернешься. Ну ты иди, зови товарищев-то, а я Катерину пойду разбуджу.

Когда они вошли в избу, на столе стояла бутылка самогона и три большие чашки щей.

Катя бросилась к Михаилу на грудь и зарыдала.

- Мишенька, не верила я, до последней секундочки не верила, что это ты. Отец говорит Мишанька, а я не верю. А мы с Нюрой в Ставрополь в церковь ходили, за упокой тебя поминали.

Михаил гладил Катерину по спине, по волосам, и сам еле сдерживал слезы. Потом осевшим, чужим голосом спросил?

- Кто вам об этом сказал?

Катерина замолчала, вытерла передником глаза, посмотрела на свекра. Но тот отвел глаза. Катерина крикнула:

- Семка Грешков, вот кто! Чтoб у него, гада, змея вместо языка выросла.

- Семен?

- Да вы сели бы за стол-то, ребята, тогда и поговорим. Садитесь, садитесь, - Савелий силком усаживал гостей за стол. - Наливай, Мишарка, за Кольку нашего выпьем, за всех воинов. Катерина, окна завесь чем-нибудь поплотнее.

Катерина без возражений занавесила окна и села к столу. Выпили. Хозяйка снова заплакала, а Савелий разговорился:

- Твои, Миша, сейчас у Марьи живут, сестры твоей. Вы откуда пришли, из Ставрополя или из Мелекесса?

- Из Мелекесса, - ответил за Михаила Егоров.

- Стало быть, в Александровке мимо их двора проскочили.

- Почему они ушли отсюда? - угрюмо спросил Коноров.

Дед Савелий замахал руками.

- Все, все расскажу, милый, как было. А ты сердце держи, не давай ему воли! Что было, то было, прошлое - не лошадь, не повернешь. Когда тебя забрали, недели через две пришел к твоим Семка Грешков и говорит: "Постановлением сельского совета вы, как семья злостного врага народа, подлежите выселению из колхозной собственности". Ну, Нюра, известное дело, ему в ноги: "Пожалейте, Семен Васильевич, неужели вам мало моего мужа. Дети-то чем провинились, чтоб их на улице выкидывать? Пожалей, Христа ради. Всю жизнь за тебя молиться буду. Хоть до весны дай дожить, а там сама уйду от такого позора". А Грешков свое: "Вот, - говорит, - акт о выселении. Если не подчинишься воле Советской власти, в тюрьму пойдешь. Чтоб до утра, - кричит, - вашего духа здесь не было". Такие вот дела, ясен яшень. А куда ей идти в такую стужу - как раз морозы под сорок стояли - да еще с грудничком на руках. Пришла она к нам, спрашивает, чего делать? А сама ревмя ревет, акт мне этот самый протягивает. Прочитал я его, чего там - толково, грамотно составлен, все в нем описано. Говорю, подожди немного, может, утрясется все. А утрьес Семка с друзьями пришел, сняли с петель обе двери и ушли. От мороза, известное дело, одеялом не закроешься. Я ей говорю, вот что, милушка, перебирайся-ка к нам. Перетаскали потихоньку барахлишко, а весной они уехали к Марье. Вот такой ясен яшень, Михаил.

Коноров не выдержал, из глаз его брызнули слезы, потом встал и со всего размаху ударил кулаком по столу. Дощатый край треснул и отвалился.

- Сволочь! Их-то за что? Изверг, фашист! Где он, с-собака, убыю гадину!

Михаил метнулся к двери, но на руке его повис Савелий, за другую схватила Катерина.

- Мишенька, опомнись, не надо! Себя только загубишь! - Катерина елозила ногами по полу, пытаясь его удержать. - Да помогите же! - крикнула она мужикам.

Подошел Егоров, встал перед Михаилом и опустил голову:

- Держись, Конурка! Дай время, все вспомним мы с тобой: и лагеря, и издевательства, и побег наш. Будет на нашей улице праздник. Слышь?

Михаил устало опустился на стул, помотал головой, будто стряхивал с себя что-то.

- Ты, Мишанька, держи сердце-то. И шуметь не надо, ясен яшень, шумом не поможешь. Не дай бог, услышит кто. Разные люди есть: один промолчит, другой донесет. А Семку, Семку-то на фронт забрали, слава те господи. Хоть и грешно защитников худым словом помянуть, а скажу: лучше бы он не возвратился. И ему лучше, и другим спокойней.

- Встречу гада - первая пуля его будет! - зло процедил Михаил. - Семью-то мою за что, а? Я грешник, мне и ответ держать! А они в чем виноваты?

- А вы выпейте еще, оно и полегчает.

Савелий дрожащей рукой разливал в стаканы, а сам тихонько подмаргивал Катерине: молчи, мол.

- Ну, за ваше возвращение.

Молча выпили, молча закусили. Балабин с Егоровым сидели подавленные и тихие. Михаил, наконец-то, успокоился, глаза его уже потухли, его сильные руки безвольно лежали на столе, скорбным вопросом выгнулась могучая его спина. А Савелий все говорил:

- Через год после того слух пошел, что тебе это все подстроили. Аккурат на пасху подрались по пьяному делу Гришка Дядьков и Игнашка Курчавый. Гришка кричит: "Вот теперь я тебя узнал, косоротый, ты это у учительши стекло разбил.

Навели меня, гады, на Мишку!" Так это или не так, точно не скажу, люди пере-
сказывают. "Ты,- говорит, - сволочь, взъелся на Мишку за то, что он Ньюру у
тебя перехватил". - Тут у них и пошла драчка. С тех пор они как кошка с собакой.
Игнашка и сейчас конюшит, говорят, он и бумагу на тебя написал, ясен яшень. А
Гришка летось в Ставрополь уехал, на заводе кем-то работает, - Савелий поже-
вал губами. - Что поделаешь - таким теперь вера. На Воле тоже двоих забрали, -
братья Ляпины - да ты знал их - как в воду канули. Говорят, они что-то против
Советской власти сказали. А что неграмотные мужики могли сказать? Так, ляп-
нули что-нибудь не подумавши, вот и все. И ведь нашлась иудина душа, доложи-
ла куда следует, ясен яшень.

Снова заплакала Катерина.

- А ты чего? - спросил ее свекор.

- Господи, за Ньюру-то я как рада. Утречком побегу к ней, ведь подготовить
надо, а не то умрет от счастья.

- Чо его дожидаться, вон рассвет уже, - Савелий отодвинул край шапи, кото-
рой было занавешено окно, выглянул на улицу. - Ложитесь спать, дорогие гости,
а то у вас глаза, как у монголов.

Окончание следует.

Павел СЛЮНЯЕВ

Родился в Свердловской области. Но, по его словам, детство помнит мало, только горы...

В Димитровграде, который молодой поэт считает своим родным городом, он живет уже почти два десятка лет.

Стихи начал писать, когда проходил срочную службу в Российской армии. Печатался в армейских и местных газетах. Самое серьезное событие в жизни члена Димитровградского писательского отделения Павла Слюняева - выход в 1997 году первой книги стихов «Та - другая сторона».

Первая книга молодого димитровградского автора - это талантливая заявка на большое поэтическое будущее. Данная публикация в журнале «Черемшан» - дебют литератора в нашем издании.

Павел - студент Самарской гуманитарной академии. Живет и работает в Димитровграде.

...ПОБЫТЬ ТРАВой НА БЕРЕГУ

*Плещом дождя заботливо укрыт -
Стоял. Как горы лет, как сам гранит.
И мощь мерцала в небе: Властелин!
И на венце блистало: триедин.*

*Шел вечер. И за Ним шел его конь.
И неприступная ночная бронь
Вдруг расступалась, плавясь и дрожа,
Как тает масло с лезвия ножа.*

*И пыль снегов окутала власа,
Где память держит чьи-то голоса.
И путь не близок. Как немой укор -
Зари не видно было из-за гор.*

*Плещом дождя заботливо укрыт -
Стоял. Как горы лет, как сам гранит.
И мощь мерцала в небе: Властелин!
И на венце блистало: триедин.*

1993г.

*Ты тоскою в мир заброшен.
Ты рожден для суеты.
Ветром-снегом запорошен,
Но я знаю - это ты.*

*Это ты скакал по лицам
И кусал мой злой язык.
Это ты был тем провидцем,
Что в мой мозг пробрался вмиг.*

*Это ты сорвал убранства
С моей юной головы,
И тебя среди дальних странствий
Видел в облике совы:*

*Хоть и мудр, но безучастен,
Все одно, что твой глупец.
Это ты был моим счастьем,
Жизни маленькой конец!..*

1996г.

*Миг ненастья за окошком.
Хочет выпатся луна,
Звезды размешавши ложкой
В черном тазике без дна.*

*Я на ветке, как кленовый
Лист. И ветер мне поет:
"Ты готовый. Ты готовый
В этот бешенный полет".*

*С криком вниз срываюсь... Жутко.
Хочется упасть без сил.
Впереди - рассвет и утро,
Позади - все, что просил.*

1995г.

*Как на глади, да на дне,
На причале, на волне -
Пело море мне однажды
О родимой стороне.*

*О родимой стороне
Стоном море пело мне,
Чтоб простилось мне однажды
За усталость на войне.*

*За усталость на войне -
Я у совести на дне.
И не выплыть уж однажды,
Не простить себя извне.*

*Не простить себя извне
За усталость на войне -
Ни стихам моим однажды,
Ни родимой стороне.*

1995г.

Этой ночью дождь прошел.
Капли с крыш, трава промокла.
Плачут зябнувшие стекла
На стоящий рядом стол,

Плачут на кусты рябин.
Все заборы почернели.
И сквозь слезы еле-еле
Лунный различаю грим.

Сколько туши на глазах! -
Растеклось по черным лужам.
Значит, грим тебе не нужен?
В слезах, в стеклах, в плаче - страх.

Где-то не закрыли дверь -
Мутный дождик залил сени.
У калиток скрип осенний -
Все предчувствует теперь.

Сколько нам еще придется
Со слезами не бороться!..
Ждать погоды, лета, солнца,
Ждать, когда закроют дверь.

1998г.

Тихо шепчем о листве,
Что ушла за осенью,
О пожухнувшей траве,
О висках, что с проседью.

Тихо молим у Любви
Счастья и забвения.
В кудри звезд давно завит
Месяц откровения.

В рамы окон вправит ночь
Все свои создания.
- Тихо-тихо канем прочь
После осознания,

Что листва давно ушла
За пожухлой осенью.
На висках трава росла
Ярко-желтой проседью.

Стылый месяц косы плел
Звездам откровения.
Не дождавшись, сам ушел
На круги забвения.

1997г.

Мне бы выбрать из терновых корон -
Над которой больше ворон.
Вырвать бы мне сердце, и я
Смог бы жить тогда без вранья.

Мне бы выбрать душу поскромней,
Да ходить привязанным за ней.
Мне б узнать, что тайны мира стерегут,
Да побыть травой на берегу.

Мне б найти кувшин живой воды,
Да воздать себе же за труды.
Мне б набраться смелости, да - вон!
Но все больше надо мной ворон.

1996г.

Абдулла ГАРИПОВ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Окончание.
Начало в предыдущем номере. **Повесть**

Глава 3

Утром Сергеев вызвал к себе в кабинет Лунева:

- Ровно в десять поедешь с генералом Кравченко в Веймар. Иди, приготовься, кто знает, сколько времени там проведешь.

На вопросительный взгляд Лунева Леонид Иванович кратко объяснил:

- В восьмой гвардейской армии генерала Чуйкова тяжелое ЧП. Трое рядовых убили таксиста и двух его пассажиров, а на захваченной ими машине бежали в американскую зону.

К десяти часам Алексей подошел к зданию Управления. Здесь уже стоял «Хорьх» с тентом, машина заместителя начальника Управления генерал-майора Кравченко. Лунев сел на заднее сиденье, а генерал - на переднее.

Как только выбралась из пригородов Потсдама, «Хорьх» бесшумно понесся по двухполосной автостраде Берлин-Веймар. Лунев поглядывал на спидометр «Хорьха», который все время показывал скорость за пределами двухсот километров в час. Путь от Потсдама до Веймара в двести пятьдесят километров они проехали за час с небольшим. За всю дорогу генерал и Лунев не обмолвились ни единым словом.

В Веймаре генерал послал Лунева в криминальную полицию, а сам начал заниматься с армейскими контрразведчиками.

Лунева принял начальник веймарской криминальной полиции. Человек уже немолодой, в возрасте близком к пятидесяти годам. Был он в темном штатском костюме, при галстуке. В кабинете он находился один.

- Садитесь, господин капитан, - показал он на стул у приставного столика. - Слушаю вас.

Шеф криминальной полиции поднял трубку, набрал номер:

- Принесите мне дело по убийству шофера такси.

Через несколько минут в кабинет вошел сотрудник полиции и положил дело на стол шефу. Раскрыв папку, Лунев обратил внимание на исключительную аккуратность оформления дела вместе с актом осмотра места преступления и фотоснимками. Он долго, внимательно читал сам акт, рассматривал фотоснимки убитых немцев. Закончив ознакомление с делом, он сказал шефу криминальной полиции:

- Я прошу сделать для нашего генерала копию акта с места происшествия и всех фотоснимков. И желательнее побыстрее.

Однако ждать ему пришлось довольно долго, и к генералу он вернулся лишь к двум часам дня. Кравченко находился в кабинете начальника службы контрразведки армии. В приемной сидел капитан Никонов. Это из его полка троица наших солдат совершила то тяжкое преступление.

Папку с немецкими документами и фотоснимками убитых немцев Лунев положил генералу на стол. Акт об осмотре места преступления был на немецком языке. Его еще предстояло перевести на русский.

Генерал внимательно рассмотрел фотоснимки убитых немцев и сказал Луневу:

- Пригласите его.

Никонов вошел в кабинет. Генерал предложил ему сесть и начал задавать ему вопросы:

- Что представляет из себя личный состав вашего полка?

- Рядовой состав в основном из русских, около половины призыва сорок шестого года. Немного татар, башкир, чувашей, украинцев, есть из западных областей Украины.

- А этническое, совершивших преступление, кто они, откуда?

- Все трое из западной Украины, осеннего призыва прошлого года, из одной местности. Дружили еще до армии и здесь оставались друзьями.

- До совершения преступления вы знали, что они земляки и дружки?

- Да, знал.

- Какие выводы напрашиваются? - продолжал генерал. - Это преступление они совершили по предварительному сговору. Возможно, готовились долго, пока не наступил день, когда они добыли пистолет и вышли на охоту с целью захвата машины, чтобы бежать на ней в американскую зону. Они остановили такси и, угрожая оружием, заставили шофера и его пассажиров выйти из машины. Расстреляли их и укатили в американскую зону. Все у них заранее было продумано.

Открыв лежавшую на столе папку, генерал разложил фотографии.

- Подойди, полюбуися, - предложил он Никонову, а сам вышел из-за письменного стола и взволнованно заходил по просторному кабинету.

Лунев смотрел то на генерала, то на капитана. Рядом с высоким, стройным, красивым генералом Никонов выглядел тщедушным, неказистым, с бледным удлиненным лицом.

- Американцы, разумеется, подробно допросят их не только по твоему полку, но и по всей восьмой гвардейской армии. Вот так от подобных беглецов американская разведка добывает информацию о нашей группе войск. Но это еще далеко не все. Задумайся о политических последствиях преступления. Мы пишем в газетах, говорим немцам: Советская армия пришла в Германию, чтобы освободить немецкий народ от гитлеровского ига, а тут советские солдаты на улицах города, среди белого дня расстреливают ни в чем не повинных немцев. А ты знал об этой земляческой группе и ничего не сделал, чтобы предотвратить такое гнусное преступление.

- А что я мог сделать, товарищ генерал? - произнес капитан с надрывом.

- Мало ли что. Можно было разбросать их по разным полкам в своей же армии. В таких делах командование всегда идет нам навстречу.

- Я не подумал об этом.

- А надо думать. Нельзя в контрразведке работать бездумно. Да не только думать, надо еще иметь способность к анализу.

Генерал сел за письменный стол, минуту помолчал, возможно, думая о судьбе капитана Никонова, и ровно, спокойно спросил:

- Ну что с тобой делать за твою бездумность и бездеятельность?

Капитан встал, засунул правую руку под свой широкий офицерский ремень, и лицо его болезненно скорчилось, видимо, ему было больно.

- Я прошу уволить меня, товарищ генерал. У меня язва желудка, - глухо произнес Никонов.

- Пишите рапорт, пойдете на медкомиссию.

Никонов покинул кабинет. Генерал повернулся к Луневу:

- Сделайте перевод акта осмотра места происшествия и пусть напечатают на машинке.

Когда Лунев вышел из кабинета, Никонов еще сидел, держа правую руку под поясным ремнем.

- Болит? - спросил его Лунев, думая о том, что эта язва желудка спасла Николаева от неминуемого наказания за провал в работе, а это двадцать суток гауптвахты и новое место службы в восточной Сибири, а то и на Камчатке или Сахалине.

Генерал оставался в кабинете начальника контрразведки армии. Алексей нашел для себя свободную комнату, сел за перевод довольно громоздкого протокола криминальной полиции. Да еще надо было его напечатать на машинке. Времени на все это потребовалось немало. И когда Лунев вернулся в кабинет начальника контрразведки армии, генерала там уже не было.

В кабинете был начальник контрразведки армии полковник Тихомиров.

- Где генерал? - спросил его Лунев.

- Генерал заболел, сердечный приступ у него. Врачи сейчас там, что бы они ни предпринимали, генералу плохо, у него даже лицо посинело. Я позвонил начальнику Управления генералу Железнякову, и он обещал срочно послать самолетом к нам главного терапевта группы войск полковника Рябова. Я уже машину послал на аэродром.

Скоро прилетел полковник медслужбы Рябов. Он долго пробыл у генерала, но загрудинную боль у Кравченко снял, состояние больного уже не вызывало особой тревоги. Когда Рябов вышел от больного, Лунев спросил его:

- Что с генералом, Анатолий Сергеевич?

- Приступ грудной жабы, - ответил он и добавил: - Трое суток ему необходимо провести в постели. Только после этого можно возвратиться в Потсдам.

Лунев и полковник Рябов были знакомы уже больше года.

- Анатолий Сергеевич, разрешите мне проводить вас до аэродрома, - обратился к нему Лунев, надеясь подробнее расспросить его о болезни генерала.

- Спасибо, ответил Рябов, - прошу вас.

До военного аэродрома было недалеко, но в пути они успели поговорить.

- Я ведь прилетел сюда не как главный терапевт, а как лечащий врач генерала Кравченко. К моим армейским коллегам я не имею претензий. Они делали то, что надо. Но они не знают его, как больного, вот в чем беда, - начал объяснять Луневу доктор Рябов. - Генерал Кравченко все неприятности по службе принимает близко к сердцу, а внешне спокоен, молча. Он очень интеллигентный человек. И дорого обходится ему это спокойствие. Все неприятности откладываются у него на сердце. Таков его характер, ничего не поделаешь. Я люблю его, как человека и очень тревожусь за него. Не только одного Кравченко, я всех вас, контрразведчиков, люблю. За вашу самоотверженность, за то, что вы работаете, не жалея себя, ни днем, ни ночью не зная покоя, но имея столько неприятностей по службе.

«Да, велика ответственность контрразведчика за порученное дело, - думал Лунев, слушая полковника Рябова. - Ведь на генерале Кравченко лежит ответственность за все, что происходит в наших войсках в Германии, и за таких вот, бездумно работающих, как капитан Никонов».

Лунев тепло попрощался с Рябовым, улетающим на двухместном истребителе.

Из-за болезни генерала Алексею пришлось целых три дня провести в Веймаре в вынужденном безделье. Осматривать в Веймаре было нечего. Дома-музеи Гёте и Шиллера разбомбила американская авиация.

По возвращении в Потсдам Алексей доложил Сергееву о своей поездке в Веймар и о болезни генерала Кравченко.

- Он ведь так молод, - говорил Лунев о генерале, - а как серьезно болен.

- Много им пережито. Один Тегеран чего стоил ему, - заметил Сергеев.

- Леонид Иванович, - осмелился Алексей, - вы, наверное, знаете, расскажите мне, хоть кратко, о Кравченко в Тегеране.

- О миссии Кравченко в Тегеране знаю, но всего о нем не могу знать, он ведь ничего о себе не говорит, - ответил Сергеев и начал рассказывать. - Теперь уже о встрече большой тройки в Тегеране - Рузвельта, Сталина и Черчиля - все знают. В сорок третьем году Рузвельт и Сталин вели тайную, зашифрованную переписку о встрече большой тройки и местом встречи они избрали Тегеран. А Иран находился под влиянием гитлеровской Германии. Поэтому еще в сорок первом году в Иран ввели советские и английские войска. Наш разведчик Пауль Зиберт, вращавшийся в среде немецких офицеров на нашей оккупированной территории, доложил по радиации, что абверу стало известно место встречи большой тройки. По указанию Гитлера и Гиммлера абвер начал готовить диверсию по уничтожению в Тегеране Рузвельта, Черчиля и Сталина. Руководить операцией поручили начальнику отдела абвера полковнику Лахузену, австрийцу, земляку Гитлера. Ты ведь знаешь, отдел, руководимый Лахузеном, - диверсионно-террористический. Исполнение акции возложили на главного диверсанта полка «Браденбург-800» капитана Отто Скорцени. Осенью сорок третьего с немецкого аэродрома в Крым Скорцени отправил своих диверсантов в Иран, но при высадке всех их уничтожили. Второй десант, посланный Скорцени, благополучно приземлился. Теперь о Кравченко. Получив такой сигнал, наш центр направил в Тегеран группу контрразведчиков во главе с Кравченко. В Тегеран прибыли Рузвельт, Сталин, Черчиль. Рузвельт намеревался поселиться в американском посольстве и внес предложение: встречи большой тройки проводить попеременно во всех трех посольствах. Но Сталин ему ответил: «По полученным советской разведкой данным Гитлер дал задание уничтожить тройку в Тегеране». И предложил Рузвельту поселиться в советском посольстве, где и проводить все встречи. Рузвельт согласился и поселился на территории советского посольства, в отведенном для него особняке. Там и проводились все встречи большой тройки.

Встречи эти благополучно закончились к вечеру третьего дня, и Рузвельт спросил Сталина: «Как обстоят дела у ваших контрразведчиков по противодействию гитлеровским диверсантам?» «Наши контрразведчики взяли их всех», - ответил Сталин. «Кто это сделал?» - поинтересовался Рузвельт. «Подполковник Кравченко». «Я хотел бы видеть его завтра, в девять часов, - и добавил, - видеть его генералом». На другой день, в девять часов утра президенту Рузвельту доложили: «К вам с визитом генерал-майор Кравченко».

- Вот так высоко оценил президент Рузвельт подвиг Кравченко, - закончил свой рассказ Леонид Иванович, - теперь ты знаешь его историю.

В час ночи в кабинет к Луневу позвонил Сергеев:

- В первой мехармии только что взорвался корпусной артсклад. Выезжай немедленно. Я уже вызвал для тебя машину.

Зная дорогу, Лунев прямо доехал до места расположения корпусного артсклада. Нашелся он в лесу, в стороне от населенных пунктов, в лесисто-холмистой местности. Но склада уже не было. Около гигантской воронки от взрыва стоял начальник контрразведки арткорпуса полковник Рындин, начальник контрразведки первой мехармии полковник Филиппов вместе с другими офицерами.

- Пришлось поднимать по тревоге весь оперативный состав, тщательно осмотреть местность в ближайшем окружении от воронки, - начал объяснять Рындин капитану Луневу. - Командир стрелкового полка выделил нам роту для про-

чесывания всей прилегающей к складу местности. Кто знает, может, диверсанты еще не успели уйти далеко от места взрыва. Но еще до начала прочесывания дальних подступов один из моих офицеров нашел винтовку в кустах по ту сторону воронки и принес ее мне. Я понюхал ствол винтовки и учуял свежий запах пороха. Значит, из нее только что стреляли. Я знал, у стен артсклада были штабеля с патронными ящиками, и чтобы взорвать склад, достаточно было выстрелить по тем патронным ящикам. Скоро мне доложили, найденная винтовка числится за рядовым Сидоркиным. Он и стоял сегодня на посту у штабелей с патронными ящиками.

Как выяснилось потом, Сидоркин задумал дезертировать и перебежать в американскую зону. А как это сделать, ломал он себе голову. И, наконец, надумал: стоя на посту, взорвать артсклад. Тогда командование будет считать Сидоркина погибшим, и никто не станет его искать. Но взорвать склад таким способом, чтобы самому остаться в живых. Отойти вон к тем кустам на пригорке и оттуда выстрелить по патронным ящикам - склад взорвется. Так думал Сидоркин. Покинув пост, он добрался до выбранного им холмика, посмотрел оттуда не виднеющиеся в темноте светлые патронные ящики, щелкнул затвором, прицелился и выстрелил. Вместе с оглушительным грохотом воздушная волна свалила Сидоркина на землю и отбросила его винтовку в кусты. Сидоркин вскочил и в страхе побежал, не выбирая дороги. Стало удивительно тихо. Он взглянул в ночное звездное небо, сел под кустом, задумался о содеянном.

«А где моя винтовка? - хватился Сидоркин. - Если ее найдут, то поймут, что я живой остался и меня начнут искать. Пока темно, над найти винтовку, бросить ее в какое-нибудь озеро или пруд, а то и в землю закопать».

Сидоркин начал блуждать по лесу в поисках своей винтовки. Блуждал, блуждал, все не мог добраться до места, где он потерял винтовку. Уже стало светать. Винтовку не нашел, но почувствовал, позади него кто-то есть и обернулся. Перед ним стояли сержант и ефрейтор с автоматами. Они повели его к другой стороне воронки. Там стояли подполковник Рындин и другие офицеры контрразведки. Сидоркина подвели к подполковнику Рындину.

- В каком месте был твой пост? - спросил Рындин Сидоркина.

- Около штабелей ящиков с патронами, - ответил Сидоркин.

- Для чего покинул свой пост?

- Мне показалось, на той стороне кто-то ходит и я решил посмотреть, но никого там не нашел и в это время раздался взрыв...

- Нет, не посмотреть ты пошел, а стрелять оттуда по патронным ящикам, взорвать артсклад. Там мы и нашли твою винтовку.

Сидоркин растерянно заморгал глазами, не смея еще что-то сказать в свою защиту.

- Уведите его, - приказал Рындин своим офицерам.

Лунев понял, не было никакой необходимости приезжать ему в арткорпус. Разве только для доклада Сергееву. «Рындин умный, способный к анализу контрразведчик. Он сам, без посторонней помощи быстро раскрыл это дело».

Утром, в начале рабочего дня он доложил Сергееву о том, как быстро разобрался Рындин с этим тяжелым чрезвычайным происшествием.

Прошло какое-то время после того ЧП со взрывом корпусного артсклада, открывается дверь кабинета Лунева в Управление, и входит Рындин.

- Садитесь, Николай Дмитриевич, - показал ему Лунев на кресло, - как жизнь?

- Как жизнь, - кисло улыбнулся Рындин, - никогда в жизни мне не везло.

Высокое начальство решило разжаловать меня в майоры, сместить с корпуса на дивизию. На корпусе положены полковничьи погоны, а тут опять ходи в майорах. Мне сорок девять лет. За всю войну дотянул до подполковника.

- Ну, что думаете делать, Николай Дмитриевич?

- Что тут думать? Подал рапорт на увольнение. Подписали. Уезжаю домой, в Ленинград. Вагон мне нужен: машина у меня, мебель, другое барахлишко. Капитана Николая Потапова нет на месте, так мне сказали - за помощью в получении вагона могу обратиться к вам.

Лунев позвонил в Управление военных сообщений штаба группы войск с просьбой выделения вагона Рындину. Ответ обещали дать в течение часа. За этот час они поговорили о жизни, о службе.

- Мне вменяют в вину, что я не предотвратил это тяжелое ЧП. А как предотвратить, если этот чертов Сидоркин свои замыслы о взрыве склада вынашивал внутри себя, ни с кем не делился хотя бы своими сомнениями. Легче избежать беды, когда она подбирается к тебе на виду. Вот расскажу тебе другую историю о себе. В тридцать седьмом году в Ленинградской области я был начальником райотдела НКВД, начальником областного Управления был Медведь, а наркомвнуделом тогда - Ягода. В те времена начали репрессировать троцкистов. Звонит мне Медведь из Ленинграда и спрашивает: «Ты почему не выполняешь моих указаний, не везешь троцкистов?» Я ему отвечаю: «Нет их в моем районе». А он мне: «Как нет? А ваш первый секретарь райкома?» «У меня нет данных о том, что он троцкист», - говорю ему. «Зато у меня есть такие данные. Вези его», - и положил трубку. И что же мне было делать. Вот тебе и беда на виду. И пошел я к первому секретарю райкома, рассказал ему о своем разговоре с начальником областного Управления НКВД и говорю ему: «Если я арестую, отвезу тебя к Медведю, они тебя уничтожат, а не сделаю этого - они расстреляют меня. Ну, что будем делать?» И выход из положения нашел секретарь райкома. «Вот что сделаем, - говорит он мне, - у себя на работе скажем, - мы якобы поехали по колхозам. А подадимся на лесные острова. На Ладожском озере их много. Выберем себе остров, построим там шалаш, будем рыбачить, уху варить. Уйдем в подполье. У меня в райкоме есть конюхо-повозочный, верный старик. Он на лодке будет привозить нам еду, газеты. Этот не выдаст нас». «Но не можем же там зимовать. Там можно скрываться только летом», - говорю я ему. «На что я надеюсь», - отвечает он мне, - такое зверство не может долго продолжаться». «Если говорить о зверстве, я знаю, как Медведь вызывает к себе начальников райотделов, не исполняющих его указаний, когда они отходят от его письменного стола, он стреляет им в спину. На звук выстрела в кабинет вбегают дежурные, а Медведь им приказывает: «Уберите. Он - враг». И все. Нет человека, и никакого ответа за него нет. Два месяца скрывались мы на острове. Пришел день, и из газет, что приносил наш старик, мы узнали: Ягода и Медведь арестованы, осуждены и расстреляны за все их злодеяния. Мы вышли из подполья, оба остались живы. Подумай, все это было всего каких-то десять лет назад.

В кабинете Лунева раздался телефонный звонок. Алексей взял трубку.

- Дали вам вагон, Николай Дмитриевич, - сказал он Рындину.

- Ну, спасибо за вагон, а на прощание хочу сказать тебе - ты еще молодой, многого не знаешь. В нашей работе, будь ты семи пядей во лбу, от провала никто не гарантирован. Для этого, наверное, надо родиться в рубашке.

Они тепло попрощались. Больше Лунев никогда его не видел и ничего о нем не слышал.

Начиная с сорок пятого года, в Потсдамском дворце Цецилиенхоф дважды в год, 7 ноября и 23 февраля, Главнокомандующим группой войск в Германии сначала маршалом Жуковым, а после его перевода в Москву - маршалом Василием Даниловичем Соколовским устраивались торжественные приемы. На эти приемы приглашалось до тысячи гостей: из штабов оккупационных войск США, Англии, Франции и дипломатический корпус из Берлина.

Что из себя представляет дворец Цецилиенхоф? Это построенное в парке Ной-Гартен в 1914-1915 годах для наследного принца, то есть, сына последнего германского императора Вильгельма II, двухэтажное здание дворца с островерхой черепичной крышей. Каковы его размеры? Достаточно сказать: один второй этаж состоит из четырехсот комнат для гостей кронпринца. На первом этаже просторные залы, холлы для приемов и подсобные помещения.

Алексею Луневу по роду службы иногда приходилось бывать на приемах в Цецилиенхофе. Однажды, на одном из тех приемов, в большом зале со столом «а ля фуршет» для гостей к Луневу и его товарищу по службе капитану Чурашову подошел американский подполковник. Как бы обнимая обоих русских капитанов, он положил руки на их плечи и, постучав по погонам, произнес:

- Вы, значит, связист? - улыбаясь сказал он Чурашову. А Луневу: - Вы, значит, артиллерист?

- Да, артиллерист, - ответил Алексей, вглядываясь в американца с монгольскими чертами лица.

- Вы такой же артиллерист, какой он связист, - добавил подполковник.

Причем и Лунева, и Чурашова он разглядывал с таким видом, будто вспоминал, где и когда их видел.

«Он узнал нас обоих по фотографиям», - догадался Алексей.

- А вы такой же офицер связи штаба генерала Эйзенхауэра, - ответил ему Лунев, показав пальцем на нашивку на рукаве его мундира в виде пальмовой ветки (эмблема офицера связи штаба Эйзенхауэра). - Как вас звать, мистер?..

- Панюшкин, - представился русский американец и предложил им выпить в честь знакомства.

- Выпьем, - ответил Лунев. И они втроем подошли к столу.

Официантка подала им чистые приборы. Когда они стояли с рюмками водки в руках, мимо них проходил американский офицер в парадном мундире, высокий, представительный, с аристократическими чертами лица. На рукаве его мундира была также нашита пальмовая ветвь, как и у Панюшкина. Полковник и Панюшкин только обменялись взглядами.

- Кто этот полковник? - спросил Лунев Панюшкина.

- Граф Голенищев-Кутузов, - ответил Панюшкин.

Алексей понял: оба они сотрудники разведки.

После праздников на докладе у Сергеева Алексей упомянул о двух разведчиках: Панюшкине и графе Голенищеве-Кутузове.

- Таких русских американцев, как Панюшкин, в их разведке хоть пруд пруди. Там еще не хватало только российских князей и графов, - заметил Леонид Иванович. - Но чтобы отпрыск нашего прославленного фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова служил в американской разведке и действовал против России - для нас это было бы прискорбно.

- Леонид Иванович, - осмелился возразить Лунев, - этот полковник американской разведки не может быть отпрыском нашего фельдмаршала графа Михаила Илларионовича Кутузова.

- Почему ты так считаешь?

- Потому что знаю, у Михаила Илларионовича были только дочери. Но на Руси были и другие графы Голенищевы-Кутузовы. В прошлом веке жил граф Голенищев-Кутузов, адмирал. Да еще я запомнил по надписи на памятнике в ограде Потсдамской русской православной церкви, что там покоится граф Василий Павлович Голенищев-Кутузов, умерший в 1881 году. Супруга его там же похоронена, немка она, но считалась русской графиней. Разве не мог быть американский полковник Голенищев-Кутузов внуком или правнуком того же графа Василия Павловича Голенищева-Кутузова.

- Откуда ты все это знаешь?
- Из русской истории, Леонид Иванович, - не моргнув глазом, ответил Алексей.

Глава 4

Наступил сорок восьмой год. Особенно примечательным он оказался для Берлина и берлинцев. Почему? Начался берлинский кризис. Зачинщиком берлинского кризиса оказался президент Трумэн. Именно он начал холодную войну против Советского Союза еще с сорок пятого года, тотчас после подписания его же рукой потсдамских документов о послевоенном мирном устройстве Европы. Берлин еще лежал в развалинах, а Трумэн уже начал пихорачочную подготовку к горячей войне в Европе. Американское командование закрыло доступ в Западный Берлин всем советским людям: военным и гражданским. Они начали переброску в Берлин воздушным путем дополнительных контингентов своих войск.

Разве допустил бы такое Рузвельт? Наверное, не случайно американцы сложили поговорку: «Рузвельт доказал - он всю жизнь может быть президентом, а Трумэн - в Америке всякий может быть президентом».

К началу берлинского кризиса в Германии было четыре наших войсковых и одна воздушная армии. А размещались они так: 1-я механизированная армия в земле Саксония, в районе Дрездена; 8-я гвардейская - в земле Тюрингия, в районе Веймара; 3-я ударная армия - в земле Саксония - Ангальт, в районе Магдебурга; 5-я ударная армия - в земле Мекленбурга, в районе Шверина; 16-я Воздушная армия - в земле Бранденбург, западнее Потсдама.

Поскольку берлинские группы англо-американских войск находились в тылах нашей армии, американское командование такое положение могло считать стратегически выгодным для себя. Но это была палка о двух концах. Советское командование немедленно развернуло близ Берлина две новые армии: 3-ю мехармию с юга и 4-ю мехармию с севера германской столицы. Для наших вчерашних союзников возникла угроза оказаться в берлинском котле, наподобие сталинградского для 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса. Наше правительство приняло и другие ответные меры: из Германии отправили в Советский Союз семь всего офицерского состава, за исключением контрразведчиков, закрылись все русские общеобразовательные школы, закрыли все транспортные пути из Берлина в Западную Германию - автомобильный, железнодорожный, водный. Остался один единственный воздушный коридор на Берлин. Им уже стало не до переброски войск и военной техники. Надо же было в Берлине снабжать продовольствием свои войска. Им пришлось даже доставлять самолетами уголь для берлинских электростанций. Советское командование тоже запретило американским, английским и французским военным выходить за пределы Западного Берлина.

Адольф Гитлер мечтал дожить до разрыва или даже до войны между государствами - участниками антигитлеровской коалиции - Советским Союзом, Америкой и Англией. Фюрер многое делал для этого, но ничего у него не получилось. Чего не доделал Гитлер, взялся доработать Трумэн.

В теплый апрельский день Лунев выехал из Потсдама в Берлин-Карлсхорст, причем, сам за рулем, без шофера. Дорогу в обезд, за пределами американского сектора Берлина, он считал для себя безопасной. Как всегда, Лунев часто бывал по делам службы в Управлении Советской Военной Администрации Германии у полковника Романовского. Он уже намеревался отправиться в обратный путь в Потсдам. Еще в Карлсхорсте на Шлосштрассе Лунев остановил свой «Опель-олимпию», запер дверцу. Он задумал поговорить с берлинцами, просто так, по-репортерски, для дэбря, об их отношении к берлинскому кризису. Он ос-

танавливал прохожих, людей разных возрастов, мужчин и женщин, пожилых и молодых берлинцев.

- Извините, пожалуйста, - заговорил он с женщиной, - скажите мне, как вы относитесь к Берлинскому кризису?

- Это страшно, - ответила она, - опять Берлин окружили русские танки, а американская авиация вновь будет бомбить Берлин. Опять кровь, смерть, страдания, эвакуация... давно ли война кончилась в Берлине, а теперь в Берлине собирается ее начать...

Лунев остановил пожилого немца.

- Что? Берлинский кризис? Вот-вот опять начнется война. Мало что ли американская авиация бомбила Берлин? Вы видели Кудамм? (самая красивая улица Берлина).

- Видел, - ответил Лунев.

- От Кудамм американская авиация оставила одни кирпичи. Берлинцы говорят: «Без Кудамм нет Берлина». Теперь уж наверняка оставят нас без Берлина.

Лунев покинул Карлсхорст и в объезд американского сектора направился в Потсдам. Южнее пригорода Бланкенфельд дорога проходила по советской зоне, но близко от американского сектора Берлина, причем, за городской чертой, в чистом поле.

Вот здесь-то его «Олимпию» обогнал черный «Форд-8». В машине сидели американские офицеры. Они остановили свою машину с таким поворотом, что Лунев не мог проехать мимо них. Алексей вынужден был остановить свою «Олимпию». Двое американских офицеров подошли к машине Лунева.

- Документ, - потребовал один из них.

Лунев протянул свое удостоверение личности офицера Управления контрразведки нашей группы войск в Германии. Американец открыл красную корочку и вместо того, чтобы вернуть ее владельцу, положил в свой карман. Тут подошли еще двое американцев. Они предложили Луневу перейти в их машину. Алексей отказался. Но американцы силой вытащили его из «Опель-олимпии» и, не взирая на сопротивление Лунева, повели к «Форду». К счастью Лунева на дороге показалась наша военная машина «Студебеккер» с солдатами в кузове. Офицер, сидевший в кабине «Студебеккера», открыл дверцу и услышал крик Лунева:

- Братцы! Выручайте!

Но американцы успели затащить Лунева в «Форд» и отъехали. «Студебеккер» погнался за черным «Фордом». Американцы свернули к отдельно стоящему кирпичному особняку за каменной стеной, въехали во двор и закрыли железные ворота. «Студебеккер» мощным, как рельсы, бампером выбил железные ворота и въехал во двор. Лунева уже затащили в особняк и заперли входную дверь.

- Выбить дверь, - приказал капитан своим солдатам, и наши ворвались в особняк.

Лунева уже успели обыскать, разрезали, распотрошили его удостоверение личности, наверное, чтобы рассмотреть "секреты" изготовления документа.

Американцы пытались было оказать сопротивление нашим солдатам, но русские за незнанием английского языка перешли к разговору на кулаках. Навешали нашим вчерашним союзникам синих фонарей, отобрали у янки изуродованное удостоверение Лунева, его пистолет-браунинг №2, освободили из плена его самого.

На своем «Опель-олимпии» Лунев вернулся к себе в Управление.

Для Алексея самое трудное было впереди, это - доклад Леониду Ивановичу о своей поездке в Карлсхорст. Суровым взглядом встретил его Сергеев.

- Ну, докладывай, герой, - сухо произнес он.

Лунев подробно рассказал, что с ним произошло в той поездке на обратном пути. И положил на стол свое удостоверение.

- Сколько раз я предупреждал тебя: не езди к Романовскому в одиночку, без шофера. А ты и раньше ездил туда один, еще и через американский сектор. Пойми, тогда они были для нас союзники, а теперь противники. Неужели не понимаешь?

- Но сегодня-то я по нашей зоне ехал...

- Даже по нашей зоне, видишь, как обернулось? Что ты лезешь в капкан? Что с тобой делать за такой провал?

Алексей смотрел в злые глаза Сергеева и растерянно ответил:

- Вы же знаете, Леонид Иванович, это - мой первый провал в работе, начиная с фронта. Что со мной делать? Ну, сошлите меня на Камчатку.

- И на самом деле, тебя нельзя оставлять в Германии. Они же охотятся за тобой. Сегодня ты мог исчезнуть бесследно, а машину твою сожгли бы. Ну, вопрос об откомандировании в Советский Союз решает только генерал. Я доложу ему, жди меня здесь, - сказал Сергеев, выходя из своего кабинета.

Леонид Иванович долго не возвращался.

«Там, у генерала, сейчас решается моя судьба, - думал Лунев, - может, и меня, как моего друга Николая Гончарова, ждет долгий путь на Камчатку. Оттуда Николай теперь шлет письма за подписью «Камчадал».

В своих думах в те минуты Алексей вспоминал удивительную историю Рындины и его наездника, что легче избежать провала, когда он приходит к тебе на виду. А сегодня вот беда подошла неожиданно, негаданно.

Наконец вернулся Леонид Иванович.

- Генерал не согласился с твоим откомандированием в Советский Союз, - сказал Сергеев, - «Гольфарб, говорит генерал, возможно, продал американской разведке фотокарточки половины офицеров нашего Управления, если не больше. Так что же, всех их откомандировать? Пусть Лунев остается, но обезопасить его надо». Испросил меня, где ты живешь. Я ему ответил, что твоя квартира находится за пределами нашего городка, в доме, где живут и немцы, и офицеры интендантского Управления. "Вот это не годится, - сказал он мне, - его могут ночью сонного утащить в мешке". Начальник ХОЗО по телефону доложил генералу, что в нашем городке в резерве у него имеется только одна свободная квартира, коттедж, и он не хотел отдавать коттедж Луневу. "Отдашь коттедж капитану Луневу, - сказал ему генерал. - И завтра же, под твоим личным контролем переселишь его семью, вечером доложишь мне". Потом генерал вернулся к сегодняшней выходке американцев с твоим захватом и говорит мне: "Это может быть делом рук Панюшкина. Не Лунева, а Панюшкина надо брать из Потсдама".

В американскую военную миссию в Потсдаме Панюшкин прибыл еще в сорок седьмом году. С первых дней своего появления в Потсдаме Панюшкин много своего времени проводил в местах, где он мог свободно общаться с офицерами штаба Советской группы войск в Германии. Таким удобным местом для него оказался Потсдамский дом офицеров. Там постоянно действовал филиал Московского Малого театра. Панюшкин не пропускать ни одного спектакля.

В праздничный день первого мая сорок восьмого года Лунев находился у себя дома, но ему не разрешалось отлучаться от телефона. Раздался телефонный звонок, Лунев поднял трубку. Говорил Сергеев:

- В городе Кенингштайн наша комендатура задержала четверых англичан на машине. Возьми переводчицу Зою и отправляйся в Кенингштайн, небольшой городок на Эльбе, недалеко от Дрездена.

Но задержанные оказались не англичанами, а шотландцами, воины в серых клетчатых юбках: капрал и трое рядовых.

Лунев по телефону доложил Сергееву:

- Товарищ подполковник, это не англичане, а шотландцы, и Зоя их не понимает.

- Я пришлю тебе Ананьева, - ответил Сергеев и положил трубку.

Лейтенант Ананьев, переводчик с немецкого, с постоянно улыбающимся толстогубым лицом, общаясь с нашими союзниками в Берлине, быстро овладел английской и французской разговорной речью. Молодой, неженатый, жил он в мужском общежитии Управления. Сергеев позвонил в общежитие, приказал прислать к нему Ананьева.

- Товарищ подполковник, он не может явиться к вам, - ответили ему.

- Как не может? - возмущился Сергеев.

- С утра немного выпил и спит. Никак не разбудим его.

- Так принесите его ко мне, - возмущенно крикнул Сергеев и положил трубку.

Быстро нашли капитана Арбатского - крупного, сильного, как Самсон, мужчину. Арбатский взял на руки спящего Ананьева, благо, тот был небольшого роста, принес в кабинет Сергеева и положил на диван. Появился вызванный Сергеевым фельдшер из медсанчасти и начал растирать нашатырным спиртом виски Ананьева. Вскоре Ананьев открыл глаза и удивленно уставился на Сергеева, не понимая, как он мог оказаться здесь.

- Ты что, Ананьев, с утра наклюкался? - упрекнул его Сергеев.

- Виноват, товарищ подполковник, немного ответил ради праздника и заболел птичьей болезнью, - смущенно ответил Ананьев.

- Что это еще за птичья болезнь? - удивился Сергеев.

- Перепил, - с глуповатой улыбкой ответил Ананьев.

- Ничего, поедешь на открытом виллисе. Сразу выдует из тебя птичью болезнь.

Наконец, в Кенингштайне появился долгожданный Ананьев. С задержанными он поздоровался на шотландском диалекте и сразу завязал с ними оживленный разговор.

- Я не знаю, о чем ты с ними говорил. Ты спроси капрала, имеют ли они разрешение на эту поездку и с какой целью приехали в Кенингштайн, - сказал Лунев.

Ананьев поговорил с капралом и перевел Луневу:

- В Берлине они слышали, недалеко от Дрездена, на вершине высокого каменного столба есть средневековый рыцарский замок Кенингштайн (королевский камень), наподобие древних шотландских замков. Им хотелось хоть взглянуть на него со стороны, но в разрешении на такую поездку командование им отказало. Получив отказ, они собрались и поехали в Кенингштайн самолетом.

- Переведи им, - сказал Лунев Ананьеву, - мне давно хотелось осмотреть замок Кенингштайн, но я никак не мог выбрать для этого время. И сегодня, раз уж я сюда приехал, вместе с этими шотландцами хочу побывать в замке Кенингштайн.

Узнав от Ананьева о намерении капитана побывать вместе с ними в замке Кенингштайн, задержанные воспрянули духом, заулыбались, оживленно заговорили между собой.

- Я тоже хочу поехать с вами, - воскликнула Зоя.

- Нет, Зоя, женщин туда брать нельзя.

- Но почему, почему?

- В замке Кенингштайн наш военный госпиталь. Там не раненые, а больные, и опасно больные...

- Психи что ли?

- Нет, не психи, а похуже.

- Ну что может быть хуже психов?

- Зоя, вы вынуждаете меня открыть вам правду. Там венерический госпиталь. Не были бы они опасными, их не запрятали бы в такую неприступную крепость. Так что, Зоя, придется взять вас, но только под охраной шотландской гвардии, - улынулся Лунев.

По просьбе Лунева военный комендант города позвонил начальнику госпиталя, что он разрешает посетить госпиталь офицеру Управления контрразведки вместе с англичанами для осмотра замка и предупредил:

- Но ни одного из ваших мазуриков не должно быть во дворе госпиталя. Всех до единого под надежный замок.

Юркие джипы без труда добрались до подножия гигантского каменного столба. Внизу их ожидала подъемная машина. А наверху их встретил начальник госпиталя, немолодой подполковник медслужбы. Лунев объяснил ему, что цель их визита не госпиталь, а всего лишь краткий осмотр замка.

Разумеется, без Лунева шотландцы не могли бы попасть в замок Кенингштайн, раз здесь военный госпиталь.

- Покажите нам, как пройти на смотровую площадку, - попросил Лунев подполковника.

- Прощу.

Он провел гостей по двору, устланному каменными плитами. Сюда выходили двухэтажные кирпичные здания с узкими окнами, ныне занятые госпиталем. Со смотровой площадки с каменным ограждением открылась сверкающая серебром лента Эльбы. Вплотную к реке приютился одноэтажный белый городок Кенингштайн с красными черепичными крышами, игрушечным он казался сверху. По обе стороны реки они увидели бесконечную гряду зеленых холмов с виноградниками. Немцы гордятся их удивительной, неповторимой красотой. Это ведь знаменитая Саксонская Швейцария. Шотландцы, сами дети горной страны, восхищались открывающимися с вершины замка видами.

Крепость Кенингштайн была приспособлена к защите от неприятеля. Для этого в крепости-башне сооружены наклонные туннели, выходящие наружу. По ним на головы осаждающих в старину сбрасывали тяжелые камни. Такая в те времена была артиллерия. Гости осмотрели два таких туннеля и, поблагодарив начальника госпиталя, спустились на подъемной машине вниз.

Перед отъездом из Кенингштайна они заглянули в бьерхалле (пивной зал) чашечку перекусить. У шотландцев была кое-какая закуска и виски во вместительной фляжке... Бармен подал им столовые приборы, стопки для виски - чуть больше наперстка.

- Имеются ли у вас стопки еще меньше этих?

Бармен понял иронию и ответил:

- Только пивные кружки.

Из Кенингштайна все три джипа отправились вместе, держа путь на Потсдам. С шотландцами расстались у Крампница. Отсюда до английского сектора Берлина было недалеко.

Сергеев вызвал к себе Лунева.

- Слушаю, Леонид Иванович.

- Мне только что звонил генерал Малинин (начальник штаба группы войск в Германии) и сказал, что к нему сегодня явился с визитом офицер американской военной миссии в Потсдаме подполковник Панюшкин и заявил: "Господин генерал, нашей военной миссии стало известно, что в ваших войсках намечены маневры. Разрешите офицерам американской миссии присутствовать на ваших маневрах". Генерал ответил Панюшкину: "Господин подполковник, никакие ма-

невров в нашей группе войск не намечается". Панюшкин извинился и ушел.

Дальше Сергеев продолжал:

- Чего генерал Малинин не сказал Панюшкину, я скажу тебе: наш Генеральный штаб запланировал в советской зоне Германии штабные учения с участием высшего комсостава. Панюшкин что-то разноухал, но ничего конкретного он не знает. Что ты о нем думаешь?

- Я уже вам докладывал. Он каждый вечер проводит в доме офицеров на спектаклях Малого театра. В антрактах сидит в буфете, в обществе наших штабных офицеров. Может что-то случайно услышал от них о маневрах, или кто-то проговорился при нем.

Дня через три после того разговора Сергеев опять вызвал к себе Лунева:

- Мне снова звонил генерал Малинин и сказал, что к нему опять приходил Панюшкин и говорит: "Я приношу вам свои извинения за допущенную мною ранее ошибку. Оказывается, у вас намечаются не маневры, а учения. Это я напутал. Так вы разрешите нам присутствовать на ваших учениях?" Малинин ему ответил: "Ни маневров, ни учений у нас не намечается". Панюшкин опять извинился и ушел.

- Сам понимаешь, - продолжал Сергеев, - никакой ошибки у Панюшкина, конечно, не было. За несколько дней после своего первого визита к генералу Малинину он сумел доразведать, что это не маневры, а штабные учения. У меня возникли подозрения, Панюшкин не только узнал, что учения все же состоятся, а, возможно, заполучил информацию о месте и времени их проведения. Как он добыл эту информацию - вот наша головная боль.

Через несколько дней после визитов Панюшкина к генералу Малинину Сергеев вызвал к себе Лунева.

- Завтра с группой оперативных работников, - заговорил Сергеев, - ты поедешь в Брест принимать под охрану спецпоезд с генералами из Генштаба. На каждый вагон - по одному офицеру контрразведки, обеспечивать не только охрану, но и маскировку. Чтобы все генералы были в штатском, а не в брюках с лампасами. Вы имеете право делать все замечания по маскировке. На тебя возлагается еще одна задача: подловить в районе учений Панюшкина. Я уверен, он обязательно отправится туда нелегально, без пропуска. Ты должен организовать его задержание и оформить актом. Захвати свой фотоаппарат - не генералов снимать, а Панюшкина. После окончания учений от сопровождения генеральского поезда в Брест я тебя освобождаю. Твое дело - Панюшкин. Ну, иди, готовься к отъезду.

На другой день группа контрразведчиков прибыла в Брест и приняла под охрану спецпоезд с генералами для сопровождения их до места штабных учений на территории земли Саксония-Ангальт, в расположении частей и соединений 3-ей ударной армии. Уже близко к двенадцати часам ночи генеральский поезд остановился на глухом разъезде. Там генералов ждали машины. Районом учений командование выбрало лесисто-холмистую местность.

Лунев связался с командиром батальона охраны, и они наметили расстановку цепи замаскированных постов охраны.

В майскую звездную ночь Панюшкин осторожно, чтобы под ногами не хрустнули ветки, пробирался по лесу. Одет он был в спортивный костюм и легкую куртку. Как ни осторожничал Панюшкин, ветка под его ногами хрустнула.

- Стой! Кто идет? Стрелять буду! - окликнул его часовой.

Панюшкин залег в траву, полежал. Тихо, ничего не слышно. Подождя минут десять-двенадцать, он начал отползать назад. И, встав на ноги немного погодя, подался в сторону того места, где его засекли. Но опять он услышал оклик другого часового:

- Стой! Кто идет? Ложись!

Панюшкин залег. Вот здесь и вышли на него двое солдат с автоматами. Старший из них, ефрейтор, скомандовал:

- Встать, руки на затылок.

Панюшкин встал, поднял руки. Ефрейтор обыскал его. Никакого оружия у задержанного не было. Его повели к начальнику караула, старшему сержанту. Панюшкин молчал. Здесь к нему подошли командир взвода из батальона охраны и Лунев. Время шло, стало светать.

- Товарищ капитан, может, вы с ним разберетесь, молчит он, будто немой.

- Что с ним разбираться. Это мой старый знакомый. Подполковник Панюшкин, офицер американской военной миссии в Потсдаме. Впервые вижу его без мундира. Составьте акт о его задержании в районе охраняемого военного объекта.

Лейтенант сел на пенек и, положив планшет на колени, стал писать акт.

Панюшкин продолжал молчать и хмуро смотрел на Лунева. Пока писали акт, уже совсем рассвело, вот-вот покажется солнце. Лунев из-за кустов два раза сфотографировал Панюшкина, стоящего между двумя солдатами с автоматами.

Лейтенант предложил Панюшкину подписать акт, но тот отказался. Здесь в разговор вступил Лунев.

- Если не подпишете, копию акта вместе с фотоснимками мы передадим в прессу, - сказал ему Лунев.

Панюшкин подписал акт.

- Ну вот, пока все, - обращаясь к лейтенанту из батальона охраны, сказал Лунев. - Помогите господину подполковнику добраться до Потсдама.

Про себя Лунев подумал: "Не удалось тебе пробраться к месту учений".

В тот же день акт о задержании Панюшкина вместе с фотоснимками Лунев передал Сергееву.

Но в те дни генерал Калинин был очень занят, и Сергееву никак не удалось попасть к нему.

Панюшкин не стал дожидаться объявления его персоной нон грата и поспешно покинул Потсдам.

Сергей СЛЮНЯЕВ

МЕЛЕКЕССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Опыт научно-вспомогательного
указателя

Продолжение.
Начало в предыдущем номере

ПАВЕЛ Н.

О моей нежной и ласковой: Поэма // Димитровград-панорама. - 1996. - 2 апр. - С.7.

ПАНКРАТОВА Марина Викторовна

Молитва; Русалка; «Ты хочешь страдать?..»; «Никого не будет в доме...»; «Я не желаю возвращаться...»; «Не перечеркивай крестом...»; Черный бал; «Дай мне время, прошу я, время...»; «Я просила Бога: Боже, дай мне счастья...» // Димитровград-панорама. - 1995. - 23 февр. - С.6. - Под псевд.: Стефания.

Чье-то кому-то от кого-то; Кладоискатель; Баллада о прокуренном курятнике: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 1 апр. - С.5. - В соавторстве с Николаем Высотиным.

«Мной обретенные друзья...»: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1996. - 19 сент. - С.5.

А все ль придумано?: [Стихотворения: «Сердцебиение земли. Оно твоё сердцебиенье...»; Перевертыши; «Златоустые арфы. Тонкострунные души ветров...»] /Рис. // Димитровград-панорама. - 1998. - 10 янв. - С.11. - В соавторстве с Николаем Высотиным.

«Хочу пройти по этим тропкам...»; «Наша жизнь - что стихотворный том...»; В поисках слова; Юному Пушкину; Вы никогда не задумывались?; Из цикла «Встречи с М.Лермонтовым» («Месяц блестит за окошком...»): [Стихотворения в подборке «Счастливая судьба поэта...»] // Димитровград-панорама. - 1998. - 4 апр. - С.12.

«Я иду по городу, гордая, красивая...»; Воспоминания детства; Письмо Пушкину; «Строка не лепится. Она то летящая...»; К России: [Стихотворения в подборке «Здравствуй, мое Отечество»] /Илл. // Димитровград-панорама. - 1998. - 26 сент. - С.12.

ПАНОВА Ирина

Медведь и мед: [Басня. Из статьи И.Синяевой «Я внимательно вглядываюсь в лица людей...»] //Димитровград-диалог. - 1994. - 17 июня. - С.2.

ПАРФЕНОВА Елизавета Ильинична

Лень: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 нояб. - С.3.

Счастье будет: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1979. - 27 янв. - С.4.

Детям; Мой костер догорел: [Стихотворения] //Знамя труда. - 1991. - 5 сент. - С.4.

«Я пойманная птица...»: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1995. - 7 марта. - С.11.

ПЕРВУШИН Вячеслав Михайлович

В осеннем лесу: [Новелла] //Знамя коммунизма. - 1979. - 23 окт. - С.4.

«Исчезает в ночи...»; «Годы словно снежинки...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1981. - 2 июня. - С.3.

Гостиница на окраине: Роман /Краткое предисл.; Фото; Рис. авт. // Димитровград-панорама. - 1994. - 17 февр. - С.7. - 24 февр. - С.7. - 3 марта. - С.7. - 10 марта. - С.7. - 22 марта. - С.7. - 5 апр. - С.7. - 12 мая. - С.7. - 9 авг. - С.7.

Стекло́нная река: [Стихотворения: «Я тебя уже не назову своей...»; «Ты знаешь эту склонность к переездам...»; «Засиделся ночью. Закружились...»; «Я за вечер схватился зубами...»; «Снова зимняя ночь, и последний корабль в порту...»; Стекло́нная река; «Гляжу во тьму свинцового тоннеля...»] //Димитровград-панорама. - 1995. - 23 февр. - С.6.

Дуэль со временем: [Рассказ] //Димитровград-панорама. - 1995. - 7 марта. - С.11.

Вариации на тему осени; Город; Воздушный шар: [Новеллы] //Димитровград-панорама. - 1995. - 6 апр. - С.5.

«Пусть будет память, как цветков, хрупка...»: [Стихотворения: «За таких, как ты, мой друг беспечный...»; «Засвети лампаду...»; «Май пришел, в сирень одетый...»; «Ночные тени в тишине...»; «И забыть бы, да нельзя...»; «На машине старой и смешной...»; «Где ж моя любимая, где ж...»; «Обольщай же меня, обольщай...»; Сон; «Расплавленное солнце в голубых глазах...»; «Ожидание ожидания...»] // Димитровград-панорама. - 1995. - 8 июня. - С.7.

Вервольф: Роман /Краткое предисл.; Рис. Д.Хамидулина и авт. //Димитровград-панорама. - 1995. - 24 июня. - С.14. - 27 июня. - С.6. - 29 июня. - С.6. - 1 июля. - С.4-5. - 4 июля. - С.6. - 6 июля. - С.6. - 8 июля. - С.5. - 11 июля. - С.6. - 13 июля. - С.6. - 18 июля. - С.6. - 20 июля. - С.6. - 22 июля. - С.4. - 25 июля. - С.6. - 27 июля. - С.6. - 29 июля. - С.5.

«В этот торжественный день»: [Рассказ] /Фото [В.Зиновьева]; «...А там меня не ждут...»: [Стихотворения: «В кабачке темно, глаз ножом коли...»; «На рубашке вышитой, как росинки, слезыньки...»; «Слушай, спой мне, как бывало...»; «Где Ангара тайгой окружена...»; «Мы с тобой незаметно устали...»; «Мне двадцать

пять. Полжизни пролетело...»; «Глушу димедолом бессонницу...»; «Над Одессой мареве огней...»] //Димитровград-панорама. - 1995. - 28 сент. - С.6.

Я вернусь: Рассказ /Фототюды В.Зиновьева //Димитровград-панорама. - 1995. - 11 нояб. - С.5. - 14 нояб. - С.5. - 16 нояб. - С.5.

Ночь белого орла: Рассказ /Коллажи В.Зиновьева //Димитровград-панорама. - 1996. - 4 апр. - С.7. - 9 апр. - С.7.

ПЕРИКОВА Людмила Александровна

Светла небесных глаз печаль: [Стихотворения: «Богородицы вечный укор...»; «Уйти, растаять, раствориться...»; Танцовщица; «Поймите, нет ни боли, ни печали...»; «Бесплотных ангелов полет...»; «Налетела любовь неожиданно...»] /Предисл; Фото //Димитровград-панорама. - 1997. - 26 апр. - С.11.

Облака: [Стихотворения: Воспоминание о будущем; «Небеса провалились в зеленую рощу...»; Тотем; «В синем мареве туманов...»; «Я сегодня такая влюбленная...»; «В ярких солнечных лучах...»] //Димитровград-панорама. - 1997. - 20 сент. - С.12.

ПЕТРОВ Михаил Георгиевич

«Сапфир»: Повесть //Димитровград-панорама. - 1996. - 23 авг. - С.6. - 27 авг. - С.6. - 29 авг. - С.6. - 31 авг. - С.6. - 3 сент. - С.6. - 7 сент. - С.6. - 10 сент. - С.6. - 12 сент. - С.6. - 17 сент. - С.6. - 19 сент. - С.6. - 21 сент. - С.6.

Экспедиция за смертью: Приключенч.-фантаст. повесть /Рис. В.Золтоева (под псевд. Ю.Белкин) //Димитровград-панорама. - 1996. - 31 окт. - С.7. - 2 нояб. - С.11. - 5 нояб. - С.7. - 7 нояб. - С.11. - 12 нояб. - С.7. - 14 нояб. - С.7. - 16 нояб. - С.7. - 19 нояб. - С.7-8. - 23 нояб. - С.9. - 26 нояб. - С.7. - 28 нояб. - С.7. - 30 нояб. - С.11. - 3 дек. - С.7. - 7 дек. - С.7. - 14 дек. - С.7. - 17 дек. - С.9.

ПЛАКСИНА М.

Мой город; Зимний лес: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1978. - 1 апр. - С.3.

ПОЛЯКОВА Тамара Иосифовна

Димитровград; Кантата: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1977. - 19 марта. - С.3.

Яблоки; Не ставят елку у друзей: [Стихотворения] //Строитель (Димитровград, ДУС). - 1977. - 28 дек. - С.4.

Счастье: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1978. - 1 апр. - С.3.

Ровеснику: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 8 мая. - С.2.

Зимние гадания: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1983. - 13 дек. - С.3.

Ровесникам: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 14 дек. - С.4.

ПОНОМАРЕВА Екатерина

«Хочу взлететь, понять, увидеть...»: [Стихотворения: «Стало очень тихо в сквере...»; «Змейками снег по полю бежит...»; «Зимы и лета вечна колея...»; Родина: «За строчкой строчку пламя письма лижет...»; «Как дым, рассосался вечер...»; «Спящая ночная синева...»; «Голова кружится, в голове тревога...»; «Я свечу зажигаю в ночи...»; В музее: «В небе из синего шелка...»; «В скрипучей встхой тишине...»; «Ненужная пустая цельность...»; «Руки клавиш касались, взлетая...»; «Луна, как желтая ладонь...»] /Фото //Димитровград-панорама. - 1995. - 12 сент. - С.6.

ПОПОВ Леонид

Женщина: [Стихотворение] //Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 8 марта. - С.4.

ПОРТНОВ Андрей

Отрывки из «Поэмы»: [«Отвечает Яга Кощею...»; «В нашем Ваньке кровь закипела...»] //Димитровград-эфир. - 1996. - 4 окт. - С.8.

ПРИДАЧИНА О.

Люби навстречу; Вечер: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1979. - 18 окт. - С.3.

ПРОНИНА Людмила

Урок: [Стихотворение] //Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.4.

ПРУЦКОВА Т.

Дождик: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 нояб. - С.3.

РАДЕЦКИЙ Ростислав Александрович

Где зарыта собака?: Фельетон //Димитровград-панорама. - 1996. - 7 июня. - С.6. - Под псевд.: Аликс Радик.

Малина, клубника - ягода сладкая: Фельетон-быль //Димитровград-панорама. - 1996. - 15 авг. - С.3. - Под псевд.: Бабука Я.

Сон в руку: Фельетон //Димитровград-панорама. - 1996. - 20 авг. - С.3. - Под псевд.: Бабука Я.

РЕЗНИЧЕНКО Михаил

Восточка березы: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1977. - 19 марта. - С.3.

Предзимний лес: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1979. - 18 окт. - С.3.

«Коротки летние грозы...»; «Утро. В солнечных лучах...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1981. - 4 июля. - С.3.

«Здравствуй, поле!»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1983. - 28 июня. - С.3.

«Весна путем проверенным...»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 30 апр. - С.4.

РЕЙТМАН Марк Исаевич

Мой дом - Димитровград: [Текст песни. Музыка Л.Лядовой] //Знамя коммунизма. - 1979. - 8 февр. - С.4.

РОГАЧЕВ Виктор Яковлевич

Три плюс два: Почти любовный рассказ с коммерческим уклоном // Димитровград-панорама. - 1993. - 1 апр. - С.3. - Подпись: В.Рогачев, их «Современник».

РОГАЧЕВ Яков Капитонович

Я желал бы...: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 15 июля. - С.4.

Художник: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1982. - 9 февр. - С.3.

Наш город родной: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 8 июня. - С.3.

Прочь руки, агрессор!: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 22 июля. - С.2.

Всюду жизнь; У памятника: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1984. - 21 апр. - С.2.

«Ночь пала...»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 28 авг. - С.1.

Фронтвики-ульяновцы в Москве: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 5 июля. - С.6-7.

Вспоминаем молодость: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 1 нояб. - С.6.

Дядя-волшебник; Все равно не увидишь...; «Рано радуетесь»: [Рассказы о детях] //Ульян. комсомолец. - 1987. - 13 июня. - С.8.

Напоминает о себе...; Звезды; Несомненно; На Черемшане: [Стихотворения] //Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С.3.

Туфли по ордеру: [Невыдуманный рассказ] //Димитровград-панорама. - 1993. - 16 сент. - С.3.

Воспоминания теснятся роєм...; Димитровград; Россия; Звезды; Эхо испытаний; Звезды памяти; Коня седлает Дон Кихот...: [Стихотворения] //Димитровград-панорама. - 1994. - 11 авг. - С.7.

Пусть вечно светит солнце; Звезда; Хорошо с тобою; Родное поле: [Стихотворения] //Димитровград-панорама. - 1995. - 28 окт. - С.7.

РОЗИН Лонгин

Недопетая песня: [Стихотворение] //Димитровград-диалог. - 1993. - 30 апр. - С.3.

РУДКЕВИЧ А.

Стихоплет: Юмореска //Ульян. комсомолец. - 1986. - 3 мая. - С.11.

РЯБОВ Евгений Владимирович

Углубил; Скромница: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 нояб. - С.3.

На грани правды и фантастики: Новогодний репортаж [Интервью в стихах] //Знамя коммунизма. - 1975. - 1 янв. - С.4.

Ускорители - совместители; Неделя при деле: [Сатирические стихи] //Знамя коммунизма. - 1975. - 18 февр. - С.4.

Медсестра: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1977. - 22 февр. - С.3.

Первый юбилей: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1977. - 14 июня. - С.2.

Сатирическим пером: [Сатирические стихотворения о молодежи] //Знамя коммунизма. - 1979. - 17 нояб. - С.4.

«В любви так трудно скромным быть...»; Прощальное: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1981. - 2 июня. - С.3.

Братству верны: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 12 июня. - С.1.

«В сияньи елочных огней...»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 1 янв. - С.1. - Авт. не указан.

Понедельник - день тяжелый: Юмористический рассказ //Знамя коммунизма. - 1984. - 28 янв. - С.4.

Среди «планборцов»; К вопросу и новаторстве и экономии: [Первоапрельские миниатюры] //Знамя коммунизма. - 1984. - 31 марта. - С.4.

РЯДЧЕНКО Иван

Зеленый май: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 1 мая. - С.2.

С.

...И светлые минуты вдохновенья: [Стихотворения: «Что же счастье? Только ли виденье...»; «Люблю дороги бесконечность...»; «Когда в душе тревожная змея...»] //Димитровград-панорама. - 1994. - 27 окт. - С.6.

САГИРОВ Гакиль

Памятник рукам твоим: [Стихотворение] /Пер. с тат. А.Троепольского //Знамя труда. - 1993. - 26 окт. - С.3.

САТТАРОВ Ахмет

Поэтам: [Стихотворение] //Звезда. - 1973. - 1 мая. - С.4.

Забайкальская твердость; Берег надежды; Фронтвики: [Стихотворения] /Краткое предисл. Я.Рогачева //Знамя коммунизма. - 1982. - 6 февр. - С.3.

САФРОНОВА Альбина Федоровна

Телефонограмма: Новелла //Знамя коммунизма. - 1976. - 27 марта. - С.5.

Родина: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 31 июля. - С.3.

СЕМЕНКИН Г.

Тары-бары: [Стихотворение] //Вестник НИИАР. - 1991. - 28 янв.-3 февр. - С.7.
Исповедь (на модную тему): [Стихотворение] //Вестник НИИАР. - 1991. -
1-7 июля. - С.7.

СЕНЮТА Михаил

Жизни пленник; Помолись; Я нарисую сон; Я не люблю дарить цветы; Песня:
[Стихотворения] /Фото; Краткое предисл. //Димитровград-панорама. - 1993. -
30 марта. - С.3.

СИДОРЧЕВА Н.

Материнство: [Стихотворение] //Звезда (Н.Малыкла). - 1973. - 8 марта. - С.4.

СЛИЖЕВИЧ Александр Борисович

Танцует снег...: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1975. - 1 янв. - С.4.
России: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1975. - 24 апр. - С.3.
Мой поезд идет...: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3

СЛЮНЯЕВ Павел Валентинович

Та - другая сторона: Лирика /Редактор В.Гордеев; Фото на обл.; Коротко об
авт. - Димитровград: «Пойнт» - «Посад Мелекесс», 1997. - 45 с., ил. - (Книга сер.
«Литературный Димитровград. Поэзия»). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: Ныне
пишу; «Над водою тихо-тихо...»; Лед; Безумная мечта; «Как жаром пышет дух
стогов...»; Хочется жить?; Шепот свеч; По Симонову...; Палч-царевнина водица;
«Через миг придет зима...»; «Уцепившись, взгляд остался...»; Некому кричать; «Он
родился в свете месяца...»; «Ветер мотался на нитках дождя...»; «Я так же гениален,
как мусорная яма...»; Разговор с Учителем; Мне снится; «Набери воды в ладони...»;
Буду!; «Сплошной переполох в сознании...»; «Вспомни: вечер, мой приход...»;
Станция «Лето»; «К новогоднему столу...»; Сердцу; «Поано! Поано! Я не плачу...»;
«Утром ты отвори в доме ставни...»; «Сколько карт разложено...»; «Ты не виновна...»;
Моя жизнь; Апрель; Игра в жизнь; «Ветер хлопает угрюмо...»; Амнезия; «Высыпая
на блюдо солнечное...»; «Укачало в поезде свечу...»; Сладкий запах осин; «Жизнь
за любовь отдать готов...» /Пер. с англ. (Сара Тисдейл); Тону; Пролита любовь!;
Обст; «Тающее счастье на губах...» [М.Булгакову]; Я - бесконечно невозможен...;
«Ночная встреча на мосту...» [Ф.М.Достоевскому]; «Забыты святые. И лики икон...»;
Непришедший смех; «Высоко в горах всегда снега...»; «Стократ усиленный режим...»;
Веди, звезда; У сна в гостях; Музей; Утраченное лето; Воротись, душа!; Рождение
Короля; «Черный немощный лес...»; «Исчезла боль. И вдохновенно...»; «Подведение
черты, развиваясь из волокон...»; «Мысли о Безумье не бывает...»; «Чья-то совесть
дрожит огоньком в темноте...»; Памятник; «Елей макушки, как кисти...»; «Как-
то... однажды... как-будто... впотымах...»; «Готов дожить до светлых дней, светлее
этих...»; Королева-В-Изгнаны; Ишу душу; «Вновь ночь. И полная луна...»; «Подарю
свое терпенье ворону...»; «...А будет или нет - не знает никто...»; «Рассудок жадник

помутнеет...»; «Собирая дождь ногами...»; «Полна значением луна...»; Осколки сентября; «Лики трепетной луны...»; Сентябрьский закат; «На дворе ненастье...»; «Я не смею не посмотреть...»; «Новый день вошла: украдкой и не разбудив...»; Икар; «Убегающую поезд...»; «Благовесть весны...»; «Месяц на небо вспрыгнул...»; «Смахни жемчужину-слезинку со щеки...»; «Мне пробито (иль выбито?)...»; «Вперед на сто веков...»; «Окна на весну похожи...»; «Оставьте мне мое желание...»; «Все мои стихопенья...»; «Силась выдавить из буквы...»; «Хоть нету смысла в моих строчках...»; Предел; Утренняя радость.

Росток: Файтаст. рассказ /Рис. В.Золотова //Знамя труда. - 1992. - 11 апр. - С.2.

«Разбита вдребезги луна ненастьем...»: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1993. - 26 окт. - С.3.

«Он родился в свете месяца...»: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1994. - 7 янв. - С.1.

«В осенних снах есть что-то от разбитых окон...»; «Развяжите мне руки...»; «Среди осенних луж...»; «Нарисуй на окне мне тоску...»; «Миг ненастья за окошком...»; «Не случайно на рассвете...»: [Стихотворения] //Димитровград-панорама. - 1995. - 18 апр. - С.6.

Силась понять: [Стихотворения: «О, зеркало мое! В бесчинстве отражений...»; «Я дотронуся до березовой коры...»; «На назначенную встречу...»; «Как на глади да на дне...»; «Под влиянием чудесных...»; «На спине неуклюже...»; «Ливень за окном...»; «Поздно ночью, когда грай ворон...»; «Смахни жемчужину-слезинку со щеки...»; «Видение побед, мерцаая, разбегаясь...»; «Где ты, моя Королева-Визганыи?»; «Елей макушки, как кисти...»; «Мною дан был обет - не нарушить...»; «Не молитесь ни Забвенье, ни Прощенье...»; «Готов дожить до светлых дней, светлее этих...»; «Что не споется - то птицей родится...»; «До свидания, тоска»; Сердцу; Видениям в лесу] //Димитровград-панорама. - 1995. - 22 авг. - С.6.

Открытие с маленькой буквы: [Стихотворения: Разговор с учителем; «Мне бы выбрать из терновых корон...»; «На ветру, во чистом поле...»; «Уцепившись, взгляд остался...»; «Кружит листок. Просыпается осень...»; «Стань звуком в моей новой песне...»; «Весь мир на столько половинок разделен...»; «Высоко в горах всегда снега...»; «Среди черных болот...»; «Ночные звезды дышат в спину...»; «Я - огонь, в глазах горящий...»; «Дождь ночной, роса небес...»; «Душа лежала на руках у голой твари...»; «Темень. Вязко под ногами...»; «Проведи меня тропой длиною...»; «Укачало в поезде свечу...»; «Вот настал мой час безумный...»; «Полна значением луна...»; «По горам кустится темень...»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 12 марта. - С.7.

СЛЮНЯЕВ Сергей Валентинович

«Конец ожиданьям, забыты тревоги...»: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1995. - 7 марта. - С.1.

Хокку [«Осенний дождь...»; «Совсем пропал из виду...»; «Только отвернулся...»; «В зеркале дни отражаются...»; «Розовые облака...»; «Листья отчаянно машут...»;

«Мельком взглянул и увидел...»; «Багровый румянец расцвел...»; «Жую соленый хлеб...»]; Танка [«Умолк твой голос...»; «Шторы дождя...»; «Печальное небо...»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 28 сент. - С.6. - Под псевд.: Валентинов С.

СМОЛЬНИКОВ Дмитрий Егорович

Колдун: Рассказы. Авт. вариант /Редактор В.Гордеев; Фото и коротко об авт., 4 с. обл. - Димитровград: «Пойнт» - «Посад Мелескес», 1997. - 48 с., ил. - (Книга сер. «Литературный Димитровград. Проза»). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: Темная баба; От ворот - поворот; Колдун; Незадличивые рыбаки; Ратобор и Вишенка.

Сорок серебрянников: Миниатюры /Фото //Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.69-78.

СОЛДАТОВ Петр

Кража: [Рассказ] /Краткое предисл. //Димитровград-панорама. - 1994. - 12 апр. - С.6.

Из цикла «Ностальгия»: [Стихи и рассказы: Признание в любви; Фотография; Страх; Талант; Помнишь?; Суслик] //Димитровград-панорама. - 1994. - 30 июня. - С.7.

Счетчик (По ком звонит колокол): [Рассказ из цикла «Крик души»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 4 янв. - С.6.

Прямая дорога: [Рассказ из цикла «Крик души»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 16 янв. - С.6.

СОРОКА Анатолий Иванович

Будни; В дождь: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1979. - 18 окт. - С.3.

СОРРИ Е. (Сорокина Екатерина Рудольфовна)

Замки на песке: [Стихотворения: «Бездонной синевой блистающего неба...»; Весна; «Снежинка хрупкая...»; «Кривое, все в нем кажется раздутым...»; «Мысли мои далеко...»; «Темные облака...»; «Словно игривый котенок...»; «Слушая песню попугая...»; «Чудесный мир передо мной...»; «Мне не свернуть с пути...»; «Мой знак несет меня вперед...»; «Нежный взгляд хризантемы...»; Н...] //Димитровград-панорама. - 1996. - 5 марта. - С.7.

Маленький попугайчик Крокус: Pamфлет //Димитровград-панорама. - 1996. - 30 апр. - С.3.

А варуг...: [Рассказ] //Димитровград-панорама. - 1996. - 6 мая. - С.6.

«Утром солнце, птиц разбудив...»; «Весь день сыплет снег...»; «Вот и снег...»: [Стихотворения] //Димитровград-панорама. - 1996. - 28 сент. - С.6.

Леди грустных дождей: [Стихотворения: Домашнее; «Вечер поэзии...»; «В бокале старого вина...»; «Тускло лампа горит в коридоре...»; Беда; «Запах французских духов...»; «Спеть ли песню тебе...»; «Хладнокровно...»; «Луч

прощальный...»; «Свет сумеречный...»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 3 окт. - С.6.

Сквозь золотую паутину листьев: [Стихотворения: «Я в отчаянии!..»; Размышления о прекрасной Даме и ее сплине; «Усталость серою кошкой...»; «Есть что-то темное...»; «Вроде тепло...»; Неудачному октябрю, показавшемуся бесконечным; «Очень медленно и осторожно...»; «Серое небо...»; «Серым на сером...»; «Снег, как слезы...»; «Снежная пыль на асфальте...»; «С каждым глотком сигаретного дыма...»; «Как пусто и тихо...»; «Как жаль...»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 21 нояб. - С.7.

Зимнее настроение: [Стихотворения: «За ночь мятр побелел...»; Картинка за окном; «Мне холодно в комнате...»; «Новогоднее испытание...»; «Кашель бьет меня...»; «А первого выпал снег...»; «Там, где море и небо...»; Утешение; «Метель, поэмка, злая кутерьма...»; Пьяные стихи] //Димитровград-панорама. - 1997. - 23 янв. - С.7.

Свет небесный: Фантаст. повесть /Предисл.; Рис. //Димитровград-панорама. - 1997. - 13 февр. - С.6. - 15 февр. - С.6. - 18 февр. - С.6. - 20 февр. - С.6. - 22 февр. - С.6. - 25 февр. - С.6. - 27 февр. - С.6. - 1 марта. - С.6. - 4 марта. - С.6.

Рефлексотерапия: [Стихотворения: «Крепко спят куропатки в полях...»; «Когда летишь с восьмого этажа...»; Рефлексия N 1 или Совершенно неправильный неклассический сонет; Рефлексия N 2 или Бредни бессонницы; Вопрос] //Димитровград-панорама. - 1997. - 1 апр. - С.6.

Немножко о весне... Немножко о любви...: [Стихотворения: Вечерний вздох; «Забиться ли мне...»; «Нежные серьги осин...»; «Жара разомкнула объятья...»; «Это все случится внезапно...»; Подражания Шекспиру; «Опывет свечкою жизнь...»; Восьмимартовские страдания; Ведьма; «Не озбочена весной...»; Забавно...; «Вас любили когда-нибудь...»; «Звон будильника...»; «Ах, милый друг...»; «Отвлечение...»; Апрельская песенка; Весенний триптих; Баллада; Размышления о сытой жизни (Сонет N 4)] //Димитровград-панорама. - 1997. - 22 мая. - С.7.

Крестин: Рассказ. Из коллекции «Безделушек» //Димитровград-панорама. - 1997. - 1 июля. - С.6.

Собеседник: Рассказ. Из коллекции «Безделушек» //Димитровград-панорама. - 1997. - 19 авг. - С.6.

Как странны запахи и звуки...: Новелла первая [из цикла «Сны и тени»] / Краткое предисл.; Рис. //Димитровград-панорама. - 1997. - 27 сент. - С.12.

Магия понирошку: Новелла 2 [из цикла «Сны и тени»] /Рис. //Димитровград-панорама. - 1997. - 11 окт. - С.12.

Эльфийские народные песни: [Песня 1; Арвен; Серенада влюбленного эльфа; Прощальная песня (Расставание); «В сладкой боли щемящей...»] //Димитровград-панорама. - 1997. - 18 окт. - С. 12.

Пепел иллюзий: [Стихотворения: «Забавно!..»; «Не говори мне ничего...»; Картинки лета; «Лес за окном...»; «Раннее утро после дождя...»; «Хлебные крошки осторожно...»; «На дне любви...»; «Август крадется...»; «Ну что заладили...»; Молитва;

Депрессивное; «Лес застыл...»; «Очарование дождя...»; «Безумна ль я...»] /Рис. // Димитровград-панорама. - 1998. - 4 янв. - С.12.

Колочками шурша...: [Стихотворения: Попытка сонета; «Оплачем заповедник дураков...»; Монолог кактуса, в очередной раз оставшегося без полива; «Как приятно, что есть день рождения...»; Лимерики; Сонет N 7] //Димитровград-панорама. - 1998. - 24 янв. - С.14.

СТАВЦЕВ Александр

Я начинаю; Вечеря; Садко: [Стихотворения] /Рис. И.Ахмедовой //Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С. 4-5.

«Я спал или не спал - не знаю...»: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1992. - 11 апр. - С. 2.

СТЕПАНОВ Вячеслав

«Димитровград - ты город братства...»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 9 мая. - С.4.

СТЕПАНОВА Лидия Михайловна

«Июньский снег»: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1979. - 18 окт. - С.3.

Качели: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1979. - 3 нояб. - С.4.

Музыка: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 31 июля. - С.3.

Вера, Надежда, Любовь; «Время, не торопись, постой...»; «Увы, мне кажется порою...»: [Стихотворения] /Фото и коротко об авт. //Знамя труда. - 1991. - 30 янв. - С.3.

Страсти по Марианне: [Стихотворение] /Рис. А.Талимонова //Димитровград-панорама. - 1993. - 16 февр. - С.3.

«Жизнь - штука, право, презабавная...»: [Стихотворения: Кукушка; «Увы! Мне кажется порою...»; «Полушутя-полусерьезно...»] //Димитровград-панорама. - 1993. - 4 марта. - С.3.

Что тебе снится, дорогая?: [Юмореска] /Рис. С.Высотина //Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.3.

Гадалка нагадала...: [Стихотворение] //Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.4.

Современный девшиник: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1993. - 6 марта. - С.4.

Старые песни: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1993. - 26 окт. - С.3.

«Очаровательная Ира, очаровала нынче всех...»; «Зима. И все в снежном тумане...»: [Из статьи «Ты к нам еще вернись»] //Димитровград-панорама. - 1994. - 29 янв. - С.6.

Рождественский пирог; Ангел пролетел: [Миниатюры] //Димитровград-панорама. - 1994. - 22 февр. - С.7.

«Любовь незримые дала нам крылья...»: [Стихотворения: «Я в нити слов все

горести впряду...»; «Я помню все. Как мы с тобою шли...»; «Говорят, есть темная примета...»; «Ваш голос зачаровывал так нежно...»; «Мы встречаемся вновь...»] // Димитровград-панорама. - 1994. - 26 июля. - С.7.

Рождение человека; Радуга; «Взял я в руки пластилин...»; Куда мы идем? (Загадка); Одуванчики; «Маме я сказал, что Таня...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1994. - 27 окт. - С.6.

«Во все века - течений модных смена...»: [Стихотворение в статье «Эй, друг, гитара»] // Димитровград-панорама. - 1994. - 20 дек. - С.6.

«Я мечтал, чтоб Дед Мороз...»: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1994. - 29 дек. - С.12.

Наоборот; «Взрослые дяди - скучный народ...»: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 7 марта. - С.11.

«В бескрайне-тусклом море дня...»; «О, где мне взять волшебный тот сосуд...»; Романс: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1995. - 28 марта. - С.6.

Осенние этюды: [Стихотворения: «Что ты, осень, натворила, напроказила?...»; «Окончен день, как будто бы строка...»; «Ночь - моя наперсница...»; Куда уходят сны?; Пусть благодать она найдет в другом; «Осенний ветер в окна бьется...»; С.М. посвящается; Посвящается Г.Р. и ее когу Левушке; Надежда; Друг приехал; Но этот день останется со мной; Чаевые] // Димитровград-панорама. - 1995. - 23 нояб. - С.6.

Несет нас всех шальная карусель: [Стихотворения: «Маятник-лист на кусточке заброшенном...»; «О, истина! Так в чем она?...»; «Свет таинственный и лучистый...»; «В. круговерти, нестрой дня...»; «Звонки все реже. Все длинней дорога...»; Кого-то больше нет...; «Торжественность заснеженных деревьев...»]; Стихи для детей: [Кис, кис, кис!; Сны; Морской бой; Песочница; Лужа-океан; Мне подарили кошку; Палки разные такие] // Димитровград-панорама. - 1996. - 23 янв. - С.7.

Весенние этюды: [Стихотворения: «Прикарпатское чудо...»; Весенний блюз; «Омылись тополя дождем весенним...»] // Димитровград-панорама. - 1996. - 6 мая. - С.6.

«Выборы! Выборы! Выборы - снова!...»: [Стихотворение] // Димитровград-панорама. - 1996. - 2 июля. - С.1.

Стихи для детей: [Мультиман; А мне просто не везет...; Песенка про Алису; Контрольная; Песенка про Африку] // Димитровград-панорама. - 1996. - 6 июля. - С.10.

Перебирая дни: [Стихотворения: «Снова без сна - ночь...»; Марине Шутовой; «Омылись тополя дождем весенним...»; «Смотрю в тебя со стороны...»; «Подмету я комнату дочиста...»; «Друг сказал мне на прощанье тихо: «Будь»...»; «Видно, правду твердит молва...»; Песня; «Как часто НЕДО РАЗУменье...»; «Какое счастье дал нам бог...»; Романс; «Прикарпатское чудо...»; Весенний блюз; «Защел зачем-то. Посидели...»; Светлой памяти мамы, урожденной Прасковьи Слатковой посвящается; «Как тебе живется-может...»; С.М. посвящается] // Димитровград-панорама. - 1996. - 3 авг. - С.5.

Черемшанские зори: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1996. - 17 авг. - С.5.

«Дым костра, как священный елей...»; «На стыке осени и лета...»: [Стихотворения] //Димитровград-панорама. - 1996. - 19 сент. - С.5.

«Я ведь так люблю общенье...»: Стишата [для детей: Кот Тиша; В деревне; Болтушка] /Фото; Рис. [В.Кожевниковой?]; Море тишины: Прозочка // Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.61-65.

СТЕФАНИЯ (см. Панкратова Марина)

СУЛАБЕРИДЗЕ Владимир

Сон и явь: (Новогодний рассказ с цитатами из Библии) /Фото; Предисл. авт. //Вестник НИИАР. - 1993. - 31 дек. - С.4.

ТЕРЕНТЬЕВА Эмма Константиновна

Ветка полыни; Волоколамское шоссе; К равнодушию таланта нет: [Стихотворения] /Коротко об авт., с.151 //День волжской поэзии. 1983. Ульяновск. Пенза. Саратов. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. - С. 151-153. - Тираж: 10 000 экз.

Не спится солдату...: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1979. - 26 мая. - С.3.

«Задумчивы березовые рощи...»; «Увези меня на Север...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1981. - 2 июня. - С.3.

Снегопад: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1982. - 6 февр. - С.3.

«Человек и светило - из одних состоят элементов...»; «Как подарок судьбы эта встреча с тобою...»: [Стихотворения] /Рис. //Автостроитель. - 1983. - 1 июля. - С.3.

Не повторись, война!: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1983. - 13 дек. - С.3.

Новогодние елки: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 1 янв. - С.2.

Ностальгия: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 16 авг. - С.3.

Одно желание у людей...: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1984. - 31 дек. - С.1.

Припять: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1991. - 23 окт. - С.4.

Не знаешь...: [Стихотворение] //Димитровград-диалог. - 1993. - 5 марта. - С.4.

Любите стариков!: [Стихотворение] //Димитровград-диалог. - 1994. - 30 сент. - С.1.

«Цени и миг, и час, и день...»: [Стихотворения: Не тревожь; «Разбитого не склеишь», - говорят...»; «Дни проносятся и уносятся...»; «Цени и миг, и час...»; «То ль в генах зов далеких предков...»; Совет сатаны; Стариковские пересуды] /Фото и коротко об авт., с.38 //Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.38-42.

ТЕРНИК

«Мы сегодня на мели...»: [Стихотворение] //Димитровград-эфир. - 1996. - 4 окт. - С.8.

ТИМ Анатолий (см. Фадеев Анатолий Тимофеевич)

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ (см. Новоселова Елена Андреевна)

УРКИН Петр Михайлович

Что значит слово «жизнь»: [Стихотворения: «У буйного ветра есть тоже печали...»; «В один из майских знойных дней...»] /Краткое предисл. // Димитровград-панорама. - 1993. - 15 июля. - С.4.

УШАКОВА Галина

«Нет» - войне!: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1979. - 17 нояб. - С.4.

ФАДЕЕВ Анатолий Тимофеевич

В путь: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1972. - 22 апр. - С.4.

На посту: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1974. - 23 февр. - С.3.

Звезды победы: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1974. - 14 сент. - С.4.

Лучшее сложение: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1975. - 5 дек. - С.3.

Человек: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1976. - 27 марта. - С.5.

Родина: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1978. - 25 марта. - С.4.

Женщины; Забываю тебя: [Стихотворения] //Строитель (Димитровград, ДУС). - 1980. - 5 марта. - С.3.

«Розовый крылатый...»; «Ехал дед со внуком...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1984. - 16 июня. - С.3. - Под псевд.: Тим Анатолий.

Улицы, как строки; Тревожность: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1984. - 27 нояб. - С.3. - Под псевд.: Тим Анатолий.

Весна: [Стихотворение] //Ульян. комсомолец. - 1986. - 21 июня. - С.12.

ФАДЕЕВ Е.

Из лирики: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1976. - 4 мая. - С.4.

ФАЛАЛЕЕВ Николай Геннадьевич

Школ N Z: (Отрывок из романа) //Димитровград-панорама. - 1995. - 28 марта. - С.6. - Под псевд.: Николаев-Заволжский Ф.

Случай с иностранкой: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1995. - 18 апр. - С.6. - Под псевд.: Ф.Николаев-Заволжский.

Популярная схема водоснабжения одного из районов г.Димитровжутьска: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1995. - 31 авг. - С.5. - Под псевд.: Ф.Николаев-Заволжский.

«Но не выкину и маленький пустяк...»: [Стихотворения: Визитная карточка 1; Визитная карточка 2; Визитная карточка 3; Баллада; «Мой КПЖ ноль целых ноль десятых...»; «Ах, увольте меня с работы...»; «Когда утихнет мой ребенок...»; «Я встретил друга юриста...»; «А в тайге по утрам...»; О вечном...; Ни о чем; «Графоманы, графоманы, графоманы...»] //Димитровград-панорама. - 1995. - 7 окт. - С.6.

И ни слова больше...: [Миниатюры] //Димитровград-панорама. - 1995. - 26 окт. - С.7.

По городу ездит автобус...: [Зарисовки с натуры] //Димитровград-панорама. - 1996. - 23 апр. - С.6.

Басня: [«Уж сколько раз твердили миру...»] /Предисл. авт.; Рис. О.Тюренкова //Димитровград-панорама. - 1996. - 27 июля. - С.1.

ФЕДОРОВСКИЙ Владимир

Тропа: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 6 марта. - С.4.

Зачем?; Стихи о стихах: [Стихотворения] /Предисл. «Знакомьтесь: Володя Федоровский» //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 марта. - С.4.

Мечтатели: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 18 мая. - С.4.

Расставание: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 17 апр. - С.4.

Сварщики: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 31 авг. - С.3.

Мальчики: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 нояб. - С.3.

ФИЛИМОНОВА Анна Вячеславовна

Мысль: Науч.-фантаст. рассказы. Авт. вариант /Редактор В.Гордеев; Фото и коротко об авт., 4 с. обл. - Димитровград: «Пойнт» - «Посад Мелекёсо», 1997. - 38 с., ил. - (Книга сер. «Литературный Димитровград. Проза»). - Тираж: 5 000 экз. - Содерж.: Записки старого астролетчика; Дельфиния; Юродивый; Жители планеты Суа.

Посвящается Виктору Цюю: [Стихотворение] //Димитровград-диалог. - 1994. - 12 окт. - С.2.

Вспышка: Фэнтези /Фото и коротко об авт., с.62; Рис. //Черемшан. - 1998. - Пробный номер. - С.62-68.

ФИЛИППОВ Ник.

Богатыри: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 7 нояб. - С.2.

ХАРЧЕВНИКОВА Анна Федоровна

«Никому все это не отдам...»: [Стихотворения: «Есть слова, звенящие от боли...»; «Русь моя, от края и до края...»; «Я летаю во сне, вольно руки раскинув...»; «Как ручейка прикосновенье...»; «Припорошены пусть снегом зеленыя поля...»; «Волны пенятся, рвутся, кувыркаются...»; «Я хочу разобраться...»; «Мчится тройка, как Россия...»; «Осень танцует с шальными ветрами...»; «Умытая дождем земля...»] /Димитровград-панорама. - 1994. - 25 авг. - С.7.

Все кончено: Неотправленное письмо // Димитровград-панорама. - 1994. - 27 окт. - С.6.

ХАСИЯТУРИНА Н.

Горжусь!: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 25 сент. - С.3.

ХЛЕВНОВ А.

Я, Петька и гипноз: Юмористич. рассказ // Знамя коммунизма. - 1966. - 23 янв. - С.3.

Встреча: Юмористич. рассказ / Рис. [авт.?] // Знамя коммунизма. - 1966. - 23 февр. - С.3, 4.

Козья болезнь: Юмористич. рассказ / Рис. [авт.?] // Знамя коммунизма. - 1966. - 11 нояб. - С.3.

ХМАРСКИЙ Иван Дмитриевич

Когда тебе трудно: Рассказ // Знамя коммунизма. - 1966. - 11 февр. - С.2-3.

Посеребрил коварный иней...: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1973. - 24 окт. - С.4.

Альенде: [Стихотворение] // Знамя труда. - 1974. - 26 янв. - С.4.

В бегах: Рассказ / Художественное оформление А.Васина // Ульян. комсомолец. - 1986. - 4 окт. - С.7.

Гологофа: Рассказ / Фото; Рис. // Черемшан. - 1998. - Октябрь. - С.43-52.

ХОРЬ Анатолий Иванович

Окно: [Стихотворение] // Знамя коммунизма. - 1982. - 15 дек. - С.4.

Этюд о собаках; Тепло рук: [Рассказы] // Автостроитель. - 1983. - 1 июля. - С.3.

Вышка: Рассказ // Знамя коммунизма. - 1984. - 14 дек. - С.4.

Наука прошлого; Свет в окошке; Кто знает...; Поезд времени: [Стихотворения] / Фото и коротко об авт. // Знамя труда. - 1991. - 30 янв. - С.3.

Остров детства: Рассказы [Электричка 20.00; Первая любовь; Охотники на привале; Остров] // Димитровград-панорама. - 1994. - 25 авг. - С.7.

ХОРЬ Андрей Анатольевич

В квадрате оконном неясные лица; Станный сон: [Стихотворения] // Димитровград-панорама. - 1994. - 27 окт. - С.6.

Зарисовки в рыночных тонах // Димитровград-панорама. - 1995. - 1 апр. - С.5.

ХРАМКОВА Зинаида

Как и ты...: [Стихотворения: «Вот и утро...»; «Знаю, все проходит постепенно...»; «В святости бы жить...»; «Странная птица кричала...»; «Печальной осени картины...»; «Темна дорога, грязно, слякотно...»; «Вскричала сирена «скорой»...»; «Ни губами, ни руками...»; «Поздний лист на дереве осеннем...»; «Без тепла проходит лето...»; «Я никогда не верила гаданьям...»; «От фонаря до фонаря...»; «Знаю я, чужие

руки...»; «Нет печалям моим ни конца, ни предела...»; «Господи! Как нужно и как трудно...»; «И не только горевать заставил...»; «Я любила до боли...»; «Поставим свечи на камин...»] //Димитровград-панорама. - 1996. - 1 июня. - С.5.

ХУСАИН Махмуд (ХУСАИНОВ Махмуд Хафизович)

Мать: [Стихотворение] /Пер. с тат. Б.Дубровина //Знамя коммунизма. - 1975. - 7 марта. - С.3.

Они были учителями; Неугасимая молодость; Первые снежинки: [Стихотворения] /Пер. с тат. В.Борисова, Б.Железнова и Б.Дубровина //Знамя труда. - 1975. - 11 марта. - С.4.

Песней вернулся к народу: Поэтический венок Мусе Джалилю [«Плывет над полем голубой туман...»; Муса живой в твоих глазах; Спасибо, поэт!; Песня юных джалиловцев] //Знамя коммунизма. - 1975. - 22 марта. - С.4.

«В тиши степей, где птица редкий гость...»; «Горох, пшеница, рожь ли...»; «Он из запоя вынырнув опять...»: [Стихотворения] /Пер. с тат. В.Гордеева //Ульян. комсомолец. - 1987. - 4 июля. - С.6.

См. также в кн.: Гордеев В. Черный Собор: избр. - Димитровград, 1997.

ЦЫГАНОВ Александр Михайлович

«Год рождения - двадцать седьмой»: [Стихотворение в статье С.Андриянова «Никто не забыт? Ничто не забыто?»] //Димитровград-панорама. - 1995. - 21 янв. - С.2.

ЧАКИН В.

Из цикла «Лебединая песня аБраКадаБры!»: [Рассказы: Маша; Кто следующий?] /Рис. С.Высотина //Вестник НИИАР. - 1991. - 1-7 апр. - С. 4-5.

ШЕВЧЕНКО Александр Григорьевич

Любимые женщины полиграфиста Гаврюхина: (Тема для киносценария) // Знамя труда. - 1991. - 5 сент. - С.4.

Вот и все: [Эссе] /Рис. И.Ахмедовой //Спутник. Тематич. вып. «Знамя труда». - 1991. - 16 нояб. - С.10-11.

Шмакопумпия; Шмакодявка; Колыбельная для маленького бронехрюнделя: [Стихотворения для самых маленьких] //Знамя труда. - 1992. - 11 апр. - С.2.

Солнечные искорки: [Новогодняя зарисовка] //Димитровград-панорама. - 1994. - 1 янв. - С.4.

Легенда N 1; Легенда N 2: [Из цикла «Легендарий»]; Шмакопумпия; Витрина; Наша Крокозябушка; Шмакодявка; Колыбельная для маленького бронехрюнделя: [Из цикла «Шмакопумпия»]; Игра: Рассказ /Рис. В.Золотоева //Димитровград-панорама. - 1995. - 1 авг. - С.6.

Тачка для скрипача: [Рассказ] //Димитровград-панорама. - 1996. - 2 апр. - С.7.

ШЕВЧУК Валентина

Лесной хоровод: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 1 янв. - С.3.

В Доме-музее Ильича; Зимнее; Только не грусти; Опять: [Стихотворения] / Предисл. «Познакомьтесь с Валей Шевчук» Е.Ларина; Фото //Знамя коммунизма. - 1966. - 16 янв. - С.4.

Подари мне: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 7 марта. - С.4.

Зима: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 11 марта. - С.4.

Виновата весна; «Ходит весна...»: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1966. - 17 апр. - С.4.

Обращение к матери: [Стихотворение] //Знамя коммунизма. - 1966. - 15 июля. - С.4.

Летний лес; Звезды: [Стихотворения] //Знамя коммунизма. - 1966. - 21 авг. - С.4.

Не сердись: [Стихотворение] //Знамя труда. - 1973. - 18 авг. - С.4.

ШЕВЯХОВ А.

Поэзия очередей: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1993. - 2 февр. - С.2.

ШЛЮКОВ Евгений

«Хорошо, чтоб дома ждали...»: [Стихотворение] //Димитровград-панорама. - 1996. - 21 сент. - С.3.

ЮМАН Анатолий

Памяти Якова Рогачева: [Стихотворение] /Фото; Краткое предисл. // Димитровград-панорама. - 1995. - 28 окт. - С.7.

Лидия СТЕПАНОВА

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Сказку придумывать - нет интереса.
Просто я выйду к соседнему лесу.
Разве не сказка - все, что вокруг?
Белых сугробов сверкающий круг,
Сосны под снегом, стая ворон,
Вдруг налетевших с разных сторон.
Кажется, словно сейчас на опушку
Выскочат стайкой смешные зверюшки
И заведут вокруг сосны хоровод.
Зимнею сказкой пришел Новый год.

СНЕГОВИК

Зима на улицу зовет:
Скорей, к снежинкам в хоровод!
Они летят, они спешат
Ко мне навстречу.
Кружась, ложатся на кусты,
На прошлогодние цветы,
Моей подружке на банты,
И мне на плечи.

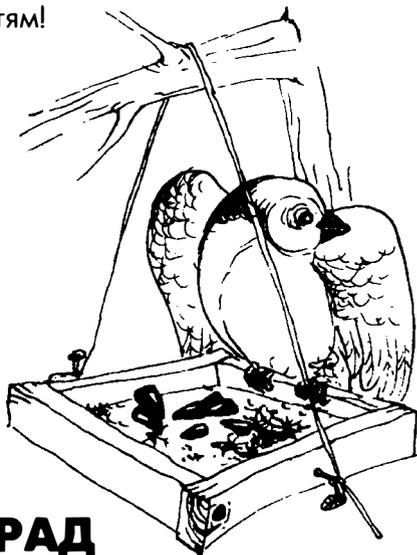
Скорей сюда, мои друзья!
Сегодня вышли мы не зря.
Снеговика, снеговика
Лепить мы будем.
А снег летит за воротник,
Но скоро будет снеговик,
Такой потешный снеговик
Но радость людям!

Хоть рукавички все мокры,
Но не уйдем мы до поры,
До той до самой до поры,
Пока не слепим.
Морковку надо прилепить,
И рот, и глазки начертить,
И будет славный снеговик
На радость детям!

КОРМУШКА

Птичкам каждый день
В кормушку
Сыплем семечки
С подружкой.
Прилетают воробьи,
Прочирикают: «Вы чьи?»
Все склюют за пять минут
И еще добавки ждут.

ОСЕННИЙ МАСКАРАД

Осень, как для маскарада,
Нарядить деревья рада:

1.

Вот березка - златовласка,
Словно выплыла из сказки.
Как царевна молодая,
Вся искрится и сверкает.
Косы-ветви расплела,
В маскараде проплыла,
С принцем-ветром подружилась,
В легком танце закружилась.

2.

Вот аллея тополей -
Молодых богатырей.
Каждый - богатырь. На нем
Шлем сверкает серебром.
В черно-серых все кольчугах,
Выстроились друг за другом.
Ветер пролетел крылатый,
И позванивают латы.

3.

Клен, как клоун,
весь вихраст,
Ярко краситься горазд.
Желто-красно-рыжий клен,
Весел и задирист он.
Пестрое трико на нем
Отливает все огнем.
Ветер налетел и рад:
Отрывает вихрь заплат
От костюма клоуна -
Клена бестолкового.

4.

А рябина красная -
Барышня прекрасная
Средь других красуется
Да собой любится.
Платьице двухцветное,
Броское, заметное,
Все золототканое,
С кистями багряными.
Люди восхищаются:
«Ай, да раскрасавица!»

Маскарад кончается -
Весь наряд снимается.

СВЕТЛОЕ ИМЯ ВАСИЛИСА

Девушка эта - вся светлая.

Светлые волосы, светлые голубые глаза, светлая душа, светлый талант.

И имя у нее светлое, старинное русское - Василиса. Василиса прекрасная, пока еще не премудрая, ведь ей всего двадцать лет от роду.

Имя Василисы Кожевниковой известно в Димитровграде. Ее приятный голос под аккомпанемент гитары звучит и у костра на турслетах, и в концертах для детей и взрослых, и в тесном кругу любителей

самодеятельной песни. Причем, в песнях Василису прежде всего привлекает текст. В ее репертуаре - песни, в которых положена на музыку высокая поэзия, в том числе стихи таких поэтов, как Н.Гумилев, М.Цветаева, Ф.Лорка, А.Ахматова, В.Высоцкий, Н.Рубцов. У Василисы удивительное внутреннее чутье на хорошие стихи.

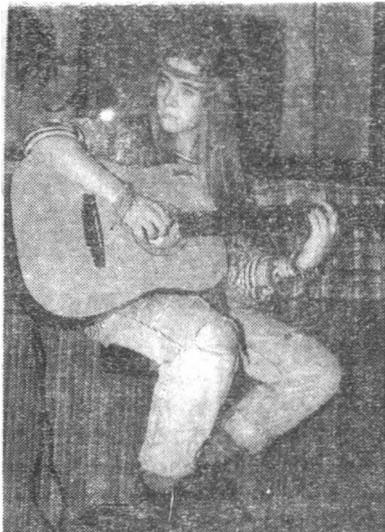
Любовь к песне и литературе привила дочери ее мама - Татьяна Ивановна Кожевникова, которая организовала в нашем городе 15 лет тому назад КСП. Это удивительная женщина, подвижник по натуре. Сейчас у нее в доме - семейный детский дом.

У Василисы есть и другая сторона ее творческой натуры. Она - художник. Причем, пробует свой талант и в живописи, и в графике, и в прикладном искусстве.

Второй год она - руководитель кружка «Художественное ремесло» в подростковом клубе «Вита». Василиса уже заявила о себе как художник иллюстратор. Она нарисовала рисунки к моей книге стихов для детей, которая уже готова к изданию.

В процессе подготовки макета книги одно удовольствие было работать с этой художницей. Насколько тонко она видит содержание стихов!

А то, что она еще только начинающий художник-оформитель, это даже, я считаю, плюс. У нее очень нестандартное видение материала и богатая фантазия. У нее удивительный дар проникновения в сферу детского восприятия мира.

На наших совместных с ней творческих встречах с детьми дети были в восторге от ее рисунков, когда мы показывали им макет нашей книги. Многие спрашивали: «А где можно купить эту книжку?» К сожалению, это не от нас с ней зависит. Живем в надежде, что мэрия выделит средства на ее издание.

Василиса пока еще ищет себя и не определилась окончательно, чем в большей степени будет заниматься в жизни. Но что бы она ни делала, она будет нести людям свет своей души.

Время, прошу тебя, - остановись!
Выслушай добрый совет:
Над девушкой этой ты не кружись,
Не тки паутины лет.
Ее золотых волос водопад
Подольше пусть льется, блистая.
Открытый ее и ласковый взгляд
Пусть в сердце людей проникает.
В ней все - устремление к любви и добру,
В ней все - ожидание чуда.
Она, словно солнечный луч поутру,
В ней нежность и легкость этада.

Я НЕ ХУДОЖНИК ...
(я только учусь)

А.П.

БЫВАЛ ЛИ ПУШКИН В МЕЛЕКЕССЕ?

Оказывается, специалисты-пушкиноведы не отвергают такой возможности. Как известно, великий русский поэт с августа по октябрь 1833 года совершал поездку в Поволжье и на Урал, чтобы собрать материалы о Пугачеве для своей "Истории Пугачевского бунта". Общая схема этого путешествия хорошо изучена. По письмам самого Пушкина жене, воспоминаниям современников и другим документам точно установлено, что поэт посетил Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург и Уральск. Однако до сих пор продолжают дискуссии ученых о его маршрутах между этими городами, остается неизвестным, когда и через какие населенные пункты проезжал Пушкин. Одним из таких спорных вопросов является маршрут Пушкина из Симбирска в Оренбург, особенно отрезок пути от Симбирска до с.Резваново.

Казанский краевед Н.Ф.Калинин в книге "Пушкин в Казани", изданной в 1942 году, впервые предположил, что Пушкин проследовал из Симбирска через Чердаклы и Русский Мелекесс (Димитровград). Некоторые исследователи жизни и творчества Пушкина поддержали это мнение, и хотя в последующие годы дискуссии о путешествии Пушкина продолжались, серьезных документов против этой версии выдвинуто не было.

Сравнительно недавно, в 1980 г., специалист по этой проблеме Ю.Л.Славянский опубликовал книгу "Поездка А.С.Пушкина в Поволжье и на Урал", в которой он критически рассмотрел все варианты маршрута поэта, подробно осветил его путь из Петербурга через Москву и Поволжье в Оренбург и Уральск с указанием всех почтовых станций. Славянский тоже не отвергает категорически возможности проезда Пушкина через Мелекесс, но все же полагает, что поэт, выехав из Симбирска, должен был предпочесть другой путь: Симбирск - переправа на левый берег

Волги - с.Красный Яр - д.Калмаюр - с.Никольское - переправа через р.Черемшан - с.Резваново. Никаких конкретных фактов в пользу своего предположения Славянский не приводит и обосновывает его только двумя доводами: 1) такой путь несколько короче маршрута, предположенного Калининим; 2) Пушкин спешил на протяжении своей поездки и выбирал самые короткие дороги.

Доводы Славянского не являются абсолютно убедительными. Ведь при выборе маршрута Пушкин мог руководствоваться не только краткостью пути, но и другими мотивами. Ему приходилось учитывать, к примеру, состояние дорог (не всегда самая короткая является самой быстрой), принадлежность ямщиков к тем или иным станциям, наличие там лошадей и элементарного сервиса. На выбор Пушкина могли повлиять такие обстоятельства, которые могут показаться просто нелепыми, например, суеверие поэта. Из письма жене от 14 сентября 1833 года из Симбирска известно, что, выехав 13 сентября из города и проехав 55 верст, поэт вернулся обратно в Симбирск из-за того, что заяц перебежал ему дорогу, и Пушкин посчитал это плохой приметой. В этом же письме он жаловался, что на одной из станций не мог найти ямщиков - "один слеп, другой пьян и спрятался". Только через 2 дня, 15 сентября, Пушкин снова выехал из Симбирска в Оренбург, причем, как указывает сам Славянский, уже другой дорогой. Таким образом, Славянский сам признает, что обстоятельства могли вынудить Пушкина отправиться не по предполагаемому им, более короткому пути, а по другому, возможно, более удобному. Что же касается поспешности поэта, то в начале его поездки она вовсе не была такой существенной, иначе Пушкин при всем своем суеверии не стал бы возвращаться из-за плохих примет и станционных неурядиц.

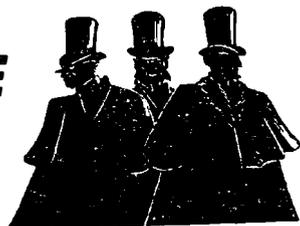
В целом, на мой взгляд, пока не существует убедительных доказательств против того, что Пушкин в середине сентября 1833г. проезжал через Мелекесс. Поэтому димитровградцы вправе считать свой город в какой-то степени (пусть даже незначительной) одним из пушкинских мест России. А это еще один небольшой, но интересный штрих к истории и культуре нашего славного города. Как говорится, мелочь, но приятно.

Эмма ТЕРЕНТЬЕВА

НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

На Черной речке - белый снег.
На белом снеге - черный след.
Поспешный след - вперед, туда...
Обратно же нет следа.

А начиналось это так:
Щуан*, по виду - весельчак,
Тому уж года три назад
Был принят многими, как брат.
В среде военных - он кутил,
Изящно в обществе острил,
И каламбуры сочинял,
И дамские сердца пленял.
Одна же из красавиц света, -
Жена известного поэта,
Его отвергла чары. Он
Тем был немало уязвлен.
Не зная прежде поражения,
Изведал горечь отверженья.
Чтоб отомстить ему и ей,
Использует его друзей:
Семь писем анонимных шлет,
Где про неверность речь ведет,
Водя пером в чужой руке
И на французском языке.

Пусть суверен был поэт,
(Их разница - в тринадцать лет,
Боялся "белой головы",
А волосы того - белы),
Но он, рискуя пасть в бою,
На карту ставит жизнь свою.

Готовый ко всему уже,
Данзаса** ждет у Беранже***.
Спокоен с виду, бледноват,
Рассеянный блуждает взгляд;
Пьет воду медленно. Потом
С Данзасом прочь идет вдвоем.
Извозчик (первый, что попал),
Коня не очень понукал.
Меж тем к закату день идет.
Они спешат, - противник ждет.
Навстречу множество карет, -
С прогулки едет высший свет.
Лицо мелькнуло Натали.

Данзас воспрянул: "Ну, уж ли
 Удастся знак подать какой!"
 И он приветствует рукой.
 Но все напрасно. Та, смеясь,
 В коляске мимо пронеслась,
 Не видя их. А наш поэт
 Смотрел в закатный, дальний свет.
 И лишь в "Воротах смерти"**** он
 Очнулся, будто пробужден:
 "Куда везешь меня, мой друг,
 Не засадить ли в крепость вдруг?"
 "Нет, просто ближе этот путь,
 Вот и пришлось сюда свернуть".
 Сверкает инеем гранит,
 Повозка по камням скользит;
 А вот и поле, редкий лес.
 Там дожидается Дантес.

Шаги отмерены. Встают.
 Им пистолеты подают.
 Минута... Нет, мгновенье, миг, -
 Упал и головой поник.
 Пронзила боль. Алеет кровь...
 Приподнимается он вновь.
 Отмщенья жаждет дух его.
 Важней нет в жизни ничего, -
 Как отомстить за ложь, обман,
 За лицемерья балаган.
 Он целится. Дрожит рука
 И нажимает сталь курка.
 Дантес качнулся и упал.
 Крик радости: "Попал, попал!"
 Но ликовал напрасно он, -
 Тот не был намертво сражен.

На Черной речке - белый снег.
 На нем змеится санный след.
 Обратный след, печальный след,
 Последний след. Прощай, поэт...

В сердцах навечно этот след,
 Века идут, но жив поэт!

* Шуан (фр. Слово) - нарицательная кличка, язык монархистов, каковым был Дантес.

** Данзас - секундант Пушкина

*** Здесь Беранже - владелец кондитерской в Петербурге тех лет.

**** "Ворота смерти" - в Петропавловской крепости, через которые ввели на казнь.

Надежда ДРЫГАНОВА

ЗАКЛИНАЮ ТЕБЯ

Надежда Андреевна Дрыганова родилась на севере Томской области в селе Роголево. Работала там в НИИ геологии, геофизики и минерального сырья, затем после окончания Сибирского металлургического института - преподавателем на кафедре электротехники.

С 1969 года живет и работает в Дмитровграде. Сотрудник НИИАра, где удостоена медали «Ветеран труда». Почти в это же время она стала известна в нашем городе и как талантливая поэтесса, лирик. Член литобъединения «Черемшан». Ныне член ДПО. Публиковалась в местной прессе, «Ульяновской правде», «Ульяновском комсомольце». В 1983 году подборка стихов Дрыгановой вышла в сборнике «День волжской поэзии».

Надежда - веселый, добрый, творчески активный человек. Мы, все ее коллеги, дмитровградские литераторы от всей души поздравляем нашего надежного друга и поэта с важным жизненным юбилеем и желаем в день рождения всегда быть такой же неутомимой и молодой душой.

- Ненавижу тебя и люблю,
- Презираю тебя и страдаю,
- Каждый взгляд твой, как искру, ловлю
- И от голоса замираю...
- Мне не надо чужого огня,
- У которого не обогреться.
- Заклинаю тебя, заклинаю тебя -
- Отпусти, отпусти мое сердце.

- Дымы весенних облаков
- Зовут забыть про осторожность,
- И ненаписанных стихов
- Толпятся строчки и тревожат.
- Лучатся темные глаза
- И никуда от них не деться.
- И задохнулось от толчка
- На встречу рвущееся сердце.
- В словах глухая напряженность...
- Чтоб не расплакаться при всех,
- Пусть прикрывает обнаженность
- Обороняющийся смех.

- До чего же они чистые -
- Небеса в твоих глазах!
- Рассыпают звезды искрами
- И смешинки на устах.
- До чего же ярко светятся
- Их горячие огни!
- Хорошо бы с ними стретиться
- В летний вечер у реки,
- И глядеть, глядеть бы в ясные,
- Как во сне на лодке плыть
- И на веслах, как на прясле,
- Звезды мокрые сшить...

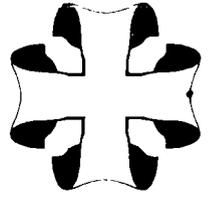
Это даже не стихи,
Это просто мысли,
Захватили, как стихия,
Глубину и выси.
Захлестнули половодьем
Сердце оголенное.
Что со мною происходит,
Может быть, влюбленная?

.....
Над собою посмеюсь я -
Можно ль в эти годы,
Так же как и в юности
Сердцем колобродить?..

Только вспомни меня, пожалуйста,
Когда запоют по-русски,
Без ненависти и жалости,
Вспомни светло, без грусти.
И когда прилетают жаворонки,
И реки выходят из русла,
Вспомни меня, пожалуйста,
Вспомни светло, без грусти.
Или в тиши изначальной,
Когда ветка вдруг слабо хрустнет,
Вспомни меня случайно,
Вспомни светло, без грусти.

Деревеньки, деревеньки...
Их все меньше на Руси,
Где грустят седые вербы,
Наклонившись у реки.
Привыкаем мы к комфорту,
Нужен газ нам и уют,
Только грустные березки
Мне покоя не дают.
Я оставила б на память
Часть нетронутой Руси
С деревеньками, плетнями,
С колкой свежестью росы.
Чтобы мог в тридцатом веке
Человек прийти, взглянуть,
Где берут начало реки,
Где копила силы Русь.

ЯНВАРЬ
1999

литературно-художественный
и краеведческий журнал